

**Социально-психологическая адаптация мигрантов
в современном мире:
материалы 5-й Международной научно-
практической конференции**

Пензенский государственный университет

Костанайский государственный университет

им. А. Байтурсынова

Уполномоченный по правам человека

в Пензенской области

Социально-психологическая адаптация мигрантов в

современном мире:

**материалы 5-й Международной научно-практической
конференции**

Пенза - 2020

УДК 316.6
ББК 88+60.5
С 69

С69 Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 5-й Международной научно-практической конференции / Ответственный редактор В. В. Константинов. – Электрон. текстовые дан. (2089 Кб). – Москва : Издательство «Перо», 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: ПК с процессором 486+ ; оперативная память 256 Мб ; внешняя память 15 Мб ; Windows XP SP3 и выше, Linux при использовании Wine ; дисковод CD-ROM, PDFредактор

ISBN 978-5-00150-950-9

**УДК 316.6
ББК 88+60.5**

ISBN 978-5-00150-950-9

© Авторы статей, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие коллеги! Искренне рад представить вашему вниманию сборник материалов 5-й Международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире». В пятый раз в стенах Пензенского государственного университета ученые и практики обсуждали остроактуальные проблемы адаптации мигрантов на постсоветском пространстве и в Европе, методологии социально-психологической адаптации личности в новых условиях жизнедеятельности, оказания психолого-педагогической помощи мигрантам и т.д.

Ставшая традиционной, работа нашего научного форума будет способствовать научному развитию ученых-участников конференции, интеллектуальному взаимодействию специалистов в области психологии и педагогики, социологии и миграциологии, философии и антропологии, права и социальной политики, и всех, кому не безразличны проблемы адаптации мигрантов.

В материалах сборника читатели смогут найти актуальные и интересные подходы к решению проблем, связанных с адаптацией мигрантов в современном мире.

Уверен, что материалы сборника 5-й Международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире» будут интересны широкому кругу читателей, и найдут свое развитие в дальнейших исследованиях.

Ответственный редактор В. В. Константинов,
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Общая психология»
ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
(г. Пенза, Россия)

МЕХАНИЗМЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СИТУАЦИЯХ КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Бабаева М. В. (г. Пенза, Россия)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00445 «Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: условия, факторы и механизмы»

Будучи одним из центральных и достаточно устойчивым компонентом социальной идентичности, этническая идентичность чувствительна к кризисным состояниям личности и общества. Индивид на протяжении всего своего существования находится в перманентном процессе осознания и переживания своего личностного «Я» и группового «Мы». В привычной, стабильной жизненной ситуации у большинства людей доминирует личностный уровень. В переходных или кризисных жизненных ситуациях, например, в ситуации трудовой миграции, находясь в условиях повышенной напряженности в обществе, человеку становится все труднее полагаться только на себя. В поисках опоры и защиты он стремится к расширению своих социальных и психологических границ, выходит за пределы своего «Я», сознательно апеллируя к какой-либо общности, тесной связи с ней. Этот процесс был впервые подробно описан К.Г. Юнгом и обозначен им термином «психическая инфляция» (от лат. «inflation» – «раздувание», «расширение») [8, С. 149]. Увеличение охвата индивидуальных границ личности происходит с целью защиты, поиска устойчивости и возможности развития через группу и групповую идентичность. Яркий пример такого расширения индивидуальных границ, которому многие были свидетелями – переломный период 1990-х годов. Тогда у большинства россиян обострились этнические чувства, именно через этническую принадлежность достигалось так необходимое ощущение

стабильности, что привело к резкому повышению межэтнической напряженности в российском обществе того времени.

Здесь налицо действие психологического эффекта противопоставления «мы – они», названного феноменом «ингруппового фаворитизма». Экспериментально данный эффект выявлен английским социальным психологом Гарри Тэджфелом. Его суть заключается в том, что даже символическая отнесенность человеком себя к той или иной группе, как правило, предполагает ее предпочтение и более позитивную оценку по сравнению с другими группами [5]. Таким образом, идентичность выполняет свои функции отождествления и отделения, основанные на естественном предпочтении собственных культурных ценностей. Феномен «ингруппового фаворитизма» отражает стремление человека к позитивной идентичности. Ведь чем более высокое положение занимает группа в обществе, тем выше и собственная самооценка индивида. Позитивная групповая идентичность членов группы – важное психологическое условие не только самого существования группы, но и поддержания ее стабильности и самостоятельности. Поэтому человек всегда стремится сохранить свою позитивную идентичность и свою группу, в которой он нуждается и к которой хочет принадлежать. Защищая свою идентичность, он защищает свою группу; защищая свою группу, он защищает свою идентичность. Понятие позитивной идентичности означает позитивное ценностное отношение к собственной группе и такое же отношение к другим группам. Можно сказать, что позитивная идентичность – психологическая «норма» многообразия. Она является важным условием устойчивого существования собственной группы и мирного взаимодействия в многополярном мире. Человек, обладающий такой позитивной идентичностью, не воспринимает мир как угрожающий, он толерантен по отношению к другим группам.

Гипертрофированное желание личности отождествить себя исключительно с одной группой приводит к формированию групповой гиперидентичности, для структуры которой характерен выраженный перевес к

полюсу позитивного образа исключительно своей группы. Индивид, обладающий гиперидентичностью, воспринимает мир как угрожающий и готов к обороне. Главную угрозу своей идентичности он видит в «инаковых» (чужаках) – тех, кто обладает другой идентичностью. Ведь именно поэтому чужак может поставить под сомнение правила, ценности, санкции – все то, что группа коллективно вырабатывала и что безоговорочно принимает [7]. Таким образом, радикальные общественные изменения прямым образом влияют на этническую идентичность личности, часто приводя к ее гиперболизации. В данном случае трансформации этнической идентичности не связаны с физическими перемещениями человека, со сменой этнокультурной обстановки. Это первый из двух основных, по нашему мнению, вариант, при котором неизбежно «переформатирование» этнической идентичности личности.

Второй вариант изменений в этноидентификации, напротив, связан со сменой местожительства человека, с непосредственным взаимодействием с другими этническими общностями. Неважно, вынужденным (миграция вследствие межэтнических и политических конфликтов) или добровольным (репатриация) является передвижение индивида, и в том и в другом случае, пусть и в разной степени, его можно рассматривать как кризисный момент в жизни конкретного человека. Несомненно, что миграция влияет на изменения всех компонентов идентичности: меняется содержание, вес и соотношение отдельных её компонентов. При этом наибольшим изменениям обычно подвергается именно этническая идентичность. Попытаемся представить типичный сценарий изменения этнической идентичности мигранта, основываясь на трудах таких отечественных ученых в данной области как Варданян М.А., Лебедева Н.М., Солдатова Г.М., Стефаненко Т.Г. и другие [1, 2, 4, 6].

Прежде всего отметим, что в процессе миграций личность неизбежно сталкивается с необходимостью трансформации своей социальной и этнической идентичности, для того чтобы суметь эффективно взаимодействовать в новой среде. К сожалению не любая личность способна к

эффективной адаптации, изменению и подстройке своей этнической идентичности к новой этнической среде. Это обусловлено многими факторами, начиная от возраста мигранта, его социального статуса, уровня образования, заканчивая индивидуально-психологическими характеристиками мигранта.

Когда мигрант не может адаптироваться к новой этнической среде, с его этнической идентичностью происходит отрицательная трансформация, то есть развитие ее по типу этнического нигилизма, сепаратизма, национализма или крайнего фанатизма. Любой из этих типов этнической идентичности предполагает выраженный отрицательный образ своего или чужого этноса и соответствующее враждебное поведение индивида.

Психологическая трансформация идентичности – процесс сложный, не происходящий в одночасье, а скорее поступательный. Мы попытаемся, как заявлено в названии нашей статьи, представить последовательную смену фаз (механизм), в ходе которых эти изменения и наступают, однако, стоит оговориться, что при многих общих паттернах трансформация каждого мигранта зачастую протекает по уникальному и неповторимому пути. Мигрант сам способен влиять на происходящие в нем изменения, тем самым избирая тот или иной характер трансформации. Правда подобная «свобода выбора» возможна до той степени, до которой позволяет принимающее сообщество в силу сложившего в нем отношения к мигрантам, миграционной политике конкретного государства. Если отношение к этносу мигранта в новой культурной среде по тем или иным причинам неблагоприятно, то мигрант будет испытывать больше проблем в процессе адаптации. Кроме общепринятых вариантов или аккультурационных стратегий (ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация) существуют также многие варианты аккультурации, при которых нельзя явно определить как одну из стратегий.

Итак, опираясь на труды Варданян М.А. в данной области, выделим следующие фазы в процессе перехода мигранта из одной культуры в другую, сопровождающиеся постепенным изменением его этнической идентичности [1]:

Первая фаза (начальный этап миграции) – вступление в новую культурную среду и возникновение конфликта ожиданий. Мигрант действует в рамках выработанных у него гетеростереотипов (представлений о других этносах) согласно тому, как он оценивает и интерпретирует поступки представителей другого этноса по отношению к себе.

Вторая фаза – восприятие чужой этнической картины мира и возникновение стресса аккультурации. Индивид, насколько возможно, пытается воспринять картину мира с точки зрения «чужеродного» этноса. Именно на этом этапе у мигранта может возникнуть мысли о возможности ассимилироваться и раствориться в чужой культуре.

Третья фаза – апробация чужой этнической картины мира в новой реальности жизни мигранта. Успешность нового поведения напрямую зависит от полученного в предыдущих фазах «этнического» материала, его полноты и непротиворечивости для мигранта.

Четвертая фаза – интериоризация чужой этнической картины мира. Индивид принимает и присваивает себе понятия и конструкты свойственные «чужой» культуре, закрепляет их на уровне бессознательного. Как раз на этой стадии, в случае принятия «чужой» картины мира, этническая идентичность мигранта подвергается видоизменению, и индивид уже не осознает, что раньше думал и действовал иначе. Здесь, впрочем, возможна и альтернатива – отказ от восприятия «новой» этнической картины мира.

Пятая фаза – встраивание образа себя в другую этническую картину мира. Мигрант перестает чувствовать разницу между «старой» и «новой» этнической картиной мира, «новая» этническая картина мира усваивается как «своя». По сути, «Я» индивида уже включено в «новую» этнокультурную среду, и он воспринимается представителями принимающего сообщества как «свой», включен в понятие «мы» этнического большинства.

Шестая фаза (неразрывна с предыдущей) – ассимиляция – аккультурация. Интегрированный индивид стоит перед выбором – сохранять ли свои культурные характеристики или полностью слиться с новым этносом. Этот

выбор не совершается абсолютно произвольно, на него влияют множество факторов, среди которых главенствующими будут два: 1. то, как воспринимается этническая принадлежность мигранта в новой этнокультурной среде; 2. то, как сам индивид оценивает свой этнос.

Надо отметить, что невозможно установить какие-либо определенные сроки прохождения каждой фазы и всего процесса аккультурации мигрантом.

Насущность данного теоретического рассмотрения обусловлена необходимостью решать все нарастающие проблемы межэтнических разногласий, вызванных различиями между представителями разных культур, и неутихающей напряженностью, сопровождающей миграционную политику и потоки миграции по всему миру.

Надеемся, что данная статья хотя бы частично способствовала более четкому пониманию того, что именно происходит с этнической идентичностью личности в кризисные периоды, какова динамика изменений данного психологического образования личности в ситуации трудовой миграции.

Библиографический список:

1. Варданян М.А. Психологическая трансформация этнической идентичности мигранта-армянина (на примере мигрантов-армян) / М.А. Варданян // . – С. 3–4.
2. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: «Ключ-С», 1999. – 270 с.
3. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций – М.: Изд. ИЭА РАН, 1993. – 195 с.
4. Солдатова Г.У. Психологическая помощь мигрантам. – Москва: Изд. Смысл, 2002. – 479 с.
5. Солдатова Г.У., Макаrchук А. В. Может ли другой стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. – М.: Генезис, 2006. – 256 с.
6. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. – Серия 14. Психология, 2009. – №2. – С. 3-17.

7. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменолог. социологии // Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. – М. : Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2003. – 334 с.

8. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем.– М.: Прогресс/Универс, 1994. – С. 149.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ГЛАЗАМИ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА

Бедрина Е. Б. (г. Екатеринбург, Россия)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00445 «Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: условия, факторы и механизмы»

Важным направлением миграционной политики России, как и других стран-реципиентов трудовых ресурсов, является адаптация мигрантов из зарубежных стран к условиям принимающей территории. Под понятием «адаптация» традиционно понимается процесс вхождения мигранта в принимающее сообщество, усвоение сложившихся культурно-правовых норм и отношений на принимающей территории. Так как адаптация мигрантов является многосторонним процессом и включает в себя различные способы и направления, выделяют несколько видов адаптации. Очевидно, что важнейшими видами адаптации мигрантов выступает психологическая и социокультурная. Роль психологической адаптации кроется в сохранении здоровья мигранта, в то время как социокультурной – в усвоение социокультурных норм принимающего сообщества. В идеале, эти два вида адаптации должны дополнять друг друга, но на деле все обстоит иначе, приоритеты и способы адаптации часто меняются в зависимости от

длительности миграции. В краткосрочном периоде эти два вида адаптации могут исключить друг друга.

Считается важным, чтобы адаптация имела двухсторонний характер: мигрант адаптируется к принимающему сообществу, принимающее сообщество адаптируется к мигранту. Идея о двухстороннем характере адаптации мигрантов является одним из принципов современной миграционной политики Европейского союза, который в 2015 г. пережил миграционный кризис в связи с небывалым наплывом беженцев из развивающихся стран, и вынужден был пересмотреть свою миграционную политику, создав условия для активного включения мигрантов в принимающее сообщество.

В случае одностороннего процесса адаптации мигрантов возникают различные социальные риски, уровень которых предопределяет выбор модели адаптации на принимающей территории. Особенно это характерно для этнических мигрантов, т.е. внешне отличающегося от местного населения, например, коренных жителей Средней Азии или Китая. Как пишут П.П. Лисицын и А.В. Резаев: «Чем выше уровень социальных рисков для этнических мигрантов, тем выше вероятность развития процесса их трудовой адаптации по компенсационному сценарию – этнической изоляции или сегрегации; и наоборот – чем ниже уровень социальных рисков, тем выше вероятность этнической аккомодации или ассимиляции мигрантов» [1, с. 126]. Особенно высокому социальному риску подвергаются низкоквалифицированные трудовые мигранты, которые составляют подавляющее большинство миграционных потоков в Россию. Именно они, как правило, находятся в «сером» правовом поле и имеют временную занятость [2].

Идея проверки наличия двухстороннего характера адаптации заложена в данном исследовании, целью которого является оценка процессов адаптации трудовых мигрантов из зарубежных стран в России глазами принимающего сообщества. Исследование строится на результатах социологических опросов населения регулярно проводимых Левада-Центром и публикуемых в ежегодных

сборниках «Общественное мнение», расположенных на сайте организации в разделе «Аналитика».

Прежде всего, остановимся на вопросах заинтересованности сторон в процессе двухсторонней адаптации. Как показывают результаты опросов большая часть российского населения настороженно относится к миграции. Не смотря на представление о наличии демографических ям, только 41% респондентов в 2013 г. и 47% в 2019 г. согласились с тем, что мигранты полезны для общества.

Сами мигранты, как правило, относятся более оптимистично к их восприятию местным населением. Однако из-за временного характера нахождения трудовых мигрантов на принимающей территории возникают некоторые противоречия в процессе адаптации, так как любая адаптация требует определенных временных, трудовых и финансовых усилий, а заинтересованность главных участников этого действия низкая, причем, как со стороны мигрантов, так и со стороны абстрактного принимающего сообщества. Кроме того, трудовые мигранты, в отличие от студентов, школьников или инвесторов-предпринимателей, имеют более низкие социокультурные адаптационные ресурсы и возможности. Они реже контактируют с местным населением, особенно в случае анклавной занятости, которая чаще всего встречается в сегментах, где активно используется труд мигрантов из зарубежных стран и не требуется высокая квалификация: сфера ЖКХ, строительство, транспортные услуги, оптовая и розничная торговля, этническая кухня.

Не смотря на это, судя по результатам опросов, местное население не готово видеть приезжих (определённые этносы – согласно анкете) среди коллег по работе, рассматривая их в качестве конкурентов (хотя данные результаты Левада-Центр относит к разделу этнофобии).

Подтверждением наличия конкуренции между местным населением и прибывшими за рабочие места и сектора экономики выступают результаты социологических опросов населения, в соответствии с которыми доля тех, кто

считает, что мигранты отбирают рабочие места, составила: в 1996 г. – 48%, в 2002 г. – 54%, в 2016 г. – уже 62 %. Это также свидетельствует о росте напряженности на российском рынке труда в условиях миграции.

Еще одним признаком, характеризующим выбор модели адаптации мигрантов, является способ их расселения на принимающей территории. Судя по результатам социологических опросов, местное население более терпимо, чем в случае занятости, относится к соседству мигрантов. Однако в России, в связи с развитой сетевой миграцией, особенно представителей Средней Азии, и сильной пространственной сегрегацией, на некоторых территориях складывается анклавный характер проживания мигрантов. В рамках такого расселения не требуется развития коммуникаций с местным населением [3].

Косвенным подтверждением относительной изоляции мигрантов от принимающего сообщества может служить отрицательное отношение к утверждению о том, что «иммигранты обогащают российское общество тем, что приносят с собой новые идеи и культуру», которое высказали в 2013 г. – 46% респондентов, а в 2016 – уже 54%.

В то же время миграционные сети составляют важную часть социального капитала мигрантов, особенно прибывших из стран с традиционными укладами. Поэтому среди них очень развито землячество, помощь землякам в поиске жилья и трудоустройстве, совместное проживание и занятость. Однако, как пишет Гунвон Цой, исследовавший процессы адаптации южнокорейских мигрантов в России: «Связывающий социальный капитал, отвечающий за социальную связь с собственной этнической группой, позитивно влияет на адаптацию южнокорейских мигрантов. При этом он значимо связан только с психологической адаптацией, а значимая связь с социокультурной отсутствует». [4, с. 64].

Особенно низкими социокультурными адаптационными способностями в российском обществе обладают представители Средней Азии, имеющие большую культурную, а часто и религиозную, дистанцию от местного населения. Объем их лексических знаний русского языка на момент приезда в

Россию, как правило, небольшой, и порой ограничивается требованиями по сдаче экзаменов для получения патента. В частности, ответы респондентов, в которых они указали на то, что мигрантам присуще незнание русского языка и трудности в коммуникации, оставили: в 2013 г. – 53%, в 2016 г. – 39%, в 2017 г. – 36%. Данная динамика может быть объяснена двумя обстоятельствами. Во-первых, в 2015 г., согласно новым изменениям миграционного законодательства, было введено требование, по которому трудовые мигранты (за исключением высококвалифицированных специалистов) обязаны сдать экзамены на знание русского языка, истории России и основ законодательства для получения патента, разрешения на временное проживание и вида на жительство. Во-вторых, возросла доля семейной миграции, что потребовало от трудовых мигрантов большего объема коммуникационных навыков. В этих условиях дети мигрантов школьного возраста стали выступать в роли связующего звена между местным населением и родителями-мигрантами. Большую роль в процессе адаптации трудовых мигрантов из зарубежных стран стали играть школы. Примером может служить опыт МБУ СОШ № 149 г. Екатеринбурга (киргизская школой), в которой создан «совет отцов», проводятся мероприятий при совместном участии детей и родителей, привлекаются этнические диаспоры для организации дополнительных занятий по русскому языку.

Считается, что из представителей Средней Азии самые высокие адаптационные навыки в России демонстрируют киргизы, они достаточно легко включались в местный социум [5, с. 90]. Кроме ментальных особенностей данный феномен может быть объяснен и их особым положением на российском рынке труда, которое возникло вследствие присоединения Киргизии к ЕАЭС. Более того из-за облегченной процедуры их приема на работу (отсутствие требования оформления разрешительных документов для работы) работодатели активно стали заменять ими работников из Узбекистана и Таджикистана [6, с.153].

В целом, судя по данным социологических опросов, россияне выступают за ограничение трудовой миграции, считая численность мигрантов в ряде городов России неоправданно чрезмерной. Как показано на рис., численность сторонников данного утверждения со временем растет, причем динамика ответов респондентов отражает экономическую ситуацию в России, а также выбор направления на цифровизацию экономики, в рамках которого широкомасштабное использование неквалифицированных трудовых ресурсов выглядит нелогичным.

Рис. Результаты опросов населения в России. Составлено по: Общественное мнение – 2019. М.: Левада-Центр, 2020; Общественное мнение – 2018. М.: Левада-Центр, 2019; Общественное мнение – 2017. М.: Левада-Центр, 2018; Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017.

Возможно, на желание ограничить трудовую миграцию из зарубежных стран повлияло и реформирование пенсионного законодательства. В частности, с 57% (2013 г.) до 64% (2019 г.) возросла численность лиц, сообщивших, что их родственники и знакомые готовы делать работу, которую выполняют мигранты.

Негативное отношение к мигрантам из стран СНГ большинство опрошиваемого населения объясняет особенностями поведения самих приезжих: 2006 г. – 62%, 2019 г. – 80%.

Таким образом, можно сделать вывод, что психологическая и социокультурная адаптация трудовых мигрантов в России из зарубежных стран имеет определенные сложности, связанные с низкими адаптационными способностями большинства трудовых мигрантов. Существует негативное восприятие миграции со стороны принимающего сообщества в силу наличия большой социокультурной дистанции, а также роста конкуренции на российском рынке труда за места не требующие высокой квалификации в силу экономического кризиса и проведения пенсионной реформы, а также некоего противоречия между курсом на цифровизацию и низким уровнем образования и квалификации большинства трудовых мигрантов.

Библиографический список:

1. Лисицын П.П., Резаев А.В. Теоретико-методологические основания социального анализа процессов трудовой миграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 4. С. 122-129.
2. Лисицын П.П., Степанов А. М. Формы взаимодействия низкоквалифицированных трудовых мигрантов и работодателей в принимающих обществах (на примере Греции, России и Франции) // The Journal of Social Policy Studies, М. 16(4). 2018. С. 611-626.
3. Бедрина Е.Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 1919. № 2. 2019. С. 451-464. ИФ - 2,24. Doi 10.17059/2019-2-11.
4. Цой Г. Социальный капитал и адаптация южнокорейских мигрантов в России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 11. № 1. С. 58-67.
5. Кашпур В.В., Поправко. Г.И. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (томский кейс) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 88-93.

6. Флоринская Ю.Ф Работодатели и иностранные мигранты на рынках труда крупных российских городов: взаимодействие в новых условиях // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2 (167). С. 144-154.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОГО ДВУ- И МНОГОЯЗЫЧИЯ

Берденова С. Ж. (г. Костанай, Казахстан)

Психолингвистические исследования имеют большое значение для изучения проблем формирования дву- и многоязычной личности.

Психолингвистика как научная область в бывшем СССР возникла и развивалась как неотъемлемая часть общей психологии, опираясь на теоретические положения Л.С.Выготского и его школы, в первую очередь А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурии. По основным своим принципам она резко отличается от американской. В ней речь трактуется не как система речевых реакций, а как активная и целенаправленная речевая деятельность. Она стремилась с самого начала отразить в своих теоретических построениях диалектику общества и личности, вскрыть социальную природу и социальную обусловленность речевой деятельности. Ориентация на психологию позволила психолингвистам органически «вписать» процессы речи и речевосприятия во всю систему человеческой деятельности.

В XXI веке расширяются контакты между людьми разных национальностей, создаются благоприятные условия для формирования и развития многоязычия (в том числе двуязычия).

Двуязычие – необходимый минимум в условиях многонационального государства. По выражению Б.Хасанова «Для личности ее двуязычие – это средство выражения мысли, познания действительности и средство коммуникации в многоязычном обществе, при этом основной его компонент

(родной язык) является характерным компонентом национального, другой же компонент (второй язык) – средством познания личностей, представляющих разноязычные национальности, и освоение культурных ценностей других народов» [8]. Далее он пишет: «Велика роль двуязычия в формировании гармонически развитой личности, для которой оно – важное средство всестороннего развития и самовыражения в многонациональном обществе» [Там же].

Однако некоторые авторы утверждали, что двуязычие приносит ребенку вред. Еще в 1915 году французский психолог И.Эпштейн опубликовал книгу «Мышление и многоязычие», в которой выдвигает формулу, что двуязычие (многоязычие) есть социальное зло, поскольку оно якобы тормозит мышление [13].

Материалистическая теория ассоциаций, созданная русским физиологом И.П. Павловым и его учениками, опровергает выводы И. Эпштейна как ненаучные, идеалистические. По павловской теории мы не ущемляем свое мышление, ум, а облегчаем доступ к сокровищницам мировой науки, техники, литературы, созданным на неродных языках. Ко времени изучения в школе русского языка ребенок приобщен к родному языку, опора на родной язык способствует лучшему усвоению второго языка.

К этой дискуссионной проблеме в 1928 году обратился крупнейший авторитет в вопросах психологии речи Л.С. Выготский. В статье «К вопросу о многоязычии в детском возрасте» он вступил в полемику с Эпштейном, утверждавшим, что между языковыми системами возникает антагонизм, который в итоге приводит к обеднению родного языка и даже к общей умственной отсталости [2]. Опираясь на собственные исследования, а также на публикации французского лингвиста М.Ронжа, Л.С.Выготский утверждает обратное: взаимодействие различных языковых систем не только не ведет к торможению психического развития, но и способствует именно развитию [Там же]. Незбежный при изучении языков процесс сравнения является импульсом

к мыслительной деятельности. Таким образом, утверждение о негативном влиянии двуязычия на развитие учащихся является ошибочным.

Исследование дву- и многоязычие в динамике, в процессе его становления, развития можно проводить, имея в виду конкретного индивида, коллектив, определенную социальную группу и т.д. Своеобразие процессов развития зависит также от конкретных условий: от возрастных групп, языковой среды. Так, по словам Л.В.Щербы, русские аристократы, свободно говорившие по-русски и по-французски, овладевали двуязычием «естественным» путем, живя среди носителей второго языка с самого раннего возраста [11].

В наиболее благоприятных условиях развивается дву- и многоязычие в процессе школьного обучения двум и более языкам. Учитывая школьный опыт обучения языкам, выделяются этапы, периоды, ступени развития двуязычия. Периодизацию развития двуязычия в процессе школьного обучения дали психологи и педагоги [4,12].

Обратимся к труднейшему вопросу – к *физиологическим* основам билингвизма. Все этапы порождения высказывания: и речевая интенция (намерение, цель), и определение плана содержания, и языковое структурирование, и механизм кодовых переходов, и ступени восприятия высказывания – универсальны для всех языков, которыми владеет индивид (при координационном типе билингвизма).

Различны лишь те блоки речевого действия, в которых формируются ассоциации и складывается само высказывание. Логично предположить, что каждый из языков, которым владеет билингв, должен иметь собственную базу. При полном, координационном билингвизме, при так называемом «полном погружении» в неродной язык эти две базы должны работать независимо друг от друга и лишь при волевом усилии говорящего происходит взаимодействие систем и говорящий может перейти на другой язык.

При координационном билингвизме органы порождения речи выполняют дополнительное действие, которого нет в процессе родной речи: это перевод с языка на язык, поиск слов второго языка для перевода. Распространено мнение,

согласно которому двуязычие является преимущественно психологическим явлением. Так, Э.Хауген полагает: «Центр, средоточие билингвизма – в мозгу индивида. Поэтому психологическое изучение носителя билингвизма должно занимать центральное место» [9].

С точки зрения психологического аспекта важно дать соотносительную характеристику лингвистических категорий, понятий, «отложившихся» в языковом сознании носителей двуязычия; своеобразие закрепления в памяти, осознание, осмысления, слухового восприятия коллективом или индивидом признаков, особенностей категории и понятий, специфичных для второго языка и отсутствующих в их языковом сознании как носителей первого языка.

Э.Д.Сулейменова поднимает ряд вопросов, связанных со знанием двух языков: «как и каким образом согласуются две концептуальные системы билингва, имеется ли базовый компонент знания первого языка, обеспечивающий усвоение второго языка?» [5]. В этом плане можно, на наш взгляд, найти ответ в исследованиях на языковой картине мира. Так, общезыковая картина мира формируется на базе первого языка, однако в процессе усвоения второго языка активно участвуют и неязыковые знания (картина мира общечеловеческая, социально-этническая, научная и обыденная) [6]

Двуязычное образование опирается на возможность усвоения в раннем возрасте второго языка. Следовательно, процесс обучения второму языку требует особого внимания, так как в современных условиях глобализации экономики и интеграции различных сторон жизни не только двуязычное, но даже многоязычное образование является особенно актуальным. Владение двумя и более языками рассматривается как обретение преимущества, и это не вызывает ни у кого сомнения.

Мы называем двуязычным образованием такую систему образования, когда обучение ведется на двух языках, из которых один – первый язык учащихся. При этом языковой целью системы школьного двуязычного образования является предоставление учащимся полной и равной компетенции

в двух языках и способности в любых обстоятельствах пользоваться тем и другим языком.

Проблематика двуязычного образования очень сложна, и глобальная концепция двуязычного образования и их проблем дается лишь в немногих книгах, но ясно одно: двуязычное образование является наилучшим вкладом во взаимопонимание между народами мира на международном и межгосударственном уровнях.

Существует главным образом три способа усвоить второй язык: одновременно с первым, после первого спонтанно, после первого в школе. При одновременном усвоении оба языка усваиваются параллельно, формируется раннее двуязычие детей, растущих в семье, где говорят на двух языках. Важно отметить, что очень рано, с трехлетнего возраста, ребенок способен как разделить две языковые системы, так и развивать их, хотя языковое развитие, как известно, продолжается в течение нескольких лет и, для того, чтобы оно было параллельным в обоих языках, с течением всего этого времени ребенку необходимо говорить на них. Во всех этих случаях воспитанный в этих условиях ребенок к школьному возрасту уже совершенно готов к двуязычному образованию. Последующее спонтанное усвоение языка происходит в условиях, когда ребенок слышит в своей семье разговоры на двух языках, но при этом преобладают контакты с одним из них. Усвоение второго языка происходит позднее, когда ребенок, усвоивший у себя дома первый язык, вступает в контакт с другим языком вне семьи, с товарищами по играм или в детском саду. Усвоение второго языка происходит в этих случаях тогда, когда первый язык уже прочно усвоен и, следовательно, возможна сильная неравномерность между двумя языками и часто проявляется интерференция. Однако преимущество данного способа в том, что сильна мотивация, способствующая более эффективному процессу усвоения второго языка.

Что касается усвоения в школе второго языка и фактически опирается на приобретённую компетенцию в первом языке. Преимущество данного способа

в том, что он может дать весьма большую компетентность и в самых разных направлениях.

Не одно поколений ученых-дидактов занималось проблемой расположения учебного материала: с чего начать обучение второму языку, слова каких частей речи должны быть представлены в первую очередь, какие из них не вызывают больших затруднений и легко запоминаются, как сгруппировать слова.

В системе русского, казахского и немецкого языков есть универсалии, которые могут служить своего рода мостом, позволяющим осуществить переход от известного к неизвестному. Содержание нового понятия раскрывается на основе уже известных учащимся признаков данного предмета или явления. Новый материал легче усваивается, когда он опирается на жизненный опыт учащихся, когда увязываются в единое целое старые и новые знания. К.Д.Ушинский утверждал, что «представления, усваиваемые памятью, суть в то же время *залог* для усвоения новых представлений; чем прочнее будут эти залог, тем легче и прочнее будут усваиваться новые представления. В силу этого же самого психического закона следует полагать в память учащегося, прежде всего, такие залог, которые могли бы повести к усвоению многих однородных. В процесс развития памяти входит не только усвоение новых представлений, но и новые ассоциации представлений, уже усвоенных» [7].

Поэтому при формировании казахской и немецкой речи учащихся школ с русским языком обучения уже с первых уроков необходимо создавать ассоциативные связи слов на основе элементов системы второго-третьего языка, так как усвоение любого нового слова проходит в тесной взаимосвязи с уже известным, знакомым школьнику.

Известный лингвист и методист Л.В.Щерба считал, что важнейшее правило методики преподавания неродного языка – «никогда не переводить с русского языка, а стараться в меру своего знания иностранного языка думать на нем» [11].

И.А.Зимняя к основным видам речевой деятельности: аудированию (слушанию), говорению, чтению и письму – добавляет и думание. Это «рецептивно-продуктивная деятельность в общении с самим собой» [3].

В разной речевой среде ребенок-казах переходит с одного языка на другой: с дедушкой, бабушкой, родителями общается по-казахски, к человеку другой национальности обращается по-русски, при этом, не всегда замечая сам факт такого переключения. Важно уже с первых уроков русской речи вырабатывать умение думать на втором языке, когда «слово, отошедшее на второй план, должно следовать за мыслью как бы автоматически» [1].

При восприятии текста на втором языке дети очень многое понимают из контекста, на основе языковой догадки. Эффективность восприятия текста на казахском или немецком возрастает при опоре на предметы и предметные картинки, так как восприятие при этом сосредоточено не на языковой форме, а на содержании текста, что способствует активизации мышления.

Проблема обучения детей нескольким языкам имеет давнюю историю: этот вопрос широко обсуждался на страницах русских журналов еще в конце XIX века. В настоящее время крупные педагоги и психологи также не пришли к единому мнению. Л.С.Выготский, приводя суждения авторитетов о правомерности обучения детей нескольким языкам, называет эту задачу «одной из самых сложных и запутанных в современной психологии» [2].

Несмотря на то, что за последние десятилетия опубликован ряд научных трудов по становлению дву- и многоязычия, ясности во многих вопросах пока еще нет. Вот почему таким важным является решение психолого-педагогических и методических задач при обучении детей нескольким языковым дисциплинам одновременно при доминирующей русского языка как языка обучения.

Библиографический список:

1. Валлон А. От действия к мысли, Москва, 1956, С.190
2. Выготский Л.С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Собрание сочинений в 6-ти томах, Москва, 1983, Т.3, С.329

3. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам, Москва, 1991, С.14-16
4. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики, Москва, 1967, 231 с.
5. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике, Алма-Ата, 1989, С.87.
6. Сулейменова Э.Д. Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики, Алматы, 1996, С.93.
7. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Избранные педагогические сочинения в 2-х томах, Т.1, Москва, 1974, С.308
8. Хасанов Б. Национальные языки, двуязычие и многоязычие: поиски и перспективы, Алма-Ата, 1989, 134 с.
9. Хауген Э.О. О психологии носителя билингвизма // Bilingualism, 1968, №7, С.11.
10. Шабанов А.Ш. Лингвистические основы процесса развития двуязычия в качестве второго языка у учащихся-азербайджанцев. Дисс. докт. пед. наук, Москва, 1967, 315 с.
11. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность, Ленинград, 1974, С.307
12. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии, 1971, №4, С.14-15
13. Эпштейн И. Мышление и многоязычие, 1915

СТЕРЕОТИПЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ

Бузыкина Ю. С. (г. Пенза, Россия)

В настоящее время в обществе существует множество проблем, связанных со стремительным ростом миграции и межэтнических конфликтов,

которые обусловлены рядом факторов: политических, экономических, психологических, культурных и др.

Основные различия этносов состоят в особенностях их культуры, национального сознания, традициях, а также в языковых нормах. Решая определенные проблемы, возникающие в различных сферах жизнедеятельности, у человека складывается определенное отношение к происходящим явлениям и процессам, что в дальнейшем позволяет ему придерживаться определенной специфики взаимодействия с людьми, как в своей общности, так и в других этнических группах.

При этом восприятие одних и тех же явлений и процессов в этнических общностях может быть различно, что приводит к проблемам взаимодействия народов.

На основании существующих установок к представителям той или иной этнической общности у личности могут формироваться стереотипы, в большинстве случаев препятствующие объективной оценке ситуации, при взаимодействии с представителями различных этнических групп.

В соответствии с имеющимися этническими установками человек воспринимает и оценивает явления межэтнических коммуникаций и представителей той или иной национальности с точки зрения своей этнической идентичности, традиций и норм своего народа. Отрицательные социальные установки, выступая в качестве стереотипов и предрассудков, способствуют упрощенному восприятию межэтнических отношений, а также искаженному представлению о реальности межэтнического пространства [2, с. 88].

В настоящее время во многих учебных заведениях обучаются студенты различных национальностей, приезжающие из разных стран, что способствует формированию этнических стереотипов среди участников образовательного процесса.

На сегодняшний день одной из наиболее значимых задач системы образования является формирование эмоциональной устойчивости,

коммуникабельности, развитие социальной активности и толерантности среди молодежи [1, с. 36].

При этом основным условием для поддержания мирных отношений между различными народами является сохранение слаженности всех этнических культур.

В силу этого особого внимания заслуживает изучение стереотипов межнационального восприятия в студенческой среде для использования полученных данных в работе психологов для разработки профилактических мероприятий по предупреждению в студенческой среде этнической интолерантности..

С этой целью на базе ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 60 студентов таджикской, туркменской и киргизской национальностей, обучающихся на 2-4 курсах, в возрасте 19-24 лет.

В рамках исследования применялись следующие психодиагностические методики: «Диагностический тест отношений» (Г.У. Солдатова), «Метод приписывания качеств» (Д. Кац, К. Брайль), «Шкала социальной дистанции» (Э. Богардус), «Методика семантического дифференциала».

В качестве метода математической статистики применялся критерий коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s).

В результате анализа полученных данных были сделаны следующие выводы.

На уровне автостереотипов для представителей таджикской национальности характерны такие качества, как общительность, гостеприимство, отзывчивость и эмоциональность.

Представители киргизской национальности считают, что у представителей их нации наиболее выражены следующие качества: гордость, общительность, гостеприимство, доброта, трудолюбие, целеустремленность, патриотичность и чувство собственного достоинства.

Для представителей туркменской национальности свойственны такие качества, как: ехидность, вспыльчивость, добросовестность, трудолюбие, доброта, гостеприимство, патриотичность, целеустремленность, дружелюбие и энергичность.

В ходе эмпирического исследования было установлено, что существует связь между некоторыми показателями, отражающими стереотипы межнационального восприятия в студенческой среде.

Так, на уровне автостереотипов существует связь между показателями амбивалентности и социальной дистанции у студентов киргизской национальности ($r_s = 0.526$ при $p \leq 0,01$). У них присутствует чувство определенности в установлении социальной дистанции, открытое и толерантное отношение к представителям своей национальности – уважение к культуре, традициям, взглядам, интересам и ценностям своей страны.

На уровне гетеростереотипов у представителей таджикской национальности существует связь между показателями амбивалентности и оценки по отношению к представителям киргизской национальности ($r_s = 0.692$ при $p \leq 0,01$); связь между показателями амбивалентности и социальной дистанции по отношению к представителям русской национальности ($r_s = 0.549$ при $p \leq 0,01$); связь между показателями направленности и силы по отношению к представителям туркменской национальности ($r_s = 0.661$ при $p \leq 0,01$).

Так, представители таджикской национальности считают, что у киргизов наибольшую выраженность имеют следующие качества: «воспитанность», «гостеприимство», «простодушие», «хозяйственность», «тактичность»;

Для них характерно открытое и толерантное отношение к представителям русской национальности, они принимают и уважают культуру, традиции, взгляды, нравы и интересы русских, а также готовы принять представителей русской национальности в качестве близких друзей.

У испытуемых присутствует позитивная направленность в оценке у представителей туркменской национальности следующих качеств: сила,

работоспособность и уверенность в себе. Также это может говорить о привлекательности данных качеств для представителей Таджикистана.

На уровне гетеростереотипов у представителей туркменской национальности выявлена связь показателей направленности и активности по отношению к русским ($r_s = 0.532$ при $p \leq 0,01$). Так, у опрошенных туркменской национальности присутствует позитивная направленность в оценке у представителей русской национальности следующих качеств: трудолюбие, дружелюбие, общительность, активность.

Существует обратная связь по показателям выраженности и социальной дистанции по отношению к представителям таджикской национальности ($r_s = -0.551$ при $p \leq 0,01$).

Это можно объяснить тем, что для представителей туркменской национальности характерна национальная изолированность по отношению к представителям Таджикистана, что может быть связано с проявлением таких качеств, как: импульсивность, эмоциональность, гордость, высокомерие, которые не соотносятся с моральными устоями и нравами представителей туркменской национальности.

Таким образом, исходя из полученных результатов, можно сказать, что гипотеза о существовании связи между некоторыми показателями, отражающими стереотипы межнационального восприятия студентов из стран Средней Азии, нашла свое подтверждение.

Библиографический список:

1. Бузыкина Ю.С. Социально-психологические характеристики молодежи, склонной к ксенофобии // Актуальные проблемы исследования массового сознания: материалы 5-й междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Константинов. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – С. 36-38.
2. Бузыкина Ю.С. Этнические установки и стереотипы в молодежной среде // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – №7-2(61). – С. 88-91.

ПРЕИМУЩЕСТВА И ТРУДНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ШКОЛАХ ГЛАЗАМИ УЧИТЕЛЕЙ

Бушина Е. В., Батхина А. А. (г. Москва, Россия)

Современное российское общество становится все более культурно разнообразным. Проблема разнообразия касается и школ, работающих с множеством учеников. Мультикультурный класс характеризуется наличием детей-мигрантов, которые рассматриваются как основной источник культурного разнообразия. Если обратиться к статистике, в 2015 году наибольшая доля школьников с мигрантским опытом была зафиксирована в Люксембурге (52,%), затем в Канаде (30,1%), Австралии (25,0%), США (23,1%) (Gutentag T., Horenczyk G., and Tatar M., 2018). По данным Министерства Внутренних Дел РФ в 2019 году зарегистрировано почти 13 млн фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства (Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации в 2019 г.), что в разы меньше общего числа мигрантов в России. На основании этой статистики можно предположить, что дети мигрантов наряду со всеми поступают в российские школьные заведения и создают новое мультикультурное пространство.

Существует ряд исследований, направленных на изучение культурного разнообразия в образовательной среде (Horenczyk & Tatar, 2011, Schachner, Noack, Van de Vijver, & Eckstein, 2016). Так, согласно подходу израильских исследователей (Tartakovsky & Walsh, 2016), созданному первоначально для социальных работников Израиля, отношение к мигрантам состоит из двух основных элементов: оценка группы мигрантов как потенциально полезной и угрожающей принимающему обществу. Взаимодействие социальных работников с лицами, ищущими убежища в Израиле, может быть двойственным. С одной стороны, они должны помогать лицам, ищущим

убежища, приспосабливаться и защищать свои права; с другой стороны, они должны защищать интересы принимающего общества. Таким образом, проверка модели на социальных работниках позволила авторам лучше понять сложную систему отношения к мигрантам, существующим в Израильском обществе. К тому же данная модель предполагает, что восприятие мигрантов большинством может влиять на мнения последних относительно желаемой миграционной политики. Данный подход может быть перенесен на образовательную сферу, в которой происходит активное взаимодействие большинства и мигрантов.

Как утверждает Север (Sever, 2003), в Израиле трудности, которые присутствуют в поликультурных школах, частично связаны с отсутствием систематической политики интеграции учащихся-мигрантов. Кроме того, присутствие детей-мигрантов в классе может оказать существенное влияние на учителя. Учителя сталкиваются с учениками, которые «отличаются» лингвистически, социально и культурно. Эти отличия иногда создают трудности для учителей Исследователи (Tatar & Horenczyk, 2003) объясняют данные трудности отсутствием знаний, навыков и мотивации совладания с культурным разнообразием. Следствием таких сложностей является выгорание учителей и их низкая самооэффективность.

В школьном контексте большое внимание уделяется также школьному климату, определяемому как опыт норм, целей, ценностей, межличностного общения, отношение к преподаванию и обучению и организация повседневной школьной жизни (Eccles & Roeser, 2011). Школьный климат, по мнению исследователей (Thapa, Cohen, Guffey, & Higgins-D'Alessandro, 2013) связан с широким спектром результатов школьной адаптации. Позитивный школьный климат способствует формированию безопасности и позитивным отношениям между учениками, а также между учениками и учителями, способствует благополучию учеников и уменьшает психологические и поведенческие проблемы.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что роль учителя в современном образовательном процессе очень важна. Необходимо учитывать культурные и лингвистические особенности учащихся, поддерживать их в обучении, помогать им общаться и находить новые способы связывать уже имеющиеся знания с тем, что им еще предстоит узнать. Чтобы процесс обучения детей из разных культур был эффективным, необходимо рассматривать их как способных учеников. Успешное обучение учащихся с иным культурным и языковым бэкграундом включает в себя больше, чем просто применение специализированных методов обучения. Это требует нового взгляда на преподавание, основанного на понимании роли культуры и языка в обучении (Villegas & Lucas, 2002).

Данное исследование является попыткой понять отношение к культурному разнообразию в современной российской школе и роль школьного учителя в контексте поликультурной образовательной среды, в которой происходят основные процессы адаптации, социализации и воспитания нового поколения, проживающего в России.

Цель нашего исследования – изучение восприятия культурного разнообразия и педагогических практик учителей, работающих в поликультурных классах.

Настоящее исследование, направленное на изучение восприятия культурного разнообразия и педагогических практик учителей в поликультурных школах московского региона, стремится ответить на следующие вопросы:

- Какие ключевые трудности возникают в работе учителя в поликультурных классах?
- Каким образом учителя воспринимают культурное разнообразие, какие установки имеют по отношению к детям-мигрантам?
- Какие специальные педагогические практики применяют учителя в поликультурных классах?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы провели тематический анализ полуструктурированных интервью, проведенных с 30 учителями московского региона в 2018 году.

Данные были проанализированы в соответствии с рекомендациями Брауна и Кларка (Braun & Clarke, 2006) для тематического анализа.

Разработка и уточнение тематических категорий на каждом этапе анализа проводилась независимо двумя экспертами, а затем обсуждалась и вырабатывалась единая концепция тематических категорий.

Выборка: 30 педагогических работников поликультурных школ (учителя - 27, социальные педагоги - 2, психологи - 1) Москвы и Московской области (ГБОУ школа 1474 г. Москвы – 6 человек, МАОУ СОШ №17 г. Щелково – 9 человек, ГБОУ школа 1566 г. Москвы – 9 человек, МБОУ СОШ 32 г. Балашихи – 6 человек). 28 женщин и 2 мужчин. Стаж работы в школе от 2 до 17 лет.

Результаты исследования представлены в соответствии с выделенными смысловыми блоками, далее внутри каждого смыслового блока выделены тематические категории:

- Трудности детей-мигрантов в поликультурных классах.
- Трудности педагогов в поликультурных классах.
- Отношения между мигрантами и представителями принимающего общества в восприятии учителей.
- Восприятие культурного разнообразия.
- Восприятие учителями детей-мигрантов и детей представителей принимающего общества.
- Аккультурационные ожидания учителей по отношению к детям-мигрантам.
- Педагогические практики работы с детьми-мигрантами.
- Поликультурная школа как социальный институт.

Проведенный анализ выявил воспринимаемые учителями трудности, которые сопряжены с работой в поликультурных классах, культурным разнообразием в школе, которые обусловлены особенностями детей-мигрантов

как специфичной группы учеников, а также используемые учителями педагогические практики.

Библиографический список:

1. Alexandrov, D., Baranova, V., & Ivaniushina, V. (2012). Migrant Children in Russia. I. Migration, Ethnicity and Segregation in St. Petersburg. Sociology of Education and Science Laboratory Working Papers, SESL WP 001. St.Petersburg
2. Aloe, A. M., Amo, L. C., & Shanahan, M. E. (2014). Classroom management self-efficacy and burnout: A multivariate metaanalysis. *Educational Psychology Review*, Vol. 26(1), 101-126.
3. Berry, J. W., Phinney, J. S., Sam, D. L., & Vedder, P. (Eds.) (2006). Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts. Mahwah, NJ: Erlbaum
4. Braun, V. and Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3 (2). pp. 77-101
5. Dellinger, A. B., Bobbett, J. J., Olivier, D. F., & Ellett, C. D. (2008). Measuring teachers' self-efficacy beliefs: Development and use of the TEBS-Self. *Teaching and Teacher Education*, Vol. 24(3), 751-766
6. Ferdman, B. M., & Sagiv, L. (2012). Diversity in organizations and cross-cultural work psychology: What if they were more connected? *Industrial and Organizational Psychology*, Vol. 5, 323-345
7. Gutentag, T., Horenczyk, G., & Tatar M. (2018). Teachers' Approaches Toward Cultural Diversity Predict Diversity-Related Burnout and Self-Efficacy. *Journal of Teacher Education*, Vol. 69(4), 408–419
8. Hill, N. E., & Torres, K. (2010). Negotiating the American dream: The paradox of aspirations and achievement among Latino students and engagement between their families and schools. *Journal of Social Issues*, Vol. 66(1), 95-112.
9. Horenczyk, G., & Tatar, M. (2011). Schools' organizational views of diversity: Perceptions and approaches. In S. Vandeyar (Ed.), *Hyphenated selves: Immigrant*

identities within education contexts (pp. 131-148). Amsterdam, The Netherlands: Unisa Press

10. Maslach, C., Schaufeli, W. B., & Leiter, M. P. (2001). Job burnout. *Annual Review of Psychology*, Vol. 52, 397-422.
11. Podsiadlowski, A., Gröschke, D., Kogler, M., Springer, C., & van der Zee, K. (2013). Managing a culturally diverse workforce: Diversity perspectives in organizations. *International Journal of Intercultural Relations*, Vol. 37(2), 159-175
12. Schachner, M., Noack, P., Van de Vijver, F., & Eckstein K. (2016). Cultural Diversity Climate and Psychological Adjustment at School—Equality and Inclusion Versus Cultural Pluralism. *Child Development*, Vol. 87(4), 1175–1191
13. Sever, R. (2003). A conceptual framework for examining multicultural issues. *Adult Education in Israel*, Vol. 7, 55-67.
14. Stephan, W. G., & Stephan, C. W. (1996). An integrated threat theory of prejudice. *International Journal of Psychology*, 31, 1635-1635
15. Tartakovsky, E., & Walsh, S. (2016) Testing a New Theoretical Model for Attitudes Toward Immigrants: The Case of Social Workers' Attitudes Toward Asylum Seekers in Israel. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 47(1), 72-96
16. Tatar, M., & Horenczyk, G. (2003). Diversity-related burnout among teachers. *Teaching and Teacher Education*, Vol. 19, 397-408.
17. Thapa, A., Cohen, J., Guffey S., & Higgins-D'Alessandro A. (2013). A Review of School Climate Research. *Review of Educational Research*, Vol. 83 (3), 357–385
18. Tschannen-Moran, M., Woolfolk Hoy, A., & Hoy, W. K. (1998). Teacher efficacy: Its meaning and measure. *Review of Educational Research*, Vol. 68, 202-248.
19. Макаров А.Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. No 8. С. 94–101.
20. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации в 2019 г. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>

ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ МИГРАНТОВ

Воробьева О. Д. (г. Москва, Россия)

Миграционная политика любого государства включает в качестве важного элемента решение проблем адаптации и дальнейшей интеграции, прибывших на его территорию иностранных граждан. Этого требуют, прежде всего, интересы постоянного населения, частью которого в перспективе должны стать мигранты. Как успешно и какие временные рамки займет период знакомства с местными порядками, обычаями, традициями, насколько безболезненным и бесконфликтным будет этот процесс для обеих сторон, во многом зависит от условий, которые создаются для этого принимающей стороной. В самом общем виде главными блоками поддержки принимающей стороны для преодоления барьеров разобщенности являются: информационный, профессиональный, социо-культурный, включая языковой. [Мукомель, 2014, 1] Однако, различные категории мигрантов в зависимости от обстоятельств и целей нахождения на территории принимающего государства, далеко не однородны с точки зрения необходимости наполнения каждого их перечисленных блоков.

Понимание данного обстоятельства позволяет разрабатывать дифференцированные для каждой категории мигрантов подходы и конкретные мероприятия в рамках государственных проектов и программ, которые будут удовлетворять условиям проведения эффективной миграционной политики. [Концепция на 2019-2025, 2]

В основе дифференцированного подхода к созданию условий для успешной адаптации и интеграции мигрантов, по нашему мнению, должна лежать их классификация, прежде всего с точки зрения стратегических целей пребывания в принимающей стране. С этих позиций предлагаем провести следующую классификацию российских иммигрантов, которая в дальнейшем

позволит выбирать наиболее адекватные инструменты и механизмы их социально-экономической поддержки для успешной адаптации и интеграции. [Обзор 2017, 3]

Категории мигрантов.

- долгосрочные иммигранты на постоянное место жительства, «носители русского языка»
- соотечественники (участники действующей федеральной программы)
- трудовые мигранты с перспективой переселения на постоянное место жительства
- временные трудовые мигранты
- вынужденные мигранты с перспективой постоянного проживания
- временные вынужденные мигранты, политические беженцы
- учебные мигранты

У каждой из перечисленных категорий мигрантов существенно отличаются обстоятельства въезда на территорию страны, планы на дальнейшее пребывание, род занятий, возможность и необходимость контактов с постоянным населением и многое другое, что связано как с возможностями принимающей стороны, так и с заинтересованностью в появлении новых законопослушных граждан. В связи с этим невозможен единый подход ко всем мигрантам в целом и предоставление им общих для всех мер поддержки и помощи на этапах адаптации и дальнейшей интеграции в принимающее сообщество.

Рассмотрим кратко основные особенности каждой категории иммигрантов с точки зрения необходимости и нуждаемости в предоставлении различных видов поддержки со стороны принимающего сообщества.

1. Долгосрочные иммигранты на постоянное место жительства, «носители русского языка».

К этой категории можно отнести всех иммигрантов, добровольно и сознательно выбирающих страну для дальнейшего постоянного проживания, являющиеся потомками людей, использующих русский в качестве родного

языка. Определить их потенциальную численность достаточно сложно. Но большая часть из 12-14 млн. человек, которые в настоящее время проживают на территории бывших союзных республик СССР, ещё вполне могут быть отнесены к данной категории. При переселении на территорию России у них не возникает языкового барьера, что дает возможность воспользоваться всеми сервисами, которые существуют для постоянного населения. Основные проблемы могут возникнуть на правовом поле, в случае длительного неурегулирования их статуса. Следовательно, наиболее важным направлением в сфере их адаптации и дальнейшей интеграции, является правовая поддержка и получение статуса, дающего доступ на рынок труда и возможность использования социальных институтов, таких как образование, здравоохранение, наука, культура и проч.

2. Соотечественники (участники действующей федеральной программы).

Таблица 1

Численность участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом.

(человек)							
РФ и федеральные округа	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	11 768	29 641	56 647	33 770	105 444	179 660	142 935
Центральный	5 692	13 538	27 416	16 509	41 081	76 636	67 364
Северо-Западный	2 767	4 365	7 765	4 880	11 409	14 481	11 126
Южный	-	-	437	709	3 270	6 909	6 497
Северо-Кавказский	-	-	-	-	981	2 568	914
Приволжский	418	1 955	3 730	2 021	10 564	21 237	16 334
Уральский	182	325	1 086	1 009	8 776	20 264	15 184
Сибирский	1 983	6 364	11 911	7 708	22 056	27 538	18 842
Дальневосточный	726	3 094	4 302	934	7 307	10 027	6 674

Для субъектов, действующей с 2006 года федеральной, по сути экономической, целевой программы, меры поддержки и помощи должны быть

определены и предоставляться в рамках данного проекта. Его содержание должно быть расширено и конкретизировано для учета и удовлетворения первоочередных нужд участников Программы. Они в первую очередь связаны с необходимостью подбора рабочих мест, трудоустройством, возможностями предпринимательской деятельности в месте нового постоянного пребывания. Возможно, она должна включать и меры по обучению и переобучению мигрантов, росту их образовательного уровня.

3. Трудовые мигранты с перспективой переселения на постоянное место жительства.

Оценка общей численности международных трудовых мигрантов на территории России сводится, в последнее время, к цифре 7-8 млн. человек. По данным балансов трудовых ресурсов численность иностранных трудовых мигрантов составляет около 4 млн. человек.¹ Это та часть легально работающих трудовых мигрантов, треть из которых, судя по данным о регионах выхода (половина – из стран СНГ) могут быть частично отнесены к категории желающих в перспективе переселиться на территорию России для постоянного проживания. [Бюллетень, 2017,4]. Эта категория трудовых мигрантов приобретает первоначальные навыки социо-культурного общения, преодоления языкового барьера в процессе оформления права стать участниками национального российского рынка труда. Российским законодательством предусмотрены дифференцированные инструменты обретения права на трудоустройство для трудовых иммигрантов из различных стран. Наиболее распространенный канал – оформление патента для трудовой деятельности для граждан из так называемых «безвизовых» стран. Данный вариант получения права на работу предполагает необходимость элементарных знаний русского языка, истории и законодательства Российской Федерации. И хоть достаточно спорным является вопрос о необходимости знания языка и истории для некоторых, наиболее распространенных среди мигрантов профессий, но бесспорно то, что приобретая эти знания, мигрант преодолевает первую

¹ Данные Росстата; ЕМИСС: URL: <https://fedstat.ru/>

адаптационную ступень. Период работы и проживания на территории России позволяют трудовым мигрантам выбрать наиболее успешную для себя интеграционную стратегию, в том случае, если окружающие условия позволяют им рассматривать вариант переселения в Россию на постоянное место жительства как более предпочтительное, чем возвращение. [Храмова, Рязанцев, 2015, 5] [Омельченко, 6] .

4. Временные трудовые мигранты – категория мигрантов, чье пребывание на территории России рассматривается ими только как временное, с целью получения оплачиваемой работы. Всё сказанное ранее о трудовых мигрантах в предыдущем пункте справедливо и для этой категории, с той только разницей, что вряд ли необходимы дополнительные усилия со стороны государства для продвижения их в интеграционном направлении.

5. Вынужденные мигранты с перспективой постоянного проживания.

Особые обстоятельства, называемые выталкивающими факторами, которые стали причиной появления на территории принимающего государства вынужденных мигрантов, в том числе и беженцев, во многом определяет невозможность их возвращения в страну, которую они покинули. Необходимость на достаточно длительное время задержаться диктует необходимость наличия достаточно оперативных и эффективных мер для скорейшей адаптации в новых условиях, а в дальнейшем и успешной интеграции в принимающем социуме. Учитывая, как правило, чрезвычайную ситуацию, в которой они покидали страну своего постоянного проживания, эта категория мигрантов, на наш взгляд, является наиболее проблемной, и требующей специфических и не малых усилий с точки зрения, как первоначальной адаптации, так и дальнейшей интеграции.

Таблица 2.

Численность вынужденных переселенцев* с начала регистрации (1992 г.)
на 1 января²

² Данные Росстата; ЕМИСС: URL: <https://fedstat.ru/>

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего (человек)	57220	49474	44537	38370	30834	28292	25359	19327
из них ранее постоянно проживали на территории:								
Абхазии	332	288	242	204	158	118	94	77
Азербайджана	1023	819	668	509	375	303	263	189
Армении	58	47	43	26	16	18	17	11
Грузии	10651	9795	9352	7861	7377	6924	6527	6242
Казахстана	20452	17294	15169	12021	7741	6997	6244	4366
Киргизии	1049	858	740	600	466	446	406	311
Республики Молдова	329	278	249	215	159	138	122	85
России	11969	10481	9584	9937	9464	8562	7301	4643
Таджикистана	3173	2585	2297	1796	1308	1175	1031	819
Туркмении	404	344	276	210	141	137	115	120
Узбекистана	7215	6240	5554	4691	3384	3010	2730	1973
Украины	236	202	167	141	93	182	244	243
*Граждане Российской Федерации, получившие официальный статус вынужденного переселенца в территориальных органах МВД России.								

6. Временные вынужденные мигранты, политические беженцы. Достаточно сложная и неоднородная категория мигрантов, которая может перейти в категорию долгосрочных, так и при нормализации ситуации, вернуться в страну своего постоянного проживания. Зачастую они не могут правильно оценить перспективы и прогноз своего временного статуса. Желание и ожидание скорейшего возвращения, объективно препятствует каким либо действиям в направлении интеграции и даже первоначальной адаптации. Но, тем не менее, получаемый в стране убежища правовой статус должен быть сопряжен с мерами первоначальной адаптации, чтобы проблемы отчуждения возникали как можно меньше.

Таблица 3.

Численность беженцев с начала регистрации (1993 г.)* (человек, на 1 января)³

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего	779	801	802	763	632	790	770	598
из них граждане государств / ранее постоянно проживали на территории:								
Азербайджана	15	11	11	9	7	7	9	8
Афганистана	514	539	584	581	475	414	352	292

³ Данные Росстата; ЕМИСС: URL: <https://fedstat.ru/>

Грузии	181	152	112	87	65	65	52	34
Сирии	2	2	1	1	2	2	2	2
Таджикистана	8	10	8	12	11	11	10	7
Узбекистана	9	9	11	12	19	19	19	18
Украины	5	5	5	5	5	227	273	188

* Иностранные граждане, получившие официальный статус беженца в территориальных органах МВД России

7. Учебные мигранты. К этой категории относятся мигранты определенной, преимущественно молодой возрастной группы, с четко выраженной мотивацией получения знаний, квалификаций, профессий, нацеленных на рост своего образовательного и профессионального уровня. Эти обстоятельства полностью сочетаются с мотивацией и практикой получения адаптационных навыков непосредственно в процессе обучения и социальной среде учащихся, объединенных не только целевыми установками, но и общностью жизненных стратегий создания фундамента дальнейшей жизни. Интеграционные процессы происходят в этой среде наиболее органично и достаточно успешно при минимальной направляющей их организационной поддержке.

Таким, образом, из всех рассмотренных категорий мигрантов, необходимо выделить те, которые в большей степени нуждаются в первоначальной адаптационной поддержке и дальнейшей интеграционной и определить наиболее важные и нужные меры этой поддержки. С этих позиций, как нам представляется все перечисленные категории возможно проранжировать по степени сокращения необходимых мер поддержки, следующим образом:

- вынужденные мигранты с перспективой постоянного проживания;
- долгосрочные иммигранты на постоянное место жительства, «носители русского языка»;
- трудовые мигранты с перспективой переселения на постоянное место жительства;
- временные вынужденные мигранты, политические беженцы;
- соотечественники (участники действующей федеральной программы);
- временные трудовые мигранты;

- учебные мигранты.

Проведя подобную типологию, возможно более точно определить и направления государственной миграционной политики, подчиненные главной, обозначенной цели – либо удовлетворение потребностей экономики и рынка труда в трудовых ресурсах, либо общий миграционный прирост численности населения, либо их сочетание. [Воробьева, Топилин, 2016, 8]

Бесспорным, на наш взгляд, является то, что нет универсальных стратегий адаптации и интеграции различных категорий мигрантов. Для их успешности, главным критерием которой является преодоление социальных барьеров и снижение напряженности во взаимоотношениях между постоянным и вновь прибывшим населением, требуется применение проблемно-ориентированных, дифференцированных подходов к различным категориям мигрантов.

Библиографический список:

1. Мукомель В.И., Глава 8, стр.245 в «Многоликая миграция» / [под общ. ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина]. – М.: Экон-информ, 2014. – 263 с.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 гг.
3. Обзор международной миграции. International Migration Outlook 2015. OECD 2015. Электронный ресурс. ISBN 978-92-64-275584©OECD 2017.
4. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации за 2017 г.,» Росстат 2017.
5. Храмова М.Н., Рязанцев С.В., Факторы и источники формирования миграционного потенциала на постсоветском пространстве. Новые векторы миграции на Евразийском пространстве\\ Серия: «Демография. Социология. Экономика. Том 1., №1, июнь 2015. Под редакцией чл.-корр.РАН Рязанцева С.В. – М.: Изд-во Эконом-информ 2015,- 243с.
6. Омельченко Е. «России выгодна семейная миграция» <http://viperson.ru/nind.phpID=665221>.

7. Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. Эмиграция по данным отечественного статистического учета// Вопросы статистики. № 11 2017. Стр.44-53.
8. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Современная миграционная политика России: иллюзии и реальность, Социологические исследования №7(387), 2016, с.134-140.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МНОГОМЕРНОГО ПРОЦЕССА ИНТЕГРАЦИИ КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Вукчевич Н. (г. Белгород, Россия)

Миграции представляют собой древнее явление, в разные периоды истории человечества они были более или менее интенсивными, в современном обществе миграции уже давно стали обыденным явлением. Миграция осуществляется поэтапно (принятие решение о миграции, подготовка, переезд, устройство на новом месте, иногда – возвращение) при этом каждому этапу присущи специфические проблемы. Одной из главных проблем завершающего этапа миграции является адаптация к новой среде. С точки зрения социологии, мы можем рассматривать этот процесс как интеграцию мигрантов в новое сообщество (социальную адаптацию). При этом данный процесс претерпевает воздействие сразу ряда факторов: политических, экономических, культурных, религиозных и пр. Мы согласны с Хеллгреном, который подчеркивает, что интеграция – это двусторонний процесс [6]. В части проблемы социальной адаптации важность ее изучения в целом определяется необходимостью предотвращения возможных негативных последствий – как для самих мигрантов, так и для принимающего общества.

Для целей нашего исследования необходимо определить границы понятия «мигрант». В соответствии с основными определениями Международной организации по миграции это «лицо, которое без

принуждения, добровольно и по личным причинам перемещается из места своего постоянного нахождения в другое место с намерением постоянного проживания» [9]. В повседневной жизни и в СМИ, а иногда даже в профессиональной среде, данный термин все чаще обобщенно используется для обозначения любого лица, которое покидает своё обычное место жительства – будь то внутри страны или за границей – независимо от того, является ли переезд «принудительным» или добровольным. В Руководстве по чрезвычайным ситуациям Верховный комиссар по делам беженцев ООН (УВКБ ООН) рекомендует, чтобы люди, которые могут быть лицами, ищущими убежище, или беженцами, назывались таковыми, и чтобы слово «мигрант» не использовалось как универсальный термин для обозначения беженцев или людей, которые, вероятно, нуждаются в международной защите, так как это может привести к ограничению их доступа к конкретной правовой помощи, которую государства обязаны предоставлять беженцам в соответствии с Уставом УВКБ ООН [9]. При этом, ищущие убежища лица – это лица, обратившиеся с просьбой о признании их беженцами в соответствии с положениями Конвенции о статусе беженцев 1951 года, которая определяет беженца как лицо, которое пересекло международные границы в результате «обоснованного страха преследования» по причине своих религиозных, политических, сексуальных или иных социальных позиций, и чья страна не станет или не сможет его защитить, или фактически сама его преследует [9].

Для того, чтобы определить фокус нашей работы целесообразно обратиться к определению интеграции, которое в соответствии с системой ключевых терминов Международной миграционной организации, представляет собой «процесс, в ходе которого мигранты включаются в принимающее сообщество – как индивидуумами, так и группами ... интеграция относится к двустороннему процессу адаптации иммигрантов и принимающего сообщества... и подразумевает определение прав и обязанностей иммигрантов и принимающего сообщества, обеспечение доступа к различным видам услуг и рынку труда, а также признание и проявление уважения к основному набору

ценностей, присущих иммигрантам и принимающему сообществу» [9]. Существует мнение, что ответственность в этом двустороннем процессе лежит, прежде всего, на принимающем сообществе или государстве. По мнению исследователей из Института миграции и народов в Загребе (Хорватия), «хотя интеграция мигрантов в принимающее сообщество является результатом взаимодействия институциональных структур и самих мигрантов, результаты интеграционного процесса, как представляется, в большей степени зависят от институциональной структуры и отношения членов принимающего общества к мигрантами, чем наоборот» [8. с. 6]. Не оспаривая важности позиции государства и общества по отношению к мигрантам, что является первым «измерением» процесса интеграции, мы подчеркиваем важность позиции самих мигрантов, что является вторым «измерением» рассматриваемого процесса. Изучение такого аспекта двустороннего процесса интеграции мигрантов в новое сообщество как их собственное отношение к новой среде (отношение иммигрантов, беженцев и просителей убежища к новым условиям) способствует выявлению доминирующих дискурсов и формированию предложений по предотвращению дискриминационной практики, с целью сохранения или установления необходимого минимума социальной сплоченности во взаимных интеракциях.

При рассмотрении социальной адаптации мигрантов мы сталкиваемся как минимум с двумя теоретическими проблемами. Во-первых, не существует теоретического консенсуса по вопросу сосуществования иммигрантов и принимающего общества, о чем свидетельствуют расхождения в терминологии, используемой для обозначения такого рода взаимоотношений: ассимиляция, интеграция, инкорпорация, инклюзия, аккультурация, адаптация. Также вызывает сомнение адекватность широкого использования отдельных теорий, которые были созданы в замкнутой среде и в то время, которое несопоставимо с нашим – как в случае с появившейся в США теорией ассимиляции или теориями Чикагской школы начала XX века [2]. Хотя концепция культуры широко признана в качестве весьма важного фактора взаимодействия

коренного населения и мигрантов, некоторые авторы полностью исключают ее из рассмотрения процесса интеграции, который они считают невозможным в принципе [5]. Более поздние теории включают третье «измерение» процесса интеграции, представленное страной происхождения мигрантов. Возможно, причина отсутствия теоретического консенсуса, который мы указали, может быть найдена именно здесь. То есть каждый из широко используемых терминов описывает одно из «измерений» интеграционного процесса.

На теоретическом уровне социальная интеграция подразумевает принципы, посредством которых отдельные лица (субъекты, агенты или субъекты) взаимодействуют друг с другом в социальном пространстве, и это относится к отношениям между субъектами, то есть к тому, как субъекты (агенты) усваивают социальные правила [1]. В современном мире интеграция в общество как систему проявляется в форме взаимодействия или интеракции сегментов определенной социальной структуры. При этом, независимо от прямого значения интеграции как слова, не предполагается, что отношения или взаимодействия являются гармоничными [3. с. 97]. «Без интеграции мигранты могут в конечном итоге жить «параллельной жизнью» ... В отсутствие реальных интеракций друг с другом предрассудки и неточные стереотипы с большей вероятностью становятся основой формирования отношения к другим. Помимо подрыва социальной сплоченности, это может подорвать возможности иммигрантов претворить в реальности какие-либо права социального и экономического равенства ... это может серьезно подорвать расширение возможностей и потенциала мигрантов для лучшей интеграции» [11. с. 13].

Когда мы говорим о социальной интеракции, которая является реалистичным и неизбежным процессом, мы можем обозначить его как необходимый фактор в теории интеграции. Например, говоря о интеграции как о многомерном процессе, Пенникс описывает ее как «процесс становления [мигрантов] признанной частью общества», различая три «измерения» интеграции: юридически-политическое (которое включает в себя достижение статуса, воссоединение семьи и избирательные права), социально-

экономическое (который включает жилье, занятость, образование, здравоохранение и социальное страхование) и культурно-религиозное (автономия культурных и религиозных практик, восприятие и взаимодействие между иммигрантами и принимающим обществом); интеракции в процессе интеграции, в которое входят иммигранты и принимающее общество; а также три уровня процесса интеграции: интеграция отдельных лиц, затем – группы, затем – организации или учреждения [12. с. 16]. Интеграция – это не только навыки и усилия самих мигрантов, но и интеракции между мигрантами и их социальной средой [7. с. 272]. Ясно, что интеграция и вовлечение в общество происходят главным образом через контакты и интеракции лиц, находящихся под защитой, с учреждениями и гражданами в местных общинах, где они принимаются и размещаются [4. с. 24]. На основе всего вышесказанного, мы можем выделить интеракции как неотъемлемую часть теории интеграции. Точнее говоря, как неотъемлемую часть ее «измерений», которые воплощаются в дихотомии социальных процессов, возникающих внезапно и спонтанно – с одной стороны, и политики, инструментов и усилий государства в ответ – с другой. По сути, можно говорить об интеракции без интеграции, но нельзя говорить об интеграции без интеракции.

В заключении также хотелось бы отметить, что большим заблуждением является мнение о том, что мигрантам свойственно противодействие интеграции в принимающее общество, стремление к изоляции и тенденция маргинализации в связи с социокультурными и религиозными различиями. Данный тезис опровергает ряд практических исследований, а также наше собственное исследование, проведенное в апреле 2019 года на базе государственных центров постоянного приема мигрантов в Республике Сербия. Объем данной работы не позволяет нам более подробно остановиться на полученных нами результатах. Однако, отметим, что среди исследуемых факторов интеграции мигрантов конфессиональная принадлежность влияла качество интеракций как основу всех трех «измерений» интеграции, меньше, чем пол, возраст и уровень образования мигрантов. Это позволяет говорить о

перспективе перехода от преобладающей парадигмы рассмотрения социальной адаптации мигрантов на фоне культурологических различий к теории многомерного процесса интеграции на основе двусторонних интеракций мигрантов, принимающего сообщества и страны или региона происхождения.

Библиографический список:

1. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетр. / [В. С. Малахов; гл. ред. И. С. Иванов]; [Российский совет по междунар. делам]. М.: Спецкнига, 2014. 24 с.
2. Alba, r., Nee v. (1997) Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration. *International Migration Review* 31 (4) Special Issue: Immigrant Adaptation and Native-born Responses in the Marking of Americans: 826-874.
3. Beresnevièiûtë, V. (2003) Dimensions of social integration: Appraisal of theoretical approaches. *Ethnicity Studies*: 96–108.
4. Challenges of integrating refugees into Croatian society: attitudes of citizens and the readiness of local communities (2019) Dean Ajduković, Dinka Čorkalo Biruški, Margareta Gregurović, Jelena Matić Bojić, Drago Župarić-Iljić. Government of the Republic of Croatia Office for Human Rights and Rights of National Minorities, Zagreb. ACT Printlab Ltd.
5. Delanty, G. (2000) Social Integration and Europeanization: The Myth Of Cultural Cohesion. *Yearbook Of European Studies* 14: 221-238.
6. Hellgren, Z. (2015). Immigrant Integration as a Two-Way Process: Translating. Theory into Practice. GRITIM-UPF Working Paper Series 23 (Spring): 1-30.
7. Hynie, M. (2018) Refugee Integration: Research and Policy. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. Vol. 24, No. 3, 265–276.
8. Institut za migracije i narodnosti (2016) Integracija migranata u Europskoj uniji s osvrtom na Hrvatsku: Strateška polazišta Instituta za migracije i narodnosti (electronic resource). Zagreb: Institut za migracije i narodnosti: <http://imin.hr/strateska-polazista> (accessed 14 October 2019).
9. International organization for migration (IOM), Key Migration Terms. <http://www.iom.int>

10. Orton, A. (2012) Building Residents of reception centers' Belonging through Positive Interactions. A guide for policy makers and practitioners. Council of Europe policy document.
11. Penninx, R. (2007). Integracijski procesi migranata: nalazi istraživanja i izazovi za javne politike. Migracijske i etničke teme, 23 (1-2), 7-32.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И МИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

Гавронова Ю. Д. (г. Смоленск, Россия)

За последние десятилетия население Европы претерпело радикальные количественные и структурные перемены. Изменения в процессах народонаселения происходят на фоне исторического экономического роста и масштабных процессов социальной модернизации. Международные миграционные потоки в настоящее время являются одной из причин, которые ведут к противоположным демографическим изменениям в странах, которые связаны друг с другом посредством миграции: к увеличению населения в промышленно развитых и к его уменьшению в развивающихся (Swiaszny, 2013, с. 1).

В Европе всегда происходили крупномасштабные международные миграционные движения. Однако, начиная со второй половины XX столетия, миграционные движения привели к увеличению численности иммигрантов в западноевропейских регионах из-за деколонизации и миграции так называемых «гастарбайтеров». Согласно данным Федерального статистического управления Германии за 2018 г. 20,8 млн. из 81,6 млн. жителей Германии имели миграционный фон, т.е. 25,5% от общего населения, приблизительно каждый четвертый гражданин Германии. В старых федеральных землях, в Западной Германии, число людей с миграционным фоном составляло 28,6% от общего

населения (70,5 млн.), а в новых федеральных землях, в Восточной Германии – 8% от общего населения (12,6 млн.), что значительно ниже, чем в старых. Отметим, что 59,9% всех граждан с миграционным фоном жили в городах, 12,7% – в сельских районах (Bevölkerung mit Migrationshintergrund, 2019; Bevölkerung – Zahl der Einwohner).

Термин «миграционный фон» был введен в Германии в 2005 г. в процессе межведомственного сотрудничества под руководством ведомства по межкультурной работе (Sibel A., 2008, с. 8). Люди с миграционным фоном – это мигранты, которые сами или, по крайней мере, один из их родителей не имеют немецкого гражданства с рождения; иностранцы, проживающие в Германии и не имеющие немецкого гражданства; лица, получившие немецкое гражданство через усыновление немецким родителем; а также дети, рожденные с немецким гражданством в упомянутых выше группах (Bevölkerung mit Migrationshintergrund, 2019; Sibel, 2008, с. 8). Иммигранты во время Второй мировой войны и их потомки не являются частью населения с миграционным фоном (Bevölkerung mit Migrationshintergrund, 2019).

По данным за 2018 г. почти две трети всех граждан с миграционным фоном (64,7%) иммигрировали в Германию, а треть родилась в Германии (35,3%). Число людей с миграционным фоном будет продолжать увеличиваться: в 2018 году 40,6% всех детей в возрасте до пяти лет имели миграционный фон, в возрастной категории 40-45 лет соответствующая доля составляла 34,2%, среди населения 80-85 лет – 8,6%. Стоит отметить, что 35,7% из 20,8 млн. жителей с миграционным фоном прибыли в Германию из одной из 27 других стран-членов Европейского союза, а 29,6% – из другой европейской страны. Большая часть (13,3%) из этих 20,8 млн. турецкого происхождения, затем следуют Польша (10,8%), Россия (6,6%), Румыния (4,6%) и Италия (4,2%). Из неевропейских стран значительное количество жителей Германии составляли выходцы из Казахстана (6%) и Сирии (3,9%). В микропереписи 2018 года около 2,6 млн. жителей Германии заявили, что приехали в Германию как этнические немцы. Большинство из них (1,6 млн.) – из стран-преемников

бывшего Советского Союза, прежде всего из Казахстана (733 тыс.) и России (654 тыс.). Кроме того, Польша (732 тыс.) и Румыния (224 тыс.) являются важными странами происхождения данной категории мигрантов (Bevölkerung mit Migrationshintergrund, 2019).

Как было сказано выше, граждане с миграционным фоном живут в основном в столичных районах Западной Германии или, как правило, в районах Западной Германии с так называемыми “старыми отраслями”, поскольку в свое время они прибыли именно в эти регионы как гастарбайтеры и выполняли низкоквалифицированную работу (Brinkmann, 2014, с. 24). В настоящее время жители с иностранными корнями также чаще не имеют среднего образования и оказываются безработными (Коваль, 2019).

Поэтому мигранты, особенно из неиндустриальных стран, часто проживают в социальном жилье в социально неблагополучных районах города или пригорода. Раньше это были «классические» жилые районы для представителей рабочего класса. Тенденция к пространственной сегрегации проявляется во всех промышленно развитых странах или странах с высоким уровнем иммиграции. В США и Великобритании она еще более выражена, чем в Германии. Отдельные меры социального обеспечения и государственного жилищного строительства в Германии способствуют социальной сегрегации людей с миграционным фоном в жилых районах для мигрантов с низким уровнем дохода (Brinkmann, 2014, с. 24).

Как и в других странах, финансовые причины социальной сегрегации усугубляются тенденцией групп иммигрантов поселиться в районах их этнической принадлежности. Это явление усугубляется желанием многих немцев покинуть дома или районы с определенной долей, к примеру, турецких жителей. Результатом данных тенденций является растущая доля бедности районов, предназначенных раньше для бывших рабочих, а ныне для мигрантов (Brinkmann, 2014, с. 25).

В тоже время, как подчеркивает Бринкманн, у второго и третьего поколения мигрантов турецкого происхождения гораздо более высокий уровень

удовлетворенности условиями проживания, чем у этнических немцев, родившихся в Германии, и у первого поколения иммигрантов. Это может означать принятие общих условий жизни и, возможно, даже в определенной степени адаптацию. Кроме того, данная категория жителей Германии чувствует себя хорошо в своей этнической среде с более высоким уровнем жизни, чем в Турции (Brinkmann, 2014, с. 25).

Тенденции к пространственной «концентрации» мигрантов являются психологически понятным процессом: в Германии мигранты сталкиваются с новыми социальными, экономическими и политическими структурами и различиями в нормах и правилах поведения в обществе; недостаточностью поддержки со стороны ближайшего социального окружения. Поэтому мигранты пытаются создать социальную среду, которая выходит за рамки семьи и максимально похожа на социальную среду общества их происхождения. Этнические диаспоры играют важную роль в этой новой среде. С ростом интеграции такая этническая среда становится менее важной в странах иммиграции (Brinkmann, 2014, с. 25).

Следует отметить, что несмотря на все еще существующие проблемы экономических и социальных изменений в новых федеральных землях, в Восточной Германии, ситуация с мигрантским населением гораздо лучше, чем в Западной Германии. Прежде всего, это касается этнического состава мигрантского населения. Этнические группы (турки, курды, выходцы из бывшей Югославии), часто называемые «проблемными группами», почти полностью отсутствуют (Brinkmann, 2014, с. 25 – 26).

Более того в пяти новых федеральных землях Германии и отчасти в Берлине сосредоточены многочисленные этнические группы, которые в других странах и во все времена отличались высоким уровнем адаптации, образованием выше среднего уровня и экономическим успехом. К ним относятся так называемые еврейские беженцы, обычно с академически образованными родителями. Многие мигранты из китайской культуры также высокообразованные и успешные люди. Однако, среди поздних репатриантов

много детей и подростков, нуждающихся в социальной поддержке и образовательных услугах (Brinkmann, 2014, с. 26).

Помимо проблемы интеграции иммигрантов в немецкое общество существует проблема старения и сокращения населения в Центральной и Восточной Европе в целом (Swiaszny, 2013, с. 1). Кроме демографических изменений, таких как старение и сокращение численности населения, которые протекают более-менее одинаково во всех европейских странах, в Европе существуют значительные региональные различия в отношении миграционных перемещений: наряду с экономически процветающими региональными центрами периферийные регионы с высоким уровнем безработицы и низкими заработными платами страдают от старения, избирательной эмиграции и сокращения населения (Swiaszny, 2013, с. 2).

Повышение качества медицинского обслуживания и падение рождаемости способствуют старению коренного немецкого населения и его уменьшению. В то же время увеличивается доля немецкого населения с миграционным фоном (Brinkmann, 2014, с. 27). Этот процесс наиболее заметен в мегаполисах. Чем моложе возрастная группа, тем выше доля мигрантов. Дети с миграционным фоном, т.е. которые считаются немцами, но являются мигрантами, составляют чуть ли не половину несовершеннолетнего населения Германии (Лашет, 2007).

При этом уровень рождаемости среди молодых мигрантов также падает. У тех, кто имеет более высокий уровень образования и достатка, рождаемость обычно ниже. Ухудшение возрастной структуры в тоже время является следствием того факта, что мигранты, приехавшие в Германию в очень молодом возрасте, также стареют. Поэтому очевидно, что иммиграционные процессы не могут остановить процесс старения, они могут только замедлить его (Brinkmann, 2014, с. 27).

Последствия демографических изменений оказывают глубокое влияние на все сферы жизни, такие как рынки труда и жилья, устойчивость общественной и частной инфраструктуры (например, местный общественный

транспорт, закрытие школ из-за небольшого числа учащихся, сокращение рабочих мест) и работу систем социального обеспечения (Swiaszny, 2013, с. 1). Современное общество еще не подготовлено к таким демографическим изменениям: с одной стороны, более высокая продолжительность жизни, а, с другой стороны, сокращение рождаемости, прежде всего, коренного этнического населения. Поэтому европейская и национальная миграционная политика находятся в конфликте интересов: с одной стороны, миграционная политика преследует цель сдерживания иммиграции из менее развитых регионов в регионы с высоким уровнем жизни; с другой стороны, способствует иммиграции таким образом, чтобы она помогла смягчить последствия демографических изменений (Swiaszny, 2013, с. 1).

Разработка концепции государственной миграционной политики стоит как перед Европой, так и перед Россией. Новая трудовая миграция будет иметь желаемые последствия лишь в том случае, если удастся привлечь более квалифицированные кадры. Принимать неквалифицированных трудовых мигрантов – не в интересах местных жителей: в них нет большой потребности, и многие из них терпят неудачу на рынке труда.

Поэтому с целью сокращения нелегальной миграции, снижения бедности среди населения с миграционным фоном, уменьшения расходов на социальные выплаты и создания более мощной инфраструктуры правительство Германии 1 марта 2020г. приняло закон об облегчении трудоустройства квалифицированных кадров из стран, не входящих в Евросоюз. Согласно данному закону, действуют два основных условия: наличие квалификации, т.е. диплом вуза или диплом о профобучении, которое длилось минимум два года, и конкретное предложение о работе или уже заключенный контракт с немецким работодателем (Fachkräfteeinwanderungsgesetz, 2020).

Анализ демографических изменений и миграции в Европе, на примере Германии, а также те действия, которые принимает немецкое правительство с целью придать миграционным потокам управляемый характер, позволяет

сформулировать некоторые практические рекомендации для стран, имеющих сходные демографические и миграционные проблемы.

В частности, миграционные службы в России также могут извлечь пользу из уроков и опыта Европы, сделать правильные выводы и стараться принимать адекватные меры по сокращению бесконтрольной миграции и развитию миграционной политики. Поток мигрантов, с одной стороны, должен регулироваться согласно нуждам экономики и способствовать развитию инфраструктуры страны, а с другой, – не нарушать право личности на свободу передвижения и лучшие условия жизни.

Библиографический список:

1. Коваль И. Число жителей ФРГ иностранного происхождения достигло рекордного уровня. 16.09.2019. URL: <https://p.dw.com/p/1K3an> (дата обращения 05.03.2020)
2. Лашет А. Страна стареет // Стратегия России. 2007. № 1. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1169720906&archive=1169721631&start_from=&ucat=14& (дата обращения 02.03.2020)
3. Bevölkerung mit Migrationshintergrund // Bundeszentrale für politische Bildung. 19.9.2019. URL: <https://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/soziale-situation-in-deutschland/61646/migrationshintergrund-i> (дата обращения 05.03.2020)
4. Bevölkerung – Zahl der Einwohner in Ost- und Westdeutschland von 1991 bis 2018. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1058231/umfrage/zahl-der-einwohner-in-ost-und-westdeutschland/> (дата обращения 07.03.2020)
5. Brinkmann H.U. Soziodemografische Merkmale der Migrationsbevölkerung // Handbuch Migrationsarbeit, 2 überarbeitete und aktualisierte Auflage. Hrsg. Britta Marschke, Heinz Ulrich Brinkmann, Deutschland: Freie Universität Berlin, 2014. S. 21 – 40.
6. Fachkräfteeinwanderungsgesetz. Mehr Fachkräfte in Deutschland. 01.03.2020. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/fachkraeteeinwanderungsgesetz-1563122> (дата обращения 05.03.2020)

7. Sibel A.K. Migration in München: Teil 2 – Jeder dritte Münchner hat einen Migrationshintergrund // Münchner Statistik, 3. Quartalsheft, Jahrgang 2008. URL: <file:///C:/Users/Юля/Downloads/mb080302.pdf> (дата обращения 05.03.2020)
8. Swiaczny F. Demografischer Wandel und Migration in Europa // Kurzdossier. Dezember 2013, №24. URL: file:///C:/Users/Юля/Downloads/Kurzdossier_demografischer_Wandel_2014.pdf (дата обращения 05.03.2020)

РОЛЬ ЭМПАТИИ В АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ОБЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Гайдаренко С. М. (г. Лесосибирск, Россия)

Стремление к перемене мест является одной из характерных особенностей человека. Всеобщая декларация прав человека гласит: «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства» и «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну».

Количество иностранных граждан, въезжающих в нашу страну, подлежит строгому контролю. Согласно статистике официального сайта МВД России, численность мигрантов увеличивается с каждым годом. Наиболее популярные представители миграционного потока – это граждане Узбекистана, Таджикистана, Украины. К основным причинам миграции в нашу страну относят: наличие работы и постоянный заработок, возможность приобретения собственного жилья, личная безопасность и безопасность семьи, возможность получения образования.

Прибывая в чужую страну в целях постоянного проживания, и оставаясь там на долгое время, мигранты-взрослые постепенно адаптируются к местным условиям, бытовой среде, особенностям местного населения, но мигрантам-детям приходится гораздо сложнее, их детский мозг до конца еще не может

принять смену культурных и национальных моментов и требует для этого времени (межкультурная адаптация). Согласно Конституции РФ, каждый ребенок Российской Федерации обязан получить как минимум основное общее образование. Именно тут у детей-мигрантов начинаются первые трудности...

Время адаптационного периода у детей-мигрантов педагоги оценивают по-разному: от года до четырех лет. За это время дети-мигранты преодолевают ряд трудностей, с которыми им приходится сталкиваться в процессе переселения.

Адаптация ребенка зависит от многих факторов. Все их можно разделить на индивидуальные (внутренние) и групповые (внешние) [4].

Так, к внутренним, в первую очередь, относится возраст ребенка (чем младше школьник, тем проще ему адаптироваться к новой ситуации), половую принадлежность (мальчики-мигранты в силу особенностей культурных традиций обычно осваиваются быстрее девочек), индивидуальные особенности личности (темперамент, характер, уровень интеллектуального развития, владение языком).

К внешним факторам относится настрой коллектива, в который попадает ребенок-мигрант (дружелюбный или враждебный), его готовность прийти на помощь и желание в общении. Наиболее яркими проблемами в адаптации ученика-мигранта выступают проблемы языкового и социокультурного барьеров [4]. Наличие этих сложностей препятствует успешной социализации ученика-мигранта, осложняют процесс усвоения информации и психологической адаптации ребенка. Вследствие чего ребенок сторонится общественной, классной и внеклассной деятельности; настраивается против окружающего социума, считая его непонимающим, чужим, агрессивно-настроенным; страдает из-за отсутствия друзей; считает себя менее способным, тем самым способствуя формированию у себя заниженной самооценки.

В процессе адаптации ребенка в школе выделяют несколько этапов:

1. Учебная адаптация: включение ребенка-мигранта в учебную, воспитательную и внеклассную деятельность школьного класса, а также усвоение норм поведения, принятых в школе.

2. Социально-педагогическая адаптация: формирование и установление межличностных связей детей-мигрантов в пространстве школы.

3. Культурная адаптация: развитие у ребенка-мигранта представления о культурных особенностях и нормах новой для него страны, включение ребенка в окружающий социум.

Важно отметить, что акцент в адаптации делается не на национальной принадлежности ребенка, его возрасте, времени поступления в школу или умственных способностях, а на показателях успешной интеграции в классе [4]. Успешная интеграция ребенка-мигранта в классе - одна из главных целей классного руководителя. Именно учитель может способствовать формированию правильного отношения к новому ученику, созданию комфортного климата в классе, успешному вхождению ребенка в коллектив. Педагог выступает своего рода медиатором между учеником-мигрантом и другими обучающимися. Так, процесс акклиматизации отчасти перерастает в процесс восстановительной медиации. Восстановительная медиация - это процесс, в котором медиатор создает гармоничные условия для взаимодействия двух сторон, способствует пониманию сторонами друг друга, предотвращает возможные конфликты и непонимания [4]. Самым важным в этом процессе является активное взаимодействие обеих сторон, которому способствует независимый медиатор. Не смотря на то, что традиционно такой метод применяется в практике органов правосудия, его же можно использовать и в процессе адаптации ученика-мигранта в общеобразовательной школе. Это будет полезной практикой для развития умения самостоятельно разрешать сложные ситуации, не причиняя вред себе и другим. Успешность протекания этого процесса гарантирует нахождение общего решения, устраивающего обе стороны, принятие которого всегда обусловлено межличностными отношениями учеников, переживанием ими определенных эмоций и чувств.

Акцент в таком случае следует сделать не столько на переходе от позиций к интересам, сколько на чувствах сторон, построении конструктивного общения и формировании доверия между учениками.

В школьной практике за основу восстановительной медиации можно взять такое умение личности как толерантность. Каждый ученик класса должен понимать, что толерантность – это не глухое безразличие, а истинный доброжелательный настрой на людей во взаимодействии с ними, а также набор позитивных установок в общении. Под ней также понимают терпимость, характеризующуюся умением мириться с чужим мнением и снисходительным отношением к поступкам других людей.

Подлинная толерантность во многом основывается на эмпатичных способностях человека. Т.В. Власова говорит: «Идеальное содержание толерантности и эмпатии, трансформирующееся в эмпирии взаимодействия в бытийственную человеческую связь, не только подкрепляет и воспроизводит её в наиболее возможной полноте, но испытывает и утверждается в статусе онтологического способа существования, которое благодаря этому единению наполняется доверием как основой онтологической безопасности» [1]. Так, эмпатия как способность к сочувствию, сопереживанию и пониманию состояния другого человека выступает критерием психологически здоровой личности, толерантность – критерием социально-здоровой личности [2].

Толерантность и эмпатия по отношению к детям-мигрантам выступает не только актом уважения, но и признаком включенности в общение (а соответственно, работы над собой). Эмпатия способствует установлению понимания и контакта между людьми. Благодаря чувству эмпатии личность может взглянуть на ситуацию с разных ее сторон, заметить все ее сложности. Ребенок-мигрант в своих желаниях и требованиях ничем не отличается от ребенка коренного населения. Он также испытывает потребность в общении, признании и уважении. Обладание коллективом высоким уровнем развития эмпатийных способностей способствует лучшей и более быстрой интеграции ребенка-мигранта в классе. В исследовании Т.В. Снегиревой и М.Е. Егорова

было выявлено, что дети из числа мигрантов обладают более низкими показателями уровня эмпатии. Они менее склонны к проявлению эмпатийности, зависимы от окружающих (лишь 10% проявили тенденцию к независимости), стараются избегать общения со сверстниками [3].

Сделав акцент на развитии у всех учеников эмпатичных способностей, преподаватель встает на верный путь по созданию целостного, дружного коллектива и успешной интеграции ученика-мигранта в классе. Развивая в учениках любовь, уважение, понимание и сочувствие, учитель способствует уничтожению дискриминации (гендерной, национальной, религиозной и др.), и обеспечивает будущее социально-здоровыми личностями.

Дети-мигранты при таком сценарии акклиматизируются намного быстрее. Эмпатия как чувство слияния состояний не требует общности языка и убеждений, основываясь на эмоциональной сфере, она позволяет понять друг друга людям разных конфессий и народов. Так, ученик-мигрант не только изучает язык и традиции новой страны, но и, сам не осознавая того, начинает понимать стиль мыслей окружающего его коллектива. Учится милосердию, взаимоуважению и терпимости. Начинает думать, как другие ученики, принимает окружающих такими, какие они есть. Осознает равенство между ними и постепенно, вливаясь в культуру другой страны, успешно интегрируется в классе.

Толерантность и эмпатия являются обязательными качествами достойного педагога. Их проявление учителем находит эмоциональный отклик у учащихся между собой и между ними и педагогом. Положительное отношение друг к другу и приятный психологический климат коллектива способствует более успешному процессу обучения и социализации его участников.

Так, для успешной социализации ребенка-мигранта в школе учитель может применять различные техники по развитию у учеников эмоционального интеллекта (далее - ЭИ) в целом и эмпатии в частности. Важно обращать внимание на эмоции, которые испытывают при этом ученики (учить их проявлению положительных эмоций). Сначала, чтобы узнать уровень ЭИ

учащихся следует провести социометрический опрос и диагностику эмпатийных проявлений, после, воздействуя, в первую очередь, на признанных лидеров, развивать уважительное отношение к новоприбывшему ученику с помощью собственного примера. На первых этапах социализации ученика-мигранта лучше использовать групповые виды работ (спортивные соревнования, общественные проекты и др.), после перейти к работе в парах и формированию отдельных дружеских связей ребенка.

Находясь в эмоционально-приятном климате, в атмосфере взаимоуважения и понимания друг друга, ученики создают благоприятную почву для успешной интеграции ученика-мигранта в школе. Тем самым, вливаясь в коллектив, ребенок из числа мигрантов успешно акклиматизируется не только в школьном классе и образовательном учреждении, но и в новой стране, культуре в целом.

Таким образом, при проявлении взаимной эмпатийности между учениками, прохождение этапов учебной, социально-педагогической и культурной адаптации ученика-мигранта проходит не только более быстро, но и более результативно. Высокий уровень эмпатийности ребенка-мигранта способствует его успешной интеграции в школе. Высокий уровень проявления эмпатийности учителем выступает примером для развития чувства эмпатии у учеников. Высокий уровень эмпатийных проявлений коллектива гарантирует принятие нового ученика в классе и установление между ними положительных социальных связей.

Библиографический список:

- 1) Власова, Т. В. Толерантность и эмпатия: к вопросу об онтологии сосуществования / Т.В. Власова // Современная психология и педагогика: проблемы и решения: сб. ст. По матер. XXIII междунар. Науч.-практ. конф. № 6 (22). – Новосибирск : СибАК, 2019. – С. 99-109.
- 2) Долгова, В. И. Эмпатия. Монография / В.И. Долгова, Е.В. Мельник. – Москва : Издательство «Перо», 2014. – 185 с.

- 3) Снегирева, Т.В. РАЗВИТИЕ ЭМПАТИИ КАК ФАКТОРА РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДРОСТКОВ ИЗ ЧИСЛА МИГРАНТОВ / Т.В. Снегирева, М.Е. Егоров // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». Режим доступа к журн. URL: <http://scienceforum.ru/2016/article/2016021971> (дата обращения: 27.02.2020)
- 4) Шарфизянова, К. Ш. Адаптация детей мигрантов в образовательной среде. Ресурс школьной службы медиации: метод. Пособие / авт., эксперт и сост. К.Ш. Шарифзянова. – Казань, 2018. – 59 с.

РОЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НОВОМ ДОМЕ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ: ПРАКТИКА ОСОЗНАНИЯ

**Гриценко В. В., Махаринская Е. А. (г. Москва, Россия),
Муращенкова Н. В. (г. Смоленск, Россия)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ»

Исследование эмиграционных намерений выступает одной из актуальных научных и социальных проблем, которая, с одной стороны, обусловлена высокими темпами эмиграционного потока из РФ, а с другой, – недостаточной изученностью содержания, механизмов, этапов формирования эмиграционных намерений у населения. Согласно официальным данным только в 2018 году из России эмигрировали 440831 человек (*Численность и миграция...*).

На этапах формирования и реализации эмиграционных намерений у личности имеются некие представления о будущей повседневной жизни на новом месте жительства. Важным элементом таких представлений являются

знания об особенностях обустройства нового дома, отношение к новому дому, представления о собственных возможностях и ресурсах в плане организации быта на новом месте. Каждый человек вкладывает в понятие «дом» свои смыслы, при этом дом является уникальным местом, где индивид в той или иной степени может удовлетворить практически все свои базовые потребности: физиологические и социальные, творческие и эстетические, потребность в уважении и самореализации, и главным образом потребность в безопасности (Махаринская, Гриценко, 2019) . Что касается эмигрантов, то особо следует обратить внимание на ресурсную функцию дома. Во время стресса, а переезд в другую страну на время или навсегда – это в любом случае стресс, домашняя среда может стать значимым ресурсом совладающего поведения личности. Это подтверждается и отечественными, и зарубежными исследованиями (Нартова-Бочавер и др., 2019; Heft, 2003; Williams, Stewart, 1998; Lewicka, 2011 и др.).

Поэтому так важно потенциальному эмигранту осознать, каким содержанием он наполняет категорию «дом» и какими фундаментальными потребностями опосредуется данное содержание. Для осознания потенциальным эмигрантом степени значимости различных характеристик дома как повседневной среды и пространства для реализации своей жизни за границей, мы предлагаем использовать упражнение «Делая дом домом» (Making a house a home), описанное Нэнси Лонгатан (Лонгатан, 2012).

Автор разработала данное рефлексивное упражнение на основе собственного опыта, когда подростком переехала с семьей в Гайану из Северной Калифорнии. Опыт собственной семьи убедил ее, что детали повседневной жизни всегда нуждаются в пристальном внимании в новых культурах. С тех пор, слушая истории многочисленных переселенцев – одиноких и семейных, переезжающих с семьей или оставивших ее на родине, жизненный уровень которых стал выше, ниже или изменился иным образом, – Н. Лонгатан пришла к выводу о важности для жизни тех уроков, которые можно извлечь из опыта домашнего хозяйствования.

Основная цель упражнения: осознание потенциальным эмигрантом своих личных потребностей и возможностей их удовлетворения на новом месте жительства, получение представлений о своих ожиданиях, связанных с восприятием нового дома, о степени соответствия этих ожиданий реальности, что в целом будет способствовать успешной адаптации потенциального эмигранта в другой культуре.

Данное упражнение предназначено для взрослых с разным уровнем образования, может проводиться как индивидуально, так и в группе до 8 человек. Время выполнения: 30–60 минут.

Этапы работы с упражнением:

I этап. Раздать Анкету (ниже представлен ее текст) всем участникам и дать 15-30 минут на ее заполнение.

Анкета «ДОМ» (для переселенцев в другую страну)

Инструкция. Как для семей, так и для одиноких людей обустройство дома является важной задачей. Многие люди, например, студенты или холостяки, возможно, не уделяли большого внимания домашнему хозяйству в прошлом, у кого-то с повседневными жизненными задачами справлялись другие члены семьи, и они не особенно об этом задумывались.

Однако переезд в новую среду и культуру может вызвать трудности с выполнением даже таких простых домашних дел, как стирка белья или приготовление пищи, которые, возможно, придется решать по-новому внутри семьи.

Обустройство дома в чужой культуре сопряжено с большими трудностями для всех, но особенно для тех, чей переезд предполагает смену деятельности или роли, скажем, с домохозяйки или студента(-тки) на работника(цы) вне дома или наоборот. В таком случае будет иметь смысл заранее подумать об этом и подготовиться.

Эти вопросы предназначены для того, чтобы обратить ваше внимание на некоторые базовые задачи, связанные с домашним хозяйством как на родине, так и за границей. Возможно, вам понадобится какая-то дополнительная

информация, чтобы ответить на некоторые из вопросов, и точная жизненная ситуация, в которой вы собираетесь оказаться, может быть, а может и не быть четко определена, но вопросы должны подготовить вас к проблемам, которые вам, возможно, придется решить или приспособиться к ним. Рекомендуется заполнить этот лист сейчас, и сохранить его, чтобы перечитать, когда будете готовиться к отъезду и/или когда устроитесь на новом месте. Цель состоит в том, чтобы стимулировать у вас более глубокие размышления на каждой стадии адаптационного процесса.

Вопросы:

1. Смысл/значение дома

(а) Каково основное значение слова «дом» для вас? Выберите одно или несколько важных для вас значения (отметьте, галочками) или ранжируйте их все (1 – наиболее значимое, 2 – второе по значимости и т.д.), или впишите свой вариант.

Безмятежное убежище от хаоса внешнего мира.

Место для воспитания, развития детей.

Центр разных мероприятий для многих людей.

Приятное место встречи для друзей и гостей.

Показ или демонстрация моего дизайнерского мастерства и художественного стиля.

Простой фон для моей жизни, требующий небольшого внимания.

Место, где хранятся традиции, откуда мои корни.

Безопасное место, где я могу сбросить маску и быть собой.

Другое _____

(б) Ожидаете ли вы, что место, куда вы собираетесь, будет соответствовать этим характеристикам и смыслам, или это будет временное жилище? Какие характеристики дома будет трудно воссоздать в ваших новых условиях жизни? Подумайте и запишите: _____

2. Составляющие комфорта в доме.

Что вам необходимо для комфортной жизни (подчеркните)?

Электричество. Водоснабжение. Горячая вода. Холодильник. Плита (с/без печи). Туалет отдельно от ванной. Ванна с душем. Отдельные спальни для каждого члена семьи. Комнаты с/без внутренних дверей, которые запираются. Пространство для игр/учебы детей. Стиральная машина. Сушилка для одежды. Помощники по дому/прислуга (живут в доме/приходящие). Существенное естественное освещение. Окна, которые открываются/не открываются /не закрываются/ закрываются/ экранируются. Двор или сад. Веранда или балкон. Прихожая (для обуви) отделена от гостиной. Забор/стена/ворота вокруг дома. Отопление/кондиционирование воздуха.

Другое (допишите при необходимости) _____

3. Помощники по дому.

Подумайте о помощниках по дому. Если вы никогда не пользовались домашней помощью и не ждали, что она будет на новом месте, можете пропустить этот блок вопросов.

а) Если вы раньше пользовались домашней помощью, но не ждете, что она появится на новом месте, подумайте и запишите ответ: _____

Чему вам стоит научиться? (например, пользоваться стиральной машиной или стирать одежду вручную и т.п.) _____

б) если вы никогда раньше не пользовались домашней помощью, но ожидаете, что она появится на новом месте, определитесь и впишите ниже:

Сколько помощников по хозяйству вам понадобится? Как вы их найдете? Что они будут делать? Как вы будете их обучать? На каком языке будете с ними разговаривать? Какую дистанцию власти вы ожидаете? Какую ожидают они? _____

в) если вам уже приходилось пользоваться домашней помощью, и вы ожидаете воспользоваться ею на новом месте, подумайте и запишите:

Какие культурные сходства и различия вы ожидаете у вас и ваших новых работников? Будут ли различия в дистанции власти в новой культуре по сравнению с культурами, к которым принадлежали люди, к чьим услугам вы прибегали раньше? _____

4. Водоснабжение. Подумайте и запишите:

Какое водоснабжение у вас будет в новом доме? Будет ли вода очищена надлежащим образом или это будет вашей задачей? Если необходимо, как вы будете обрабатывать воду для домашнего потребления? _____

5. Текущие повседневные расходы. Подумайте и запишите:

Какую часть ваших доходов вы сейчас тратите на повседневные бытовые нужды? Какую часть вы планируете тратить на новом месте? Какая часть дохода, по вашему мнению, была бы идеальна для траты на повседневные расходы (еда, вода, электроэнергия, домашние развлечения и т.д.)? _____

6. Покупка еды. Подумайте и запишите:

Кто будет делать ежедневные или еженедельные покупки еды на новом месте? Как они узнают, куда пойти и что купить? _____

7. Транспортная мобильность. Самостоятельное вождение автомобиля. Подумайте и запишите:

Вы умеете водить машину? Нужно ли этому учиться на новом месте? Какие эмоции вы испытываете, думая о вождении? Если вы уже ездите, насколько отличается система дорожного движения там от той, что в вашей

стране? Если вы не планируете водить машину на новом месте, не будет ли это для вас в каком-то смысле ограничением свободы передвижения? _____

8. Степень самостоятельности и независимости на новом месте. Подумайте и запишите:

В какой степени вы будете зависеть от членов принимающей культуры в своих повседневных нуждах, с которыми вы раньше могли справиться самостоятельно? Нередко приезжающие из другой страны обнаруживают, что просто не могут самостоятельно удовлетворить потребности, которые они удовлетворяли дома. Насколько для вас будет ощутима потеря независимости?

9. Сроки и условия адаптации на новом месте. Подумайте и запишите:

Каковы ваши ожидания от себя и других относительно скорости и степени вашей адаптации к новой культуре, чтобы чувствовать себя там независимым, и как вы определяете для себя независимость? _____

II этап. Предложить участникам сформировать пары или небольшие группы (3-4 человека), чтобы они могли поделиться своими ответами на вопросы. Задача настоящего этапа состоит в том, чтобы глубже осознать представления о новом доме, снять напряжение и переживания, связанные с предстоящей эмиграцией, обменяться мнениями, опытом решения сходных проблем, получить поддержку со стороны таких же потенциальных эмигрантов.

Предварительно стоит обсудить организационные моменты групповой работы, исходя из ее основных принципов: предоставление участникам полной информации о работе группы; активность членов группы; добровольность

участия; искренность; «здесь и сейчас», конфиденциальность, доброжелательная, открытая атмосфера; ненанесение ущерба и др.

III этап. Обсудить, что запомнилось и было особенно важным и полезным в процессе выполнения упражнения и последующего обсуждения в группах.

Примерные вопросы для обсуждения:

1. Были ли здесь вопросы, которые вас удивили? Вопросы, о которых вы не задумывались до этого, могут быть важными?

2. Были ли вопросы, на которые вы не смогли ответить из-за недостатка информации о вашем пункте назначения? Если да, то в каком случае вы бы могли на них ответить?

3. Были ли вопросы, на которые вы не могли ответить, потому что не рассматривали их раньше, или же вам нужно время, прежде чем ответить на них? Если да, то чего вам не хватает или какие нужно сделать шаги, чтобы ответить на них?

4. Обнаружили ли вы конкретные проблемы или области, которые заставляют вас думать, что жизнь за рубежом будет представлять сложности для вас? Если да, то какие стратегии преодоления, по-вашему, вам понадобятся?

5. Предположим, что у вас есть сообщество или группа поддержки, члены которой дают очень разные ответы на эти вопросы, как вы будете получать и оказывать поддержку? (Например, в эмигрантской общине некоторые члены комфортно себя чувствуют в условиях проживания новой страны, в то время как другим важно воссоздать свои домашние условия).

6. Учитывая то, что для вас значит дом, что важно для вас воссоздать в вашем новом пространстве? Какие первые шаги нужно предпринять для этого?

Ключевые идеи и уроки после обсуждения:

Условия жизни для будущего мигранта могут оказаться более сложными и критическими, чем ожидалось. Возможно, потребуется разделить

ответственность за обустройство и ведение домашнего хозяйства между членами семьи после обсуждения.

Варианты и формы обсуждения.

Дискуссия по подведению итогов должна зависеть от участников.

Вариант 1. Если участники схожи по происхождению и месту назначения, организуйте подведение итогов так, чтобы это стало шагом к созданию сообщества поддержки. Поощряйте участников поддерживать друг друга после программы и обсудить механизмы, с помощью которых они это будут делать.

Вариант 2. Если участники схожи в культуре, но различны в жизни (одинокі, женаты, и т.д.) или стране назначения, сконцентрируйте внимание на том, что общего и в чем отличия их ожиданий. Обсудите, какую роль для них играют этапы жизни или место назначения.

Вариант 3. Если участники различаются по происхождению, но схожи по назначению (например, международные студенты, поступающие на новую программу), дополните дискуссию информацией о месте назначения, условиях и культурных представлениях о доме.

Вариант 4. Если участники отличаются друг от друга по происхождению и месту назначения, подумайте о том, чтобы заставить людей поразмышлять над вопросами и записать свои ответы, а не обсуждать их вслух. Затем проведите общее и более краткое обсуждение.

Вариант 5. Если супруги или партнеры принимают совместное участие в опросе, обсудите эти вопросы и проблемы с обоими. Будьте готовы к обсуждению с супружескими парами ролей и обязанностей в доме.

Вариант 6. Если вы работаете индивидуально, используйте эту анкету, чтобы углубить коучинг и установить четкие действия, которые человек может предпринять, чтобы поддержать себя при переезде.

Рекомендации по организации обсуждения:

Обсуждение поднятых вопросов всей группой может быть уместным, а может и нет. Это важно понять фасилитатору, оценивая возможности

конкретного пространства, чтобы решить, как лучше всего провести опрос группы.

Ответы очень личные. Маловероятно, что группа участников придет к какому-то консенсусу, и их не следует склонять к этому.

Тренеры могут принять решение об изменении самого вопросника с тем, чтобы сделать его более актуальным для отдельной группы.

Главный желаемый результат заключается в том, чтобы каждый участник начал размышлять над этими вопросами, исходя из собственной уникальной ситуации.

Заключение. Описанное упражнение «Делая дом домом», разработанное Нэнси Лонгатан, является очень подробным, охватывающим разные аспекты жизни мини-тренингом. Выполнение его дает важную информацию о представлениях потенциального мигранта не только о доме, степени комфорта, бытовых условиях, которые для него будут приемлемыми на новом месте жительства, но и о его предпочтениях и ценностях, о переменах и цене, которую, возможно, придется заплатить. В упражнении прописаны разные варианты для индивидуального коучинга или работы в малых группах. Это рабочий, практичный инструмент, запускающий рефлекссию участников и являющийся подготовительным этапом для будущего эмигранта к переезду и адаптации в новой культуре. Используя опыт зарубежных коллег, мы уверены, что данное упражнение может войти в арсенал полезных средств как для будущего эмигранта, так и для специалистов, работающих с мигрантами, и способствовать раскрытию личностных ресурсов для приспособления к новым условиям и переменам в жизни.

Библиографический список:

1. Махаринская Е.А., Гриценко В.В. Образ дома как отражение национального характера //Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (13–14 мая 2019 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 411-413.

2. Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Резниченко С.И., Хачатурова М.Р. Дом и его обитатели: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 293 с.
3. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения 04.03.2020)
4. Heft H. Affordances, dynamic experience, and the challenge of reification // Ecological Psychology. 2003. Vol 15. P. 149-180.
5. Lewicka M. Place attachment: How far have we come in the last 40 years? // Journal of Environmental Psychology. 2011. Vol. 31. P. 207-230.
6. Longatan N. Making a House a Home // Building Cultural Competence: Innovative Activities and Models / K. Berardo and D. K. Deardorff (eds). Sterling, VA: Stylus, 2012. Pp. 211–214.
7. Williams D.R., Stewart S., Sense of Place: an elusive concept that is finding a home in ecosystem management // Journal for Forestry. 1998. Vol. 96. №5 P.18-23.

СОЦИАЛЬНО-ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ СУБЪЕКТА, ПРИНЯВШЕГО РЕШЕНИЕ О МИГРАЦИИ

Ефременкова М. Н. (г. Москва, Россия)

Миграционные процессы являются закономерной частью современного глобального устройства мира. Эксперты Организации Объединенных Наций (ООН) считают, что международными мигрантами являются более 200 млн. чел. (3,4% от общей численности населения), и около 1 млрд. человек являются внутренними мигрантами. По данным Статистической службы Европейского союза, масштабы миграции за последние 50 лет возросли более чем в 2,5 раза. Возрастает количество мигрантов и усложняются структурные элементы, особенности миграционных потоков, возникают новые формы миграционной активности (образовательная, брачная, цикличная, незавершенная и др.).

Закономерным является вопрос относительно общих социально-детеминированных черт лиц, принявших решение мигрировать.

На принятие решения о миграции, направленного на реализацию жизненных целей личности, влияет целый ряд факторов:

На макроуровне: социально-экономические, климатические, политические аспекты.

На мезоуровне: семейное положение, уровень образования, знание иностранного языка, профессия и проч.

На микроуровне психологических процессов (ценностные ориентации, внутренняя картина мира, локус-контроль, акцентуация личности и т. д.).

Данные уровни связаны с жизненным циклом личности (7). Для разных этапов жизненного пути в качестве главенствующих могут считаться разные факторы.

В исследовании С.А. Кузнецовой и А.О. Ореховой обнаружено, что на формирование миграционной активности влияют микро- и макросоциальные условия личностного развития (1). Т.И. Заславская отмечает, что в идентичных внешних условиях индивиды по-разному оценивают целесообразность принятия решения о миграции (1) в зависимости от личностных особенностей, ценностных ориентаций, структуры интересов и установок, мотивационной сферы.

Субъективный образ будущего инициирует активность субъекта в настоящем, детерминируемую социально-психологическими установками. Для каждой личности существует свой пусковой механизм принятия решения о миграции – у одних миграционные намерения усиливаются от осознания правовой и социальной незащищенности, у других - от страха не реализовать свой профессиональный потенциал и т.п. Согласно теории push-pull (6), на субъектов из высшего класса в большей мере оказывают влияние силы притяжения (перспективы на новом месте), тогда как на представителей низшего класса в большей степени оказывают влияние силы выталкивания. Они склонны к переезду не в поисках лучшей жизни, а в бегстве от худшего.

Согласно проведенным исследованиям, лица, принявшие решение в пользу трудовой миграции, зачастую имеют более высокий уровень образования и профессиональных компетенций, по сравнению с теми, кто решает остаться. Для них также характерно преобладание мотивации достижения, которая проявляется в намерении работать качественно, конкурировать с другими. Они демонстрируют интернальность, более прогрессивны, стремятся избегать рутины, более активны в поиске информации (6). Именно мотивация достижения чаще всего является предиктором существующей мобильности и желания переехать из одного места в другое. Значительное влияние на уровень географической мобильности также оказывает сосредоточенность на работе, которая является основным способом удовлетворения мотивации достижения. Последним из трех основных мотиваторов географической мобильности является мотивация принадлежности, определяемая как желание создавать и поддерживать отношения с другими людьми, нежелание расставаться с друзьями и семьей, страх отвержения (3). В целом мотивация принадлежности отрицательно взаимосвязана с желанием переехать в другой регион (2). Люди склонны чувствовать себя более комфортно и безопасно в знакомой местности. Привязанность к дому зачастую основана на чувствах близости с семьей и друзьями, но также может распространяться и на эмоциональную связь с фактической физической окружающей средой.

Принятие решения о миграции связано с социально-психологическим капиталом личности (системно организованный и сбалансированный ресурс социально-психологических отношений личности к обществу в целом и к своему непосредственному окружению, основанный на доверии и способствующий повышению субъективного благополучия и адаптированности личности в обществе) (4). Чем выше уровень капитала, тем более успешна социальная жизнь личности, а при низком уровне капитала личность исключена из социума и это затрудняет удовлетворение потребностей, что может стимулировать принятие решения в пользу миграции.

Большинство мигрантов называют причины экономического характера как главный мотив принятия решения о миграции. Но и те, кто остаются тоже называют экономические причины как фактор отказа от миграции (1). То есть, на принятие решения о миграции влияет не экономическое положение субъекта как таковое, а психологическая трактовка текущего момента, субъективная оценка и экономических, и социальных, и политических аспектов жизненной ситуации.

Субъект, принимающий решение о миграции, рассматривает ряд альтернатив его осуществления. Для рационального решения необходимо оценить каждую альтернативу с точки зрения актуальности, достижимости, вероятных последствий для себя и для окружения, наличия необходимых ресурсов и т.п.

Принятие решения о миграции формируется в ходе процесса рефлексии и является его результатом. Рациональные решения, основанные на мыслительных процессах, предполагают объективный анализ ситуации, обусловленный знаниями и опытом. В ряде случаев жизненные решения осуществляются субъектом не рационально, а эмоционально, основываясь на субъективном отношении к альтернативе. Также личность может абстрагироваться от некоторых факторов, влияющих на принятие решения, делая выводы по частным случаям (например, по рассказам других мигрантов), что может приводить к ошибкам в прогнозе.

Субъективная оценка мигрантом собственной жизненной ситуации может зависеть от самооценки. Чем выше самооценка, тем большее количество подходящих альтернатив может рассматривать для себя субъект. Индивиды с низкой самооценкой склонны большее количество вариантов рассматривать как недостижимые для себя. На принятие решения о миграции оказывает влияние баланс мотиваций достижения успеха и избегания неудач. Среди факторов, влияющих на принятие решения об изменении жизненной ситуации, выступают такие личностные качества, как осмысленность жизни, высокий уровень

толерантности к неопределенности, высокий уровень жизнестойкости, удовлетворенность прожитым жизненным периодом (5).

В модель принятия решения о миграции входят одни из ключевых социально-психологических детерминант поведения – ценностные ориентации. В структуре ценностей субъектов, реализующих переезд в другой город, важное место занимают ценности открытости изменениям, менее актуализированы ценности консерватизма (5).

Ключевой блок в системе готовности к принятию решения о миграции заключается в том, как именно субъект планирует реализовать миграционный акт. Для ответа на данный вопрос рассматривают социальные нормы как модели поведения, одобряемые обществом. Кроме влияния на развитие ценностных ориентаций, они регулируют поведение людей, контролируя возникающие импульсы от столкновения потребностей с реальными условиями среды (1).

Перспективная для прогнозирования миграционного поведения Теория запланированного поведения (Theory of planned behavior) (7) выделяет три основных группы факторов, предсказывающих намерение субъекта действовать определенным образом. К ним относятся: наличие позитивной или негативной социальной установки к конкретному виду поведения, воспринимаемое социальное давление относительно реализации конкретного вида поведения («субъективная норма») и воспринимаемый поведенческий контроль данного типа поведения. Так, готовность к миграции будет более вероятна в случае, если человек относится к миграции или к возможности переезда положительно, для его социального окружения миграция является нормативным и/или одобряемым поведением и возможности осуществить переезд не препятствуют какие-либо внешние факторы, а данное действие зависит исключительно от воли самого человека. В основе каждого из данных факторов лежат соответствующие когнитивные конструкторы: убеждения о последствиях переезда, убеждения об ожиданиях социального окружения относительно данного поведения и убеждения о наличии или отсутствии

факторов, которые могут повлиять на его реализацию. Воспринимаемый контроль над ситуацией также зависит от того, как человек оценивает свои способности совершить некое действие (аналог самооффективности), и как он оценивает свою возможность самостоятельно принимать и воплощать в жизнь такие решения.

Исследования механизмов принятия решения о миграции и личностных особенностей лиц, принявших такое решение, позволят понять социальные и личностные характеристики субъекта, находящегося в статусе «потенциального мигранта» и выявить факторы становления ресурса потенциальной миграции.

Библиографический список:

1. Гудков Б., Дубин Б., Зоркая Н. Отъезд из России как социальный диагноз и жизненная перспектива: причины, намерения, действия // Вестник общественного мнения. – 2011. – № 4 (110). – С. 46–80.
2. Зотова О. Ю. Кризисам вопреки: психологическое благополучие и принцип Поллианны // Человек и мир: психология риска, инновации и конфликты: сборник научных трудов : в 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный университет. – 2016. – Т. 1. – С. 190–193.
3. Метелев И. С. Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 3 (43). – С. 110–113.
4. Моисеенко В.М., Чудиновских О.С. Теория человеческого капитала и исследования миграции в России // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 4. – С. 124–127.
5. Муртазина И.Р. Ценностно-смысловые факторы изменения жизненной ситуации // Интернет-журнал «Мир науки». – 2016. – Том 4. – № 2. – С. 59-63.
6. Arango J. Explaining migration: a critical view // International Social Science Journal. – 2000. – № 52. – P. 283–296.
7. Fishbein M., Ajzen I. Belief, Attitude, Intention and Behavior. – N.Y. : Addison Wesley, 1975. – 480 p.

8. Kley S. Explaining the Stages of Migration within a Life-course Framework // European Sociological Review. – 2011. – № 4 (27). – P. 469–486.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Жуина Д. В. (г. Саранск, Россия)

Увеличение темпа миграции населения в современном мире ориентируют органы государственной власти на создание системы социально-психологического сопровождения адаптации личности в новых условиях жизнедеятельности. Стихийный характер миграции в Российскую Федерацию за прошедшие два десятилетия детерминировал формирование многомиллионной людской массы мигрантов на территории нашей страны, которая демонстрирует психологическую неготовность адекватно решать проблемы своего обустройства на новом месте, в новых условиях жизни [1].

Как показывает практика, органами государственной власти Российской Федерации предпринимались попытки сформировать четкий механизм включения мигрантов в систему социальных связей и отношений. Однако на сегодняшний момент отсутствует целенаправленная работа миграционной службы по адаптации мигрантов, имеется небольшое количество научно-методических публикаций в данной области, что значительно затрудняет процесс интеграции иностранных граждан в российское общество [2].

Социально-психологическая адаптация и аккультурация мигрантов является одной из первостепенных задач не только современной политики Российской Федерации в социальной сфере, но и образовательных учреждений разного уровня образования (общего, среднего профессионального, высшего). Возникает практически важная и актуальная проблема поиска эффективных

технологий оптимизации адаптационных процессов к новым условиям обучения и жизнедеятельности студентов-мигрантов [4].

Указанные выше обстоятельства обосновывают актуальность специально организованной работы со студентами Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева (МГПИ) из числа мигрантов по социально-психологическому сопровождению процесса их адаптации.

Социально-психологическое сопровождение адаптации и аккультурации иностранных студентов, обучающихся на базе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, осуществляется в следующих направлениях: психологическая диагностика и консультирование, психокоррекционная работа, актуализация личностного роста и развитие креативности в рамках групповой тренинговой работы.

В рамках психологической диагностики проводится изучение уровня социальной психологической адаптации, индекса толерантности и этнической аффилиации; исследуются личностные черты и качества характера (локус контроля, интроверсия-экстраверсия, тип акцентуации, уровень притязаний, ценностно-смысловая и потребностно-мотивационная сфера), особенности когнитивных процессов. Целью диагностики является изучение внутренних показателей, обуславливающих степень успешности адаптации и создание на основе проведенного исследования стратегии индивидуального подхода к личности каждого иностранного студента в процессе его обучения в вузе. Психодиагностика проводится в форме компьютерного и бланкового тестирования и осуществляется в групповой и индивидуальной форме [3].

Консультирование иностранных студентов происходит в соответствии с результатами пройденной психодиагностики. Главным содержанием консультирования иностранных студентов выступает разрешение проблем коммуникативного взаимодействия, психологическая помощь и поддержка при ностальгических переживаниях, выработка определенных жизненных позиций, выстраивание ценностной иерархии и т.п.

Востребованным у студентов-мигрантов оказалась разработанная коллективом авторов кафедры специальной и прикладной психологии МГПИ (Жуина Д. В., Ковалева Н. А.) и апробированная с 2012 г. программа тренинга социально-психологической адаптации мигрантов [5]. Социально-психологический тренинг позволяет эффективно решать вопросы развития личности студента-мигранта, успешно формировать его коммуникативные навыки.

В качестве теоретических основ социально-психологического тренинга адаптации студентов-мигрантов к новым социокультурным условиям выступает интегративный подход к осуществлению групповой психологической коррекции и комплексное использование гуманистически ориентированных методов.

В рамках социально-психологического тренинга используются интерактивные методы социально-психологического обучения: дискуссии, мозговой штурм, анализ практических ситуаций, моделирование практических ситуаций, метод кейсов, ролевые игры [5].

Главным принципом психокоррекционной и тренинговой работы является ориентация на этапы адаптации мигрантов к новому культурному сообществу по Р. Гуллахорну, которые являются общепризнанными в социально-психологической науке. На этапе оптимистичного настроения центральное место занимает процесс актуализации познания реальных возможностей и способностей с целью избежания глубоких разочарований, в период второго этапа первичных негативных социальных столкновений работа ведется в направлении развития ассертивности (уверенности в себе), выработки индивидуального стиля реагирования на стресс, формировании коммуникативных умений и навыков, приемлемых в данной культурной среде. Третий этап представляет ситуацию так называемого культурного шока, в рамках которой основное внимание уделяется формированию стрессоустойчивого и проблемноразрешающего поведения, применяются технологии активизации позитивного мышления. На четвертом этапе

улучшения показателей социальной адаптации организуется интенсивное общение с представителями принимающего общества — совместные спортивные игры и соревнования, праздничные вечера, олимпиады, семинары и конференции; также особое внимание уделяется развитию навыков целеполагания и планирования собственных действий, которое является фактором повышения успешности учебно-профессиональной деятельности [5].

В заключении психологической работы по оптимизации процесса адаптации студентов-мигрантов проводится повторная диагностика показателей когнитивных процессов, эмоционально-волевой сферы и личностных особенностей, по результатам которой формулируется вывод о характере протекания адаптационных процессов.

Таким образом, показателями эффективно организованной работы по социально-психологическому сопровождению адаптации студентов-мигрантов к условиям их обучения в педагогическом вузе являются следующие критерии: адекватная самооценка и объективный уровень притязаний студентов-мигрантов, их толерантность, высокий уровень продуктивного взаимодействия, нормальные показатели ситуативной и личностной тревожности, адекватное самовосприятие, преобладание стратегии уверенного поведения, стрессоустойчивость.

Библиографический список:

1. Агеева, Ж. Г. Экстремальные ситуации внутренней миграции в России / Ж. Г. Агеева // Антология тяжелых переживаний : социально-психологическая помощь / под ред. О. В. Красновой. – М. : МПГУ, 2002. – 336 с.
2. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 3–18.
3. Жуина, Д. В. Особенности социально – педагогической адаптации студентов педагогических вузов / Д. В. Жуина, Е. М. Кулагина // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии [Электронный ресурс] : сборник научных трудов по материалам VI Всероссийской научно-

практической интернет-конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии» с элементами научной школы для молодых ученых, 9 ноября 2016 г., г. Саранск / под ред. М. И. Каргина, А. Н. Яшковой ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

4. Лебедева, Н. М. Социальная психология этнических миграций / Н. М. Лебедева. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. – 195 с.

5. Социально-психологическое сопровождение процесса адаптации мигрантов: программа / сост. Д. В. Жуина, Н. А. Ковалева; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2012. – 68 с.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СВОЙСТВАХ ТЕМПЕРАМЕНТА

Калугин А. Ю. (г. Пермь, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-413-590007

Биологические и социальные функции мужчин и женщин существенно различаются, эти различия имеют эволюционную природу и длительную историю становления, а значит не могли не отразиться на темпераменте, как системе врожденных адаптивных поведенческих стратегий. Рассмотрим несколько исследований, в которых изучались половые различия в выраженности свойств темперамента.

W.O. Eaton и L.R. Enns на основе метаанализа 127 исследований обнаружили, что уровень активности значимо выше у мужчин, нежели у женщин. Ученые указывают, что раннее появление в онтогенезе половых различий говорит в пользу гипотезы о том, что социальные влияния усиливают существующие различия, а не создают их (Eaton, 1986, p. 25).

По результатам метаанализа N.M. Else-Quest с коллегами было выявлено, что произвольный контроль (effortful control) у девочек выше, чем у мальчиков,

т.е. девочки лучше регулируют свое внимание и побуждения. «Активность» (activity) и «удовольствие высокой интенсивности» (high-intensity pleasure) выше у мальчиков. «Негативная аффективность» (negative affectivity) продемонстрировала незначительные различия по полу (Else-Quest, 2006).

Метаанализ, проведенный на основе 32 исследований, в которых использовалась методика измерения темперамента и характера C.R. Cloninger'a (Temperament and Character Inventory, TCI), показал, что «предотвращение вреда» (harm avoidance, HA) и «зависимость от вознаграждения» (reward dependence, RD) значимо выше у женщин, чем у мужчин (Miettunen, 2007).

В.М. Русалов указывает на значимые различия в свойствах темперамента по шкалам методики «Опросник структуры темперамента» (ОСТ): мужчинам в большей степени свойственна «эргичность», «пластичность» и «темп»; у женщин превалируют «социальная пластичность», «эмоциональность» и «социальная эмоциональность» (Русалов, 2012). В.М. Русалов дает следующую психологическую характеристику обнаруженным различиям: у мужчин «чаще проявляется жажда деятельности, наблюдаются избыток сил, высокая работоспособность, гиперактивность, более выражено стремление к напряженному умственному и физическому труду. Для мужчин также более характерна гибкость мышления, легкость переключения с одного вида деятельности на другой, стремление к разнообразию форм деятельности. У них несколько чаще наблюдается высокий темп поведения, более высокая психомоторная скорость выполнения операций при осуществлении предметной деятельности. Для женщин более характерна легкость вступления в новые социальные контакты, шире набор коммуникативных программ, более выражена коммуникативная импульсивность, легкость в переключении в процессе общения. Для них характерна также повышенная чувствительность к неудачам как на работе, так и в общении, у них чаще наблюдается беспокойство, неуверенность, тревога по поводу работы и в ситуации взаимодействия с другими людьми» (Там же, с. 297).

Однако в исследовании А.Ф. Иорданова не обнаружались значимые половые различия в выраженности свойств темперамента по методике ОСТ В.М. Русалова и методике ЕРІ Г. Айзенка, но были выявлены значимые различия по методике «Опросник структуры психодинамического уровня интегральной индивидуальности» (ОС ПДУ ИИ) А.И. Щебетенко: «эмоциональная возбудимость», «активность» и «психодинамическая общительность» были выше у девушек (Иорданов, 2006).

Темперамент считается наследственным и достаточно стабильным образованием в индивидуальности. Он меняется в онтогенезе, но эти изменения обычно незначительны и связаны с кризисными жизненными ситуациями, которые переживает человек. В этой связи особый интерес представляют половые различия в выраженности свойств темперамента. Пол также как и темперамент во многом имеет биологическую детерминацию, также как и темперамент вносит специфику в поведенческие паттерны человека. Однако такая регуляция поведения ограничена, прежде всего, половым поведением, связанным со стратегиями размножения. Так как регуляция поведения осуществляется как со стороны темперамента, так и со стороны пола, то можно ожидать взаимодействие этих факторов. И, согласно многочисленным свидетельствам (ряд из них приведен выше), такое взаимодействие, действительно, присутствует. Однако в описаниях результатов исследований имеются расхождения, как в случае с данными В.М. Русалова (2012) и А.Ф. Иорданова (2006). Вероятно, если взять широкий спектр методик, изучающих темперамент, и подобрать репрезентативную выборку, то можно получить достоверные результаты половых различий в свойствах темперамента. Все это позволит углубить наше понимание регуляции поведения человека со стороны темперамента и пола.

Участники

В выборку исследования вошли старшеклассники, студенты средних и высших учебных заведений, курсанты. После удаления экстремальных

значений и недостоверных данных объем выборки составил 463 человека, из них 219 девушек, 244 юношей, в возрасте от 15 до 24 лет ($M = 18.9$; $SD = 2.0$).

Методики

Изучение свойств темперамента осуществлялось с использованием следующих методик: «Опросника формально-динамических свойств индивидуальности» (ОФДСИ) В.М. Русалова (2012), Eysenck Personality Inventory (EPI) Г. Айзенка (Основы психологии..., 2002, с. 176-180), The Formal Characteristics of Behaviour – Temperament Inventory (FCB-TI) Я. Стреляу (2009), опросник Грея-Уилсона (ЛОГУК) в адаптации Г.Г. Князева с соавторами (2004).

Методы анализа данных

Предварительно все переменные, отражающие свойства темперамента, были стандартизированы, приведены к Т-баллам ($M = 50$; $SD = 10$). Нормальность распределения проверялась с помощью критерия Шапиро-Уилка. Проверка однородности дисперсий осуществлялась с помощью критерия Ливиня, который менее чувствителен к предположению о нормальности распределения. Сравнение групп производилось с помощью t-критерия Стьюдента, который, хотя и является параметрическим критерием, достаточно устойчив к нарушению предположения о нормальности (Корнеев, 2011).

Результаты. Перед проведением t-критерия Стьюдента следовало проверить допущения к его использованию. Для подавляющего большинства переменных тест Шапиро-Уилка указал на ненормальное распределение (табл. 1). Хотя сам t-критерий достаточно устойчив к предположению о нормальности (Корнеев, 2016), некоторые критерии проверки однородности дисперсий могут привести к ошибкам в случае несоблюдения этого допущения (например, критерий Бартлетта). Поэтому для проверки гомогенности дисперсий использовался тест Ливиня, результаты приведены в табл. 1. Дисперсии переменных в группах по полу преимущественно однородны. Т-критерий выявил многочисленные различия свойств темперамента по полу (табл. 1). По

методике ОФДСИ обнаружены следующие различия: «эргичность моторная», «пластичность интеллектуальная», «скорость моторная», «скорость интеллектуальная» – выше у юношей; «эмоциональность моторная», «эмоциональность интеллектуальная», «эмоциональность коммуникативная» – выше у девушек. Общие индексы: «активность моторная», «активность интеллектуальная», «общая активность», «общая адаптивность» – выше у юношей, «общая эмоциональность» – выше у девушек. По методике ЕРІ Г. Айзенка «экстраверсия» выше у юношей, «нейротизм» больше присущ девушкам. Согласно опроснику Грея-Уилсона «система торможения поведения» больше выражена у девушек.

Свойства темперамента «динамичность», «выносливость» и «активность» (опросник FCB-TI Я. Стреляу) – выше у юношей; «настойчивость», «сенсорная чувствительность» и «эмоциональная реактивность» – у девушек.

Обсуждение. Согласно методике ОФДСИ у юношей более выражены свойства темперамента, связанные с активностью, а у девушек – с эмоциональностью. Это хорошо согласуется с эволюционным подходом, согласно которому мужчины (самцы животных) должны проявлять большую активность и больше вкладывать в отношения, т.к. женщины (самки животных) берут на себя основное бремя по вынашиванию плода и заботе о потомстве. В животных сообществах, где основной вклад в заботу о потомстве вносят самцы, большую активность проявляют самки (Палмер, 2007). Эмоциональность, согласно концепции В.М. Русалова, относится к блоку «сличение результатов реального действия с акцептором результата действия» функциональной системы (Русалов, 2012, с. 26). Иными словами, эмоции сигнализируют о степени соответствия ожидаемого и реального, если реальное меньше ожидаемого рождаются отрицательные эмоции, если реальное больше ожидаемого – положительные. Эмоциональность в этом случае характеризует чувствительность к этим оценкам. С эволюционных позиций женщинам (самкам животных) важно быть чувствительнее к оценкам соответствия

реальности ожиданиям, т.к. они несут ответственность не только за собственное выживание, но и выживание потомства.

Данные предположения находят подтверждение и в других методиках темперамента: экстраверсия и нейротизм по Г. Айзенку содержательно близки активности и эмоциональности по В.М. Русалову и обычно образуют два самостоятельных фактора (фактор 1 включает экстраверсию и активность, фактор 2 – эмоциональность и нейротизм). «Система торможения поведения» (СТП) по Дж. Грея отражает такое свойство темперамента, как «тревожность», которая высокозначимо положительно коррелирует с нейротизмом, поэтому неудивительно, что СТП более выражена у девушек. В случае с опросником Я. Стреляу мы видим схожую картину: эмоциональная реактивность и чувствительность характеризуют женскую выборку, а активность и выносливость – мужскую.

Анализ литературы также говорит в пользу нашего предположения: «активность» выше у мужчин (Eaton, 1986; Else-Quest, 2006; Русалов, 2012), «эмоциональность», «предотвращение вреда» и «зависимость от вознаграждения» - у женщин (Русалов, 2012; Miettunen, 2007).

Таким образом, вероятно, половая регуляция поведения важнее для человечества (можно предположить, что и для животных тоже), т.к. позволяет распространять свой геном и сохранять его в поколениях, поэтому свойства темперамента включаются в систему половой регуляции поведения, а не наоборот. Это предположение находит некоторые эмпирические подтверждения, но требует дополнительных исследований.

Библиографический список:

1. Иорданов, А.Ф. Полодиморфические особенности в структурах нервной системы и темперамента / А.Ф. Иорданов // Известия ТРТУ. – 2006. – № 14(69). – С. 196-202.
2. Князев, Г.Г. Краткая форма личностного опросника Грея-Уильсона / Г.Г. Князев, Е.Р. Слободская, М.В. Сафронова // Вопросы психологии. – 2004. – № 4. – С. 113-122.

3. Корнеев, А.А. Условия применимости критериев Стьюдента и Манна-Уитни / А.А. Корнеев, А.Н. Кричевец // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 1. – С. 97-110.
4. Основы психологии: Практикум. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 704 с.
5. Палмер, Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens / Дж. Палмер, Л. Палмер. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 384 с.
6. Русалов, В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования / В.М. Русалов. – М.: ИП РАН, 2012. – 528 с.
7. Стреляу, Я. Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения) / Я. Стреляу, О. Митина, Б. Завадский, Ю. Бабаева, Т. Менчук. – М.: Смысл, 2009. – 104 с.
8. Eaton, W.O. Sex differences in human motor activity level / W.O. Eaton, L.R. Enns // Psychological Bulletin. – 1986. – Vol. 100(1). – P. 19-28. DOI: 10.1037/0033-2909.100.1.19
9. Else-Quest, N.M. Gender differences in temperament: A meta-analysis / N.M. Else-Quest, J.S. Hyde, H.H. Goldsmith, C.A. Van Hulle // Psychological Bulletin. – 2006. – Vol. 132(1). – P. 33-72. DOI: 10.1037/0033-2909.132.1.33
10. Miettunen, J. Sex differences in Cloninger's temperament dimensions – a meta-analysis / J. Miettunen, J. Veijola, E. Lauronen, L. Kantojärvi, M. Joukamaa // Comprehensive Psychiatry. – 2007. – Vol. 48(2). – P. 161–169. DOI: 10.1016/j.comppsy.2006.10.007

Таблица 1

	Результаты сравнения свойств температурного режима по t-критерию Стьюдента, результаты проверки однородности дисперсий и нормальности распределения ($\alpha_{\text{норм}} = 0,05$, $\alpha_{\text{норм}} = 0,001$)	Сравнение по полу				Проверка однородности дисперсий		Проверка нормальности распределения	
		Среднее девушки	Среднее юноши	Запаривание t-критерий	t-критерий значения для t-критерий	F-критерий значения для F-критерий	F-критерий значения для F-критерий	Критерий Шapiro-Уилка	F-критерий значения для Шapiro-Уилка
Организм, функционально-анатомическая система индивида (ОФСИ)	Эргичность моторная	47,1	52,3	-5,72	< 0,001	1,97	0,161	0,96	< 0,001
	Эргичность интеллектуальная	50	50,1	-0,09	0,928	0,23	0,632	0,96	< 0,001
	Эргичность коммуникативная	49,5	50,6	-1,13	0,257	0,11	0,738	0,96	< 0,001
	Пластичность моторная	49,8	50,3	-0,48	0,63	0,56	0,456	0,99	0,01
	Пластичность интеллектуальная	48,6	51,3	-3,04	0,003	0,06	0,801	0,99	0,001
	Пластичность коммуникативная	49,7	50,4	-0,83	0,407	0,07	0,044	0,99	0,006
	Скорость моторная	47,1	52,5	-5,98	< 0,001	3,13	0,077	0,99	0,001
	Скорость интеллектуальная	47,3	52,1	-5,3	< 0,001	0,78	0,378	0,99	0,006
	Скорость коммуникативная	50,7	49,3	1,44	0,152	1,49	0,223	0,99	0,001
	Эмоциональность моторная	52,7	47,9	5,27	< 0,001	0,81	0,369	0,99	0,009
	Эмоциональность интеллектуальная	54,1	46,4	9,07	< 0,001	1,38	0,242	0,99	0,024
	Эмоциональность коммуникативная	54,5	46,4	9,54	< 0,001	0,77	0,382	0,99	0,015
ЭИ	Активность моторная	47,4	52,2	-5,31	< 0,001	0,43	0,514	0,99	0,001
	Активность интеллектуальная	48,2	51,4	-3,44	0,001	0,01	0,922	0,99	0,001
	Активность коммуникативная	49,9	50,2	-0,28	0,777	0,56	0,454	0,99	0,122
	Общая активность	48,1	51,6	-3,81	< 0,001	0,34	0,561	0,99	0,124
	Общая эмоциональность	54,2	46,5	9,09	< 0,001	0,68	0,41	1	0,219
	Общая адаптивность	46,8	52,6	-6,51	< 0,001	0,16	0,691	0,99	0,011
	Экстраверсия-интроверсия	48,9	51	-2,22	0,027	3,08	0,08	0,99	0,008
	Неврозизм	54,2	46,6	8,64	< 0,001	0,05	0,821	0,98	< 0,001
	Система торможения поведения	52	48,5	3,87	< 0,001	1,29	0,257	0,96	< 0,001
	Система активации поведения	49,1	50,6	-1,59	0,113	0,31	0,576	0,97	< 0,001
	Дримачность	47,5	51,9	-4,84	< 0,001	1,38	0,24	0,96	< 0,001
	Настойчивость	53,8	46,7	8,23	< 0,001	0	0,967	0,98	< 0,001
Организм, КСВ-II	Сенсорная чувствительность	51,9	48,3	3,89	< 0,001	3,76	0,053	0,94	< 0,001
	Эмоциональная реактивность	54,9	46	10,66	< 0,001	1,29	0,258	0,98	< 0,001
	Выносливость	46,4	53,1	-7,75	< 0,001	1,47	0,225	0,97	< 0,001
	Активность	48,7	51,1	-2,61	0,009	1,8	0,18	0,96	< 0,001

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ- МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ ШКОЛ

Кокина П. О. (г. Москва, Россия)

В современном мире миграция становится одной из главных социальных проблем. Она охватила всё жизненное пространство общества, все континенты, социальные слои и группы, а также различные сферы общественной жизнедеятельности. Данный процесс оказывает непосредственное влияние, как на общество принимающей стороны, так и на то общество, к которому мигрант принадлежал ранее. Под влиянием миграции также находятся социальные отношения, культура, международная и социальная политика государства. Каждый день из средств массовой информации мы можем узнать о переселении народов Ближнего Востока, Средней Азии в Европу, смене их места жительства, а также о конфликтах мигрантов с местными жителями.

Неизбежно, что вместе с мигрирующими родителями приезжают и дети, которые вынуждены идти в российские школы и адаптироваться к новым условиям проживания.

Как правило, многие школы, особенно которые имеют хорошую репутацию, просто отказывают в приеме детей мигрантов, не имея желания воспитывать такой сложный контингент, поэтому они идут в итак уже проблемные школы, в те, которые могут иметь проблемы с финансированием, проблемы с качеством образования, кадровые проблемы и так далее.

В рамках исследования среди школ Москвы и Подмосковья, а также Костромы и Костромской области по уровню адаптации детей мигрантов в российских школах был сделан вывод о том, что у слабых школ есть свой плюс, они помогают детям лучше внедриться и интегрироваться, а также снимают межэтнические противоречия. Интервью и фокус-группы, которые были проведены в рамках этого исследования с детьми мигрантами, учениками 9-11

классов, учителями и директорами не выявили неразрешимых проблем в адаптации.

Если говорить о национальной структуре сообщества детей мигрантов, то на первом месте выходцы из Азербайджана, Армении, Грузии – 22,6%, на втором – дети внутренних мигрантов и северокавказских республик РФ – Чечни, Дагестана -11%, 3 место – уроженцы Таджикистана, Узбекистана, Киргизии – 8, 5%.

Адаптация детей мигрантов -это очень сложная, многогранная проблема, которой стоит заниматься прежде всего для того, чтобы иметь стабильное общество, чтобы не раздувать национальные конфликты, чем раньше мигранты начнут правильно вливаться в принимающее сообщество, тем меньше проблем будет в будущем у государства с проведением социальной политики относительно этой группы населения.

Также важно понимать именно необходимость рассмотрения социально-педагогического аспекта в данной работе, так как именно путем воплощения различных педагогических методик и методов социальной адаптации возможно улучшить и усовершенствовать процесс адаптации ребенка к новым условиям.

На основе проведенного исследования нами были выработаны общие рекомендации для совершенствования процесса адаптации.

Рекомендации, которые можно предложить на основе полученного анализа вторичных данных, а также проведенных интервью:

1. Появление в школе элективных курсов для дополнительного изучения русского языка, как иностранного
2. Партнерство с социально-психологическими центрами, помощь детям со стороны психологов и логопедов
3. Обучение учителей методикам разрешения конфликтов. Возможность пройти специальные тренинги, обучение методикам, которые позволят правильно решить конфликтную ситуацию между представителями разных народов.

4. Отдельное поощрение в качестве надбавки к зарплате стало бы хорошим стимулом для учителей вести более сложные классы и мотивировать учеников на достижение успехов.

Для адаптации детей-мигрантов в условиях российских школ мы можем перенять Финский опыт [24]: К каждому ученику индивидуальный подход; на одном занятии ученики могут выполнять разные по сложности задания, в зависимости от того, что им по силам; Но при этом нет разделения по физическим и умственным способностям. Если ребёнок не справляется, то для него организуют дополнительные занятия; Дополнительно преподаются и другие предметы, например родные языки для детей иммигрантов.

Для изменения и улучшения адаптации детей нами был разработан проект, который можно внедрять в различные школы для того, чтобы добиться более эффективного воспитания и обучения детей мигрантов в рамках российских школ. Пилотное название у данного проекта следующее: «Школа межкультурной коммуникации».

Цель программы: создание условий для развития межкультурной коммуникации и социальных компетентностей учащихся.

Задачи:

1. Развивать поликультурное пространство в рамках «Школы межкультурной коммуникации»
2. Организовать деятельность участников образовательного процесса в поликультурном пространстве.
3. Применять проектную деятельность как основную форму работы.
4. Развивать творческие способности учащихся.
5. Способствовать процессу социализации учащихся.

Ожидаемые результаты по реализации программы:

1. Создано поликультурное пространство.
2. Тенденции к росту сформированности межкультурной компетенции:

- рост социальных знаний о социальной реальности и повседневной жизни;
- рост позитивного отношения к базовым ценностям и ценностного отношения к социальной реальности в целом;
- рост активности и продуктивности участников образовательного процесса в открытой общественной среде.

3. Сформированная и действующая сеть социальных партнеров.

4. Единое современное информационное пространство с четко отлаженным механизмом обратной связи участников образовательного процесса.

5. Рост коммуникативной компетентности педагогов и социальной компетентности учащихся

Процессы, которые наполняют социально-педагогическую и психологическую адаптацию детей к школьным условиям: самореализация индивида, усвоение ценностей и норм коллектива или класса, формирование позитивного отношения к социальным нормам в том или ином месте, взаимодействие индивида с внешней средой.

Школа, как механизм адаптации влияет не только на детей-мигрантов, но и на родителей, которые часто взаимодействуют с социальными нормами принимающего общества только через детей и их социальные контакты. Беседуя с родителями о воспитании детей, о социальных нормах в принимающем обществе учителя транслируют общую информацию, и объясняют новые нормы поведения.

Основной проблемой, как мы выяснили в адаптации детей, является плохое знание русского языка. Также необходимо помнить, что стратегии адаптации неразрывно связаны с возрастом ребенка на момент его переезда, плюс степени интегрированности в российскую социальную среду ранее и сейчас. У современных российских школ достаточно небольшой запас ресурсов для самостоятельного решения проблем среди учеников, связанных с незнанием русского языка. Но школы, которые достаточно давно работают с

такими детьми, имеют стратегии языковой адаптации, например, такие как репетиторство, помощь на продленке, проведение межнациональных фестивалей и праздников.

Проведенное нами исследование показало, что учителя в школах, где присутствуют дети мигранты обладают знаниями и методиками к адаптации таких детей, в школах, где по каким-то причинам мигрантов нет учителя обладают лишь теоретическими знаниями или примерно думают, что понимают степень проблемы, что говорит о том, что если ребенок попадает в адаптированную школу, то период его адаптации сократится вдвое, а если не в адаптированную, то будут значительные проблемы к самоопределению у ребенка.

Проблема адаптации детей-мигрантов в российской среде еще мало изучена. Часто отсутствуют даже данные количества детей мигрантов в школах, а также запрос их профессиональных и образовательных притязаний.

Библиографический список:

1. Аверьянов А.Н. Категория «система» в диалектическом материализме. М., 1974.
2. Бассин Ф.В. О силе «Я» и «психологической защите» // Вопросы философии. – 1969. – No 2.
2. Бурковская Т. В. Социокультурная адаптация подростков из семей мигрантов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Брянск, 2003. – 27 с.
3. Годник С.М. Процесс преемственности высшей и средней школы. Воронеж, 1981.
4. Дендебер И.А. Проблемы адаптации к развивающей образовательной среде школы. Методы решения // Школа управления образовательным учреждением. 2012. No 6.
5. Дендебер И.А. Проблемы адаптации к развивающей образовательной среде школы. Методы решения // Школа управления образовательным учреждением. 2012. No 6.

6. Дюжакова М.В., Мязина О.Ю. Некоторые социально-педагогические аспекты работы с детьми-мигрантами // Известия Воронежского госпедуниверситета. Психология и педагогика: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.В. Юров. Воронеж, 2012. Т. 258.
7. Дюжакова М.В., Мязина О.Ю. Некоторые социально-педагогические аспекты работы с детьми-мигрантами // Известия Воронежского госпедуниверситета. Психология и педагогика: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.В. Юров. Воронеж, 2012. Т. 258.
8. Евтух В. Б. Иммигранты в инонациональной среде: проблемы адаптации // Миграция и мигранты в мире капитала. – Киев, 1990. – С. 170–
9. Захарченко Е. Ю. Дети-мигранты в атмосфере современной российской школы // Педагогика. – 2002. – No 9. – С. 47–53.
10. Крысько В.Г. Социальная психология: курс лекций / В.Г. Крысько. – 3-е изд. – М.: Омега-Л, 2006. – 352 с.
11. Кряжева И.К. Социально-психологические факторы адаптированности: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1980. – 200 с.
12. Меерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика / Ф.З. Меерсон. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
13. Менская Т. Б. Поликультурное образование: Программы и методы // Общество и образование в современном мире. – Вып. 2. – М., 1993. – С. 35–41.
14. Налчаджан А.А. Социально-психологическая адаптация личности (формы и стратегии) / А.А. Налчаджан. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988 – 198 с.
15. Ошукова Н.А. Динамика социально-психологической адаптации личности: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1995. – 197 с.
16. Свиридов Н.А. Социальная адаптация личности в трудовом коллективе: дис. ... канд. психол. наук. – Л., 1974. – С. 68.
17. Леденева Л.И. Международная учебная миграция россиян: необходимость специальных программ возвращения. // Демографическое развитие и его социально-экономические последствия: материалы науч. конф. М.: ГУ ИМЭИ, 2002.

18. Лейшкалне Г.К. Русскоязычное население Латвии: проблемы интеграции в общество // Социологические исследования. — 2005. № 9.
19. Леонова А.С. Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994-2003 гг. // Вестник общественного мнения. 2004. - № 4(72).
20. Макаев В.В., Малькова З.А., Супрунова Л.Л. Поликультурное образование актуальная проблема современной школы. - М.: Рос.акад. образования. 1999.
21. Макарова Н.И., Наливайко Н.В. Насилие-ненасилие в современном образовании или педагогика ненасилия как философская проблема. М., 2004.
22. О.Малахов В.С. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002.
23. Ш.Малахов В.С. Расизм и мигранты // Неприкосновенный запас. 2002. - №2. .
24. Кнутом или пряником. Чему может научить финская школа – самая либеральная в мире/ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2017/07/14/good_finn_school/ дата обращения: 14. 03. 2019

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ, В УСЛОВИЯХ ПРЕКАРИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Карина О. В. (г. Балашов, Россия)

В связи с усиливающейся тенденцией прекаризации рынка труда в современном обществе актуализируется социально-психолого-педагогическая проблема искажения профессиональных ориентаций молодежи.

С каждым годом в современном обществе возрастает потребность в развитии личностного потенциала молодых людей, как наиболее активной социальной группы, нацеленной на обретение самоэффективности, социальной полезности и успешности во всех сферах жизнедеятельности. Наиболее

эффективной сферой для реализации индивидуального потенциала молодежи выступает профессиональная деятельность. Именно профессиональный потенциал молодежи является на данный момент существенным звеном процесса эффективизации экономических отношений, повышения качества жизни и укрепления национального престижа страны.

Данная проблема является актуальной, так как связано с социальной реальностью, позволяющей изучать средовые детерминанты жизненного выбора личности. Эта диалектика выбора, в данном случае будущей профессии, находит отражение в трудах педагогов, психологов, социологов: А.В. Брушлинский («Проблемы психологии субъекта») - роль самодетерминации, внутренних условий, собственной активности личности; Л.С. Выготский («Собрание сочинений. Т.3. Проблема развития психики») - овладение собственным поведением через его опосредование; Э.Ф. Зеер (Основы профориентологии) – профессиональное самоопределение; А.Н. Леонтьев («Личностная зрелость как опосредствование личностного роста») – ресурсы саморазвития; Б.Ф. Ломов («Методологические и теоретические проблемы психологии») - самодетерминация как собственная активность личности; М.К. Мамардашвили («Психологическая топология пути») - самодетерминация как трансцендентное отношение личности к жизненному пути; Н.С. Пряжников («Мотивация трудовой деятельности») – профессиональное и личностное самоопределение человека; Э.Р. Саруханов, С.И. Сотникова («Маркетинг рабочей силы:– социально-экономический анализ») - социально-экономические отношения между обществом и его членами по вопросу формирования специализированной рабочей силы с учетом общественных потребности в ней; Е.А. Сергиенко («Контроль поведения как субъектная регуляция») - контроль поведения как психологический ресурс антиципационной состоятельности; Д.Б. Эльконин («Введение в психологию развития») – феномен опосредования при построении действий и др.

Зарубежные исследования в области профессиональной ориентации и процесса формирования смысложизненных ориентаций связаны с именами: Э.

Гинзберг (E. Ginzberg «Human resources: the country's wealth») – теория компромисса с реальностью; Э. Деси, Р. Райан (E.L. Deci, R.M. Ryan «A motivational approach to self: integration in personality») – мотивационные подсистемы; К. Левин (K. Lewin «Resolving social conflicts») – проблемы временной перспективы личности; А. Маслоу (A. Maslow «New frontiers of human nature») – самоактуализация, как стремление человека самосовершенствоваться, проявлять себя в значимом для него деле; Ф. Парсонс (F.Parsons «On the structure of social action») – трехфакторная модель профориентации; Д. Сьюпер (D.E. Super «Appraising vocational fitness by means of psychological tests») - индивидуальные профессиональные предпочтения и типы карьер; Ф. Теорье (F. Nuttin «Theorie de la motivation humaine») – мотивационная направленность личности; Дж. Холланд (J.L. Holland «Making vocational choices: A theory of vocation personalities and work environments») – профессиональные типы личности и др. Зарубежные исследования были направлены на мотивационную составляющую профессионального самоопределения, на самосовершенствование личности в профессиональной направленности.

Современное изучение исследуемой проблемы представлено в трудах И.С. Арон [1], Е.Ю. Коржовой [2], В.С. Собкина, О.В. Ткаченко [3]. В данных исследованиях рассматривается специфика детского труда, трудового воспитания, смысложизненные ориентации, профессиональные перспективы личности.

В зарубежных педагогических исследованиях А. Boersma, G. Dam, M. Volman, W. Wardekker (2010) [4], М. Hirvonen (2011) [5] представлен опыт создания сообщества по профессиональной ориентации для учащихся, в том числе с особыми потребностями.

Таким образом, большинство исследований направлено на изучение специфики профессионального самоопределения молодых людей, зависящей от внутренней картины мира, смысложизненных ориентаций, мотивационной направленности, социального статуса личности и той среды, в которой

пребывает взрослеющая личность. Такое многообразие факторов внутреннего и внешнего мира отражается на формировании самодетерминации как показателя осознанной профессиональной ориентации молодых людей в условиях прекаризации рынка труда.

С помощью эмпирического исследования был проведен констатирующий эксперимент с молодыми людьми, обучающимися в различных Вузах г. Саратова, г. Балашова Саратовской области, в количестве 100 человек.

В своем исследовании, мы проанализировали специфику личностных экспектаций, особенности жизнестойкости. Диагностический аппарат исследования включал следующие методики: методика жизнестойкости (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова), авторский опросник «ЛиЭкс» (личностные экспектации) (О.В. Карина, М.А. Лученкова, Н.Е. Шустова).

Полученные данные были обработаны компьютерной программой SPSS 13,0, с использованием метода математической статистики - корреляционного анализа Пирсона.

По отношению к временной перспективе, у молодых людей преобладают позитивные и гибкие ожидания к своему будущему, которые взаимосвязаны с высоким уровнем компонентов жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска ($r_s = 0,386$, при $p \leq 0,01$; $r_s = 0,338$, при $p \leq 0,01$; $r_s = 0,281$, при $p \leq 0,01$)), с позитивным отношением к своим возможностям ($r_s = 0,538$, при $p \leq 0,01$), и с контролируемостью жизнедеятельности ($r_s = 0,460$, при $p \leq 0,01$; $r_s = 0,416$, при $p \leq 0,01$; $r_s = 0,357$, при $p \leq 0,01$). Осознание различных событий в будущем повышает уровень контроля своих и чужих действий, и развивает способность у молодых людей увлеченно выполнять какую-либо деятельность, противостоять различным трудностям и планировать свой будущий профессиональный путь. Специфика ожиданий молодых людей к временной перспективе, проявляется в том, что у молодых людей, которые реалистично и позитивно смотрят на свое будущее, хорошо развита жизнестойкость. Они легко заинтересовываются новой информацией, вовлекаются в ее познание, и

при этом стараются контролировать свою жизнедеятельность, т.е. стараются рационально использовать свое время и свои возможности.

По отношению своего личностного самоопределения, которое отражает смысложизненные ориентации, молодые люди нереалистично относятся к своим возможностям ($r_s = -0,304$, при $p \leq 0,01$), но имеют высокий уровень жизнестойкости ($r_s = 0,481$, при $p \leq 0,01$). Т.е. завышая свои возможности, они стараются контролировать свою жизнедеятельность и рисковать. Соответственно такое поведение не отражает определенные смысложизненные ориентации. Молодые люди находятся в поиске, поэтому они не могут стабильно относиться к выбранной профессии и планировать долгосрочные перспективы своей трудовой деятельности.

При преобладании гибких ожиданий по отношению своих ресурсов, молодые люди транслируют высокую готовность к риску, к приобретению нового опыта ($r_s = 0,253$, при $p \leq 0,01$). Поэтому частая смена работы может выступать нормой, которая гарантирует им опыт, открытие новых возможностей.

При реалистичных ожиданиях к своему личностному потенциалу, проявляется взаимосвязь с диффузными ожиданиями к своим возможностям ($r_s = -0,214$, при $p \leq 0,01$), с вовлеченностью в различные сферы жизнедеятельности и контролем происходящих событий ($r_s = 0,200$, при $p \leq 0,05$; $r_s = -0,219$, при $p \leq 0,05$). Т.е. адекватное отношение к себе не дает возможности конкретизировать свои планы по вопросу самоопределения, им тяжело представить, где они могут проявить себя в трудовой деятельности, как смогут раскрыть свой потенциал, но при этом вовлекаются в выполняемую ими деятельность.

Таким образом, обобщая данные о представлениях временной перспективы по отношению к своему профессиональному самоопределению, смысложизненных ориентациях, необходимо отметить, что молодые люди стремятся активно вовлекаться в различные сферы жизнедеятельности, но страх перед своим будущим, не устроенности на рынке труда, приводит к тому, что

формируются нереалистичные представления о своих возможностях, преобладает несформированность смысложизненных ориентаций.

В связи с этим необходимо в образовательном процессе Вуза проводить воспитательные мероприятия, направленные на формирование смысложизненных ориентаций молодых людей. В рамках спецкурсов, с помощью тренинговых технологий, нужно моделировать представления о профессиональной самореализации несмотря на прекаризацию рынка труда. Проводимая психолого-педагогическая работа с молодежью должна способствовать развитию успешной модели профессионального выбора и построению эффективных профессиональных перспектив в контексте жизненного маршрута личности.

Библиографический список:

1. Арон И.С. Психологическая готовность к профессиональному самоопределению как основа субъектности профессионального выбора /European social science journal, 2015. № 7. С. 282-289.
2. Кораблина Е.П. Формирование психологической готовности студентов к выполнению профессиональной роли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 148. С. 13-23.
3. Собкин В.С., Ткаченко О.В. Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы. Труды по социологии образования. Т. XI-XII. Вып. XXI. - М.: Центр социологии образования РАО, 2007. - 200 с.
4. Boersma A., Dam G., Volman M. and Wardekker W. (2010), 'This babyit isn't alive.' Towards a community of learners for vocational orientation. British Educational Research Journal, 36: 3-25. doi:10.1080/01411920802642355
5. Hirvonen M. From vocational training to open learning environments: vocational special needs education during change. Journal of Research in Special Educational Needs, 11: 141-148. doi:10.1111/j.1471-3802.2010.01159.x

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА Я ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

Климова Е. А., Константинов В. В. (г. Пенза, Россия)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00445 «Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: условия, факторы и механизмы»

Различные экономические, политические процессы в мире приводят к тому, что с каждым годом увеличивается миграционный поток в различных странах. Российская Федерация является одной из страной, где прослеживается большой миграционный процесс. Проблемой социально-психологической адаптацией мигрантов занимаются многие ученые (В.В. Константинов, Н.М. Лебедева, Л.Г. Почебут, А.А. Реан, J.W. Berry, A. Ahsan Ullah, S.M. Breugelmans и др.). Они рассматривают процесс активного приспособления личности к новым социальным условиям в обществе и результат этого социального процесса. Тем не менее, на сегодняшний день, присутствует дефицит исследований, касающихся проблемы социально-психологической адаптации детей-мигрантов дошкольного возраста.

Данная категория детей, согласно закономерностям возрастного развития, проходит период социализации, помимо этого, на детей накладывается еще одна проблема – проблема социализации в новом культурном пространстве. Ребенку приходится в двойне переживать проблему социализации, и от того, как он пройдет этот этап будет в дальнейшем зависеть его успешность социально-психологической адаптации в социуме.

К. Роджерс отмечал, что ориентированность личности на значимого Другого, позволяет не только успешно гармонизировать взаимоотношения, но глубже понять индивидуальные устремления и экспектации окружающих людей [4]. Для ребенка дошкольного возраста значимыми людьми выступают родители, которые в процессе детско-родительского взаимодействия

транслируют успешную/неуспешную социально-психологическую адаптацию в поликультурной среде.

В. В. Константинов рассматривал проблемы интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Он рассматривал восприятие условий социально-психологического взаимодействия, охарактеризовал положительные и негативные моменты интеграционного процесса [1].

В исследованиях Т.Н. Юдиной рассматривается необходимость углубленного изучения социального статуса и личностного потенциала мигрантов и их семей [3]. В исследованиях А.В. Сухарева, И.Л. Степановой, А.Н. Струковой, С.С. Луговского, Н.И. Халдеевой отмечается, что использование этнофункционального подхода к изучению проблемы мигрантов и их семей существенно позитивизирует показатели социальной адаптации мигрантов и членов их семей [2].

Следует отметить, что процесс адаптации к новым условиям затрагивает равноценно как взрослых, так и детей. Причем, дети, проживающие в семьях мигрантов, имеют малый личностный опыт социально-психологических взаимодействий, в связи, с возрастными особенностями и, поэтому они более уязвимы в социальном плане ко всем деструктивным проявлениям дезадаптационного процесса.

Процентное соотношение Образов Я детей старшего дошкольного возраста

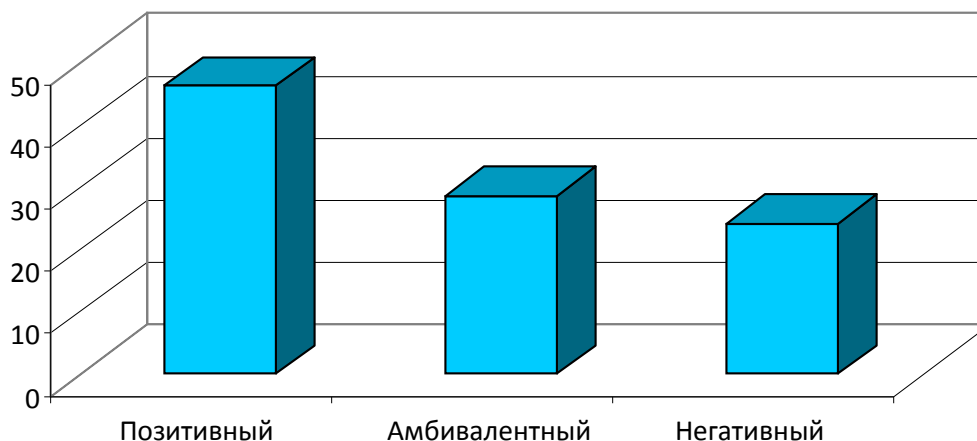

Рисунок 1. Образ Я детей старшего дошкольного возраста на основе методики «Автопортрет».

С помощью методики «Автопортрет» мы продиагностировали Образ Я детей дошкольного возраста из семей мигрантов. В исследовании приняло участие 39 детей, находящихся со своими семьями на территории РФ от 6 до 12 месяцев из Киргизстана, Узбекистана и Таджикистана.

С помощью метода описательной статистики в процентном соотношении мы установили, что 46,6% детей имеют позитивный Образ Я; 28,8% детей имеют амбивалентный Образ Я; 24,4% детей имеют негативный Образ Я (Рисунок 1).

По особенностям рисования детей, мы охарактеризовали специфику рисунка из каждой условной группы детей.

В группе детей, имеющих позитивный Образ Я, изображение имеет крупный размер, четкие и прорисованные линии. Рисунки симметричны, изображение расположено ближе к верхнему краю листа. В большинстве случаев элементы стирания, перерисовки деталей изображения полностью отсутствует. Цветовая гамма рисунка имеет теплые и яркие оттенки.

Анализируя значение отдельных элементов изображения можно отметить, что размеры головы в большинстве рисунков средние, что свидетельствует об адекватности своих интеллектуальных претензий. Части лица: рот, нос, а также уши соизмеримы с размерами головы, нарисованы без ярко выраженных акцентов, отсутствие прорисованных зубов – всё это свидетельствует об отсутствии агрессивности. Руки изображены с кистями и пальцами, адекватного размера, соответствующие пропорциям тела, что свидетельствует об отсутствии амбициозности. Ноги также соизмеримы с туловищем, нарисованы со стопами, что означает ощущение ребенком стабильности опоры и основы. Согласно интерпретации методики, у детей данной группы преобладает адекватная самооценка и позитивный Образ Я.

В группе детей, имеющих амбивалентный Образ Я, изображения достаточно крупные по размеру, симметричны, стирание и перерисовка деталей

не отмечается. Тональность рисунка имеет теплые и яркие оттенки. Но, наблюдается смещение рисунка к нижнему краю листа. Размеры головы, как и у детей с позитивным Образом Я, средние, что также свидетельствует об адекватности интеллектуальных претензий. Но, в данной группе отмечается недостаточная прорисованность частей лица. На многих рисунках глаза изображены без зрачков, а уши отсутствуют полностью. Данный факт выражает стремление ребенка не принимать или не замечать критики со стороны окружающих. Прорисовывая кисти рук, дети либо рисовали большее количества пальцев на руке, либо вообще их не рисовали, это может свидетельствовать о проявлении агрессивности, или подавление эмоций. Ноги соизмеримы с туловищем, но на некоторых рисунках изображены без ступней, что свидетельствует об отсутствии опоры и поддержки со стороны значимых взрослых. Подобное сочетание признаков как позитивного, так и негативного Образа Я в рисунках, позволяет объединить их в условную группу «дети с амбивалентным Образом Я».

В группе детей, имеющих негативный Образ Я, изображения отличаются нечеткостью и размытостью линий, выраженной ассиметричностью и многочисленными стираниями различных деталей изображения. Цветовая гамма носит различный характер – от темных оттенков до ярких.

Рисунки выполнены неаккуратно, размеры деталей хаотичны, есть мелкие и крупные детали, не соразмерим с целостным рисунком. Например, большая голова и маленькое тело, или наоборот. Это все свидетельствует об интеллектуальных претензиях и социальном неблагополучии. На рисунках нечетко прорисованы части тела, может отсутствовать изображение носа, губ и т.д. Такие характеристики, также могут свидетельствовать о скрытой агрессии. В отношении рук и кистей, можно отметить, что на изображении этих частей тела нарисованы тонкие линии, что может свидетельствовать о психологической слабости, безынициативности, потребности в заботе. Есть рисунки, где руки отсутствуют полностью, что также свидетельствует о дисгармонии во внутреннем плане. Отсутствие стоп свидетельствует об

робости, не хватки опоры, стабильности. В данной группе есть рисунки, где дети рисуют себя со спины, что также характеризует их как замкнутыми, имеющими внутренние переживания и проблемы. Характеристика рисунков в этой группе свидетельствует о негативном Образе Я и заниженной самооценки.

Таким образом, анализируя характер рисования детей, мы опирались на размер изображения, прорисованность линий, расположение на листе, симметричность, эстетику рисунка. Анализируя в целом детей дошкольного возраста, можно отметить, что в зависимости от детско-родительского взаимодействия в любой семье могут быть проблемы у детей, независимо от их социального статуса (мигрант или гражданин РФ). В связи с этим, мы считаем, что необходимо анализировать детско-родительское эмоциональное взаимодействие, этническую идентичность родителей, для того, чтобы установить социально-психологические закономерности процесса адаптации детей-мигрантов.

Библиографический список:

1. Константинов, В. В. Актуальные аспекты проблемы интеграции мигрантов в принимающее сообщество / В. В. Константинов // Педагогический институт им. В.Г. Белинского: традиции и инновации. Пенза – Издательство ПГУ. – 2015. – С. 114-116.
2. Сухарев, А.В. Этнофункциональный подход к психологическим показателям адаптации человека / А.В. Сухарев, И.Л. Степанов, А.Н. Струкова, С.С. Луговской, Н.Н. Халдеева // Психол. журн. 1997. Т.18. № 6. С. 84-96.
3. Юдина, Т.Н. Миграционные процессы в России и мире: основные тенденции и последствия / X годовые научные чтения. Социологическая школа МГСУ: результаты и перспективы. М.: Изд-во «Союз», 2004. 472 с.
4. Rogers, C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the clientcentered framework / C.R. Rogers // Koch S. (ed.). Psychology: A study of a science. V. 3. N. Y., 1959. pp. 74.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ, ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ОПТИМИЗМ МИГРАНТОВ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЙ ИЗ АРМЕНИИ И АРМЯН, ПРОЖИВАЮЩИХ НА РОДИНЕ

Ковалева Ю. В. (г. Москва, Россия)

Особую остроту в последние годы приобретают вопросы, среди которых можно назвать *проблему мигрантов*, самоопределение и самореализация которых в стране нового местожительства лежит в основе реализуемого ими социального поведения. Пример современной Европы показывает связь уровня социального развития, объективными показателями которого являются такие явления, как преступность, самоубийства, террористическая опасность и др., с психологическим благополучием *большой социальной группы – мигрантов* (подробнее см.: Соснин, Ковалева, 2017; и др.). Таким образом, *субъективное благополучие* жизни человека и больших социальных групп, членом которых он является, выступает одним из факторов психологического здоровья общества в целом (Психологическое здоровье..., 2013; Журавлев, Юревич, 2014; и др.).

Благополучие, субъективное благополучие, субъективное качество жизни, переживание счастья представляют собой комплекс тонко дифференцируемых взаимосвязанных понятий. История их разработки ведется с 60-х годов, известны их гедонистическая и эвдемоническая трактовки. Это разделение весьма условно, потому что данные конструкты «покрывают одно онтологическое поле, тесно связаны друг с другом <...> прорисовывается определенный вектор детерминации этих феноменов». «Так, национальная идея способна служить источником коллективного смысла жизни (т.е. идея и смысл, присущие большим социальным группам – *прим. Ю.К.*), формирующего *базовый компонент* индивидуальных смыслов <...>. Он, в свою очередь, может служить источником оптимизма, жизнестойкости, жизнелюбия и, в конечном счете, жизнеспособности личности и витальности нации, оказывая также большое влияние на субъективное качество жизни, субъективное благополучие <...>» (Журавлев, Юревич, 2014, с. 14).

Несмотря на активное изучение в последнее время интернет сообществ и социальных сетей, представленных в интернете (Ковалева, 2019), мы хотели бы обратить внимание на изучение такого типа сообщества, как *диаспора*, которое является примером *большой социальной группы*, функционирующей по типу *сети*. Согласно современным западным подходам, мигранты в обществе пребывания создают инфраструктуру по типу сети (*network*), отвечающую за связи с родиной, диаспорой, а также движение материальных потоков. В литературе приводятся существенные признаки диаспор, среди которых называют *мифологизацию истории народа*, его *переселения и перспективы обязательного возвращения на историческую Родину*, *коллективные ценности, идеи и задачи* (Тирабян, 2017).

Представляется, что не каждая большая социальная группа может выступить основой для подобного самоощущения человека, а только обладающая *субъектными свойствами*, т.е. сформировавшая смыслы и ценности, организованная, имеющая средства для вовлечения и самореализации ее членов (Журавлев, 2002). Таким образом, *глобальность целей* таких организаций, как диаспоры, их направленность на поддержку благополучия и развития *не одного, а нескольких взаимодействующих народов*, поиск между ними общего при сохранении национальной специфики, соответствуют задачам изучения *субъективного благополучия* такой *большой группы*, как мигранты, которые в свою очередь являются релевантным объектом для изучения *субъектности больших социальных групп*. Эту часть работы представляется возможным представить в других публикациях.

В настоящей работе для исследования *субъективного благополучия* за основу взята концепция К. Рифф, в рамках которой была разработана многомерная модель психологического благополучия. *Субъективное благополучие человека* также изучалось через связь с его *личностным ресурсом*, к которому отнести: *оптимистическую жизненную позицию* как общую установку на позитивные цели, оценку социальных условий как

способствующих этим целям, а также реалистичность их достижения; предполагается, что психологическими компонентами социального оптимизма могут выступать составляющие *оптимистической триады* как *жизнеутверждающей основы активности личности и ее созидательной силы*, составляющие оптимистической триады – *вера, надежда и любовь* являются высшими чувствами, лежащими в основе позитивного мироощущения человека, усиливающие и способствующие его самореализации (Джидарьян, 2014); *жизнестойкость* как систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром, это диспозиция, включающая в себя три сравнительно автономных компонента: *вовлеченность, контроль, принятие риска*; выраженность этих компонентов и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания (*hardy coping*) со стрессами и восприятия их как менее значимых (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Исследовательская гипотеза: субъективное благополучие мигрантов двух поколений и коренных армян связано с переменными *оптимистической триады* и *жизнестойкости*, эти связи образуют структуры, обусловленные различными актуальными условиями жизнедеятельности представителей этих групп.

Выборка исследования: в исследовании приняли участие 139 респондентов, все представители армянской национальности, из которых 46 человек родились в Армении и переехали в Россию (Группа 1), 45 человек родились и проживают в России (Группа 2), и 48 человек родились и постоянно проживающих в Армении (Группа 3).

Использовались следующие методики: для изучения субъективного благополучия – «Шкала психологического благополучия» К. Рифф; переменные – *Автономия, Компетент. (Компет.), Личностный рост (Личн.рост), Позитивные отношения (Позит.отнош.), Цели в жизни (Жизн.цели), Самопринятие (Самопринят.), Психологическое благополучие*

(Благополуч.); для изучения представлений о любви как высшего чувства человека – Опросник «Представления о любви» (Джидарьян и др., 2014); переменные – *Любовь–помеха*, *Любовь–самоотдача* (*Любовь самоотд.*), *Любовь как возвышающая человека сила* (*Любовь самовзв.сила*); для изучения жизнестойкости – Тест жизнестойкости Леонтьева, Рассказовой (2006); переменные – *Вовлеченность*, *Контроль*, *Принятие риска*; для изучения составляющих оптимистической триады – *Веры* и *Надежды* – анкета, составленная на основе описания их содержательных характеристик в литературе; Анкета была разработана специально для данного исследования, проверка надежности двух шкал, относящихся соответственно к *Вере* и *Надежде*, проводилась отдельно на выборке из 90 человек и показала удовлетворительные результаты их согласованности с помощью коэффициента альфа-Кронбаха. Текст анкеты и подробности ее разработки (см.: Ковалева, Арутюнян, 2019).

Корреляционный анализа переменных субъективного благополучия, жизнестойкости и оптимистической триады

На рис.1 показана схема связей между переменными Группы 1, на рис. 2. – Группы 2, на рис. 3 – Группы 3.

Рисунки, на которых представлены корреляционные плеяды между переменными *оптимистической триады*, *жизнестойкости* и *субъективного благополучия*, демонстрируют четкие различия в структуре связей между ними.

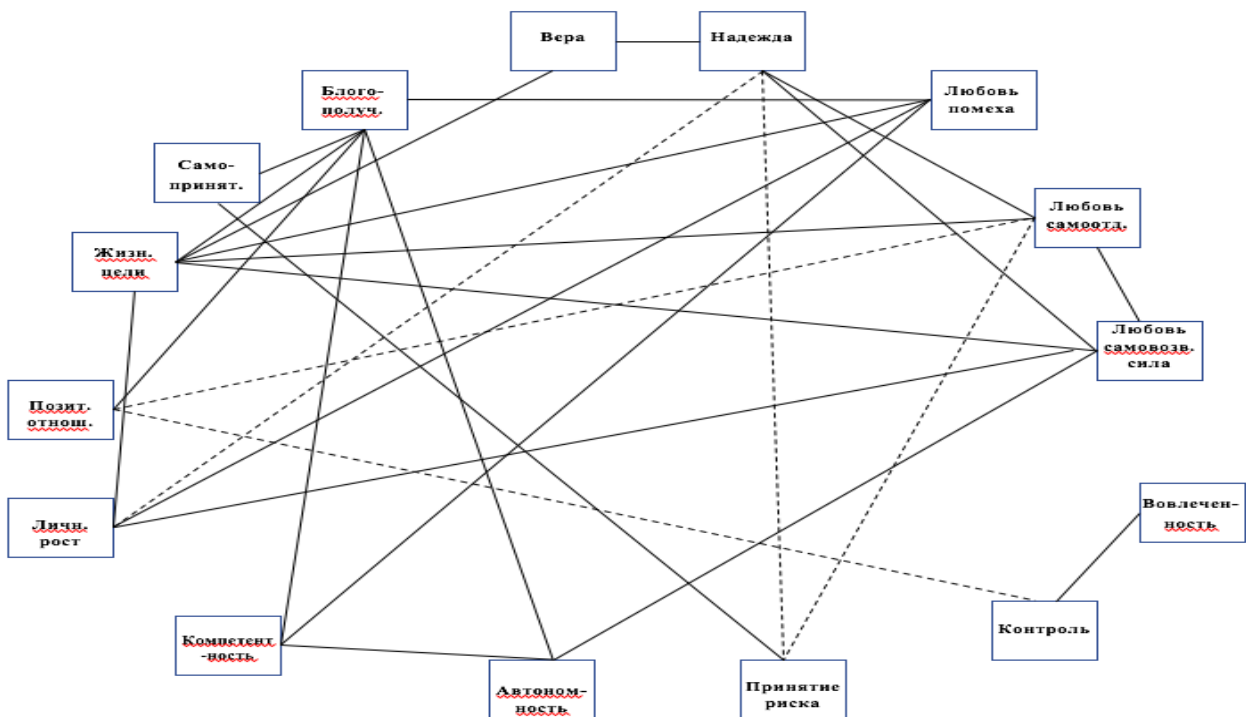

Рис. 1. Структура корреляционных связей между переменными субъективного благополучия, жизнестойкости и оптимистической триада в группе 1 (мигранты 1-го поколения)

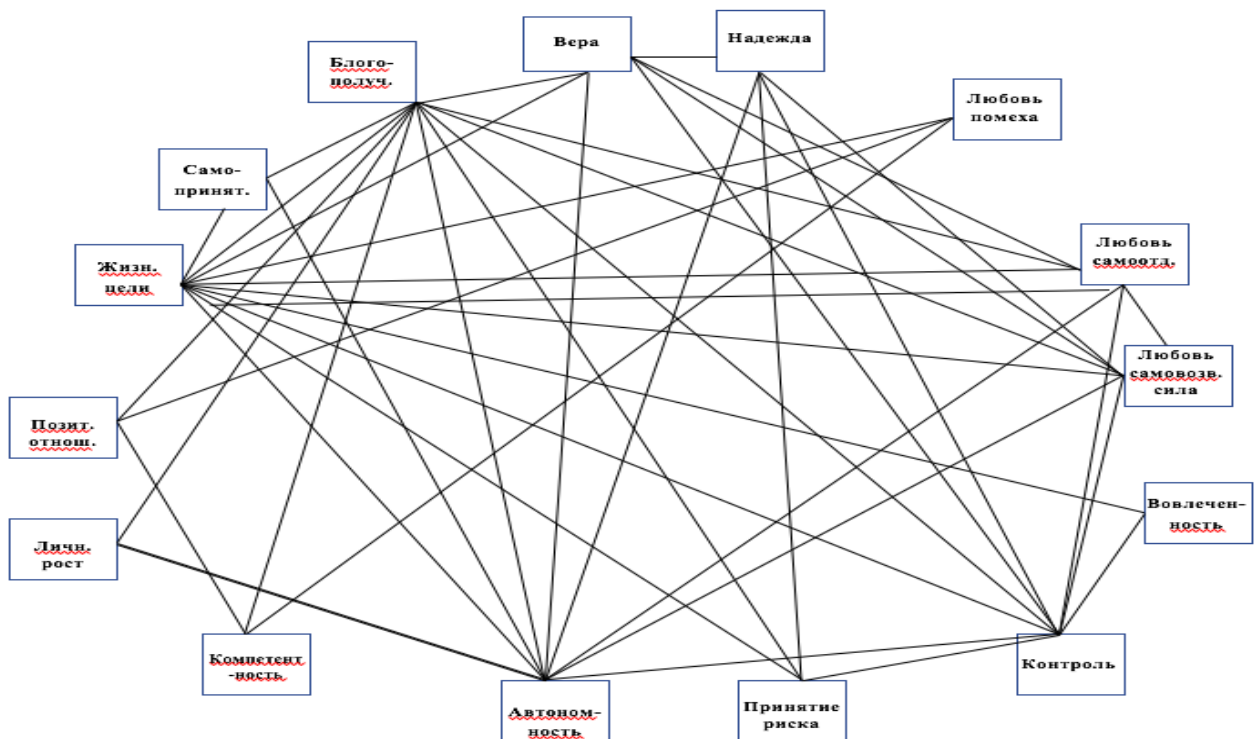

Рис. 2. Структура корреляционных связей между переменными субъективного благополучия, жизнестойкости и оптимистической триады в группе 2 (мигранты 2-го поколения, родившиеся в России)

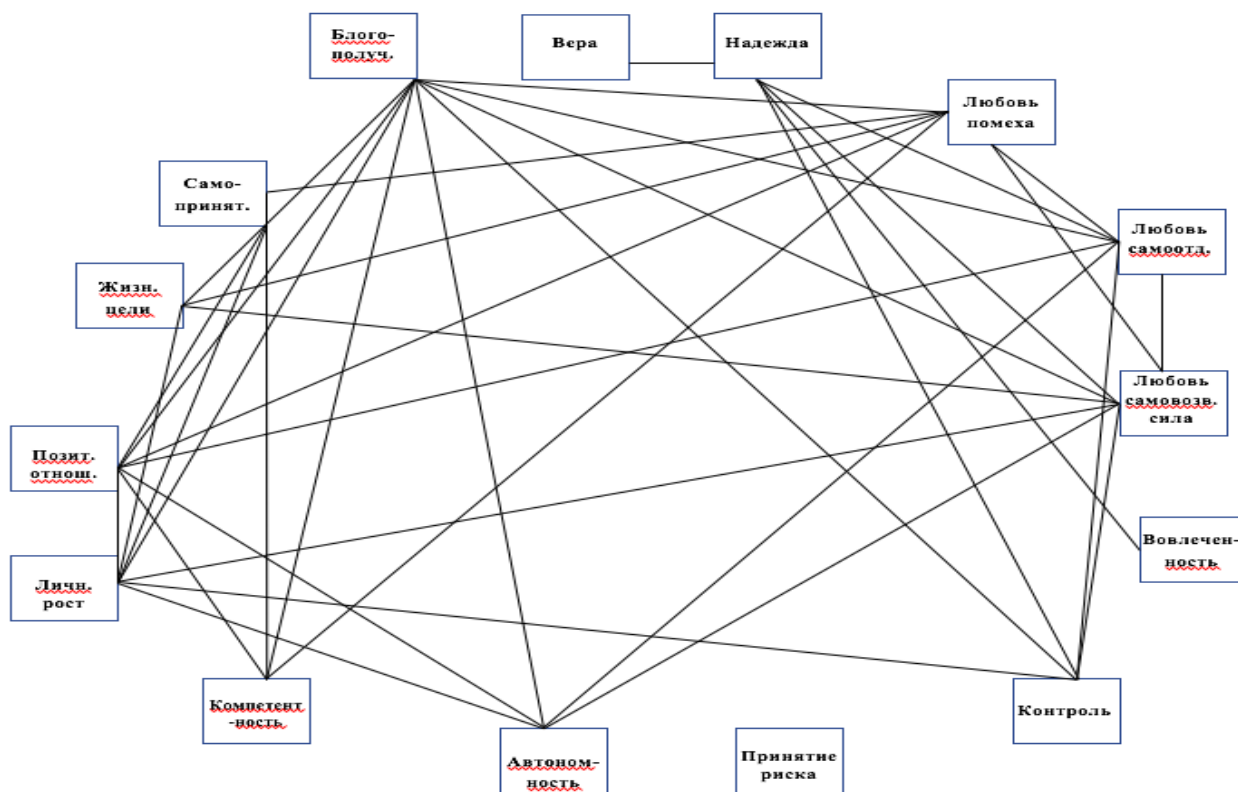

Рис. 3. Структура корреляционных связей между переменными субъективного благополучия, жизнестойкости и оптимистической триады в группе 3 (армяне, постоянно проживающие в Армении)

Наименьшее количество связей можно видеть между переменными мигрантов 1-го поколения, в этой же структуре, в единственной, есть отрицательные связи. Если сравнивать со структурами, полученными в двух остальных группах, то меньше всего связей присутствует у переменных *жизнестойкости*. Эти базовые личностные качества, получившие свое развитие в детстве и подростковом возрасте, по-видимому, не могут пока найти «применения», не востребованы в новых условиях.

Например, переменная *Контроль*, показывающая убежденность респондентов в необходимости активности в различных ситуациях, отрицательно связана с *Позитивными отношениями*, как одной из составляющих *Субъективного благополучия*, которая в свою очередь отрицательно связана с *Любовью-*

самоотдачей, переменной представлений о любви. Изолированно выглядит и переменная *Вовлеченности*, что показывает недостаточную связь удовлетворенности респондентов тем, что они делают, с результатом – переживанием благополучия. По сравнению в другими группами, интегральная переменная *Субъективного благополучия* также ограничена в связях и опирается только на связь с *Любовью-помехой*, а составляющие субъективного благополучия – *Позитивные отношения* и *Личностный рост* отрицательно связаны с *Любовью-самоотдачей* и *Надеждой*. Кажется, что те, кто отбросил все надежды и потребность в близких отношениях, могут добиться хоть чего-то. По сравнению с общей картиной связей в других группах, корреляционная структура этой группы выглядит более бедно, демонстрируя дезинтеграцию ресурса и напряжение личностных возможностей.

Наибольшее число связей можно видеть в Группе 2 – мигрантов второго поколения. В ней по сравнению со структурой, полученной в Группе 3, различается «нагруженность» отдельных компонентов – это *Жизненные цели*, *Автономность*, *Благополучие*, *Контроль* и др. Связей в Группе 2 не только больше, но и все они положительные, в структуру связей вовлечены переменные жизнестойкости. Интересная деталь – в Группе 3 переменная *Принятие риска* (конструкт жизнестойкости) не входит в общую структуру связей, т.е. респонденты этой группы не считают, что любой опыт для них хорош, что возможно объясняет их стратегию – в отличие от других своих соотечественников они предпочитают строить собственную судьбу на Родине. Их личностный рост связан с *Контролем* (другой переменной жизнестойкости), которая свидетельствует с убежденностью в необходимости собственной деятельности, что может быть косвенно связано с их упорством по отношению к остальным добиться своих целей именно на Родине.

Таким образом, полученные структуры связей позволяют установить различную степень интегрированности личностного ресурса и переживания субъективного благополучия. Наиболее целостной выглядит система связей в Группе 2 – мигрантов 2-го поколения, по-видимому, субъективное

благополучие которых наиболее согласовано с их личностными качествами, которые являются основой переживания ими жизненного комфорта.

Работа выполнена в соответствии с Госзаданием № 0159-2019-006.

Библиографический список:

1. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «институт психологии РАН», 2014.
2. Джидарьян И.А., Беловол Е.В., Маслова О.В. Адаптация опросника для изучения представлений о любви // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 111-119.
3. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 51-81.
4. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5-15.
5. Ковалева Ю.В. Признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов: на примере социальной сети Твиттер. Часть 1. Постановка проблемы и методический подход // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1(13). С. 6-40. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document659.pdf> (дата обращения 05.04.2019).
6. Ковалева Ю.В., Арутюнян К.Р. Разработка анкеты для измерения Веры и Надежды как составляющих оптимистической триады // Методология, теория, история психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 511-517.
7. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
8. Соснин В.А., Ковалева Ю.В. Распространение радикального ислама как глобальная угроза современности: геополитические тенденции и социально-психологические аспекты проблемы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С.

116-151.

URL:

[http://soc-econom-](http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document350.pdf)

[psychology.ru/engine/documents/document350.pdf](http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document350.pdf) (дата обращения 04.08.2017).

9. Тирабян К.К. Диаспора в системе международных отношений в современном мире (на примере армянской диаспоры) // Управленческое консультирование. 2017. № 5. С. 188-194.

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Котлярова Л. Н., Смирнова Е. О. (г. Москва, Россия)

Одним из векторов глобализации является усиление миграции населения, охватившей все страны и социальные слои. В миграционном потоке прослеживается закономерность: концентрация мигрантов в странах и мегаполисах с развитой промышленностью и социально-экономической инфраструктурой [3].

Миграционная активность носит двойственный характер. С одной стороны, приводит к обеспечению кадрами многие сферы деятельности, что является мощным фактором для развития предприятий и решения проблем трудовой занятости. Статистические данные свидетельствуют о том, что в последние годы растет численность на промышленных предприятиях высококвалифицированных специалистов – иностранных граждан или лиц без гражданства, получивших разрешение на работу в соответствии со статьей 13.2 Федерального закона от 25 июля 2002 года N 115 - ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" (на уровне обывденного сознания – трудовые мигранты).

С другой стороны, в исследованиях криминологов можно увидеть тревожные факты о миграции. По мнению специалистов, одной из наиболее уязвимых социальных групп в отношении вовлечения в противоправную

деятельность, являются иммигранты, подавляющее большинство из которых - это люди молодого и среднего возраста [5; 8]. Одной из главных причин формирования девиантных форм поведения у иммигрантов является социально-культурная дезадаптация [2].

Создание социальных, культурных и иных условий для обеспечения эффективной адаптации мигрантов, является одной из актуальных государственных задач на всех уровнях управления – федеральном, территориальном, муниципальном, отраслевом. Так, согласно п. п. «а» п. 2 ст. 21 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (в ред. от 11.07.2011 N 192-ФЗ) «Об общих принципах организации законодательных (представительских) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» высший исполнительный орган осуществляет в пределах своих полномочий ряд мер, в том числе по обеспечению социальной и культурной адаптации мигрантов. Аналогичная норма содержится и в ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и др. Деятельность администрации и кадровых служб предприятий по созданию условий для обеспечения эффективной производственной адаптации (неотъемлемыми компонентами которой являются социальная и культурная адаптация) персонала (в том числе иностранных граждан и лиц без гражданства) регулируется локальными нормативно-правовыми актами (например, Положением об адаптации персонала, Коллективным договором и др.).

Актуальность изучения процессов адаптации трудовых мигрантов обусловлена практической значимостью и недостаточной изученностью социально-психологических механизмов данного процесса.

Настоящее исследование является частью проекта (реализуемого с 2015 г. по настоящее время), целью которого является совершенствование системы управления персоналом предприятия. В рамках проекта поставлены задачи по разработке системы административно-управленческих мер, направленных на повышение эффективности производственной адаптации персонала, в том

числе высококвалифицированных специалистов, прибывших в Российскую Федерацию из стран СНГ и дальнего зарубежья для осуществления деятельности на промышленных предприятиях по трудовому договору. Проект предусматривает решение ряда научно-исследовательских и практических задач в области управления персоналом и организационной психологии.

В качестве психологических факторов, влияющих на производственную адаптацию субъектов деятельности, рассматривались и изучались свойства, совокупность которых позволяет подойти к личности как интегральной индивидуальности [6].

Одной из задач настоящего исследования является выявление структуры мотивационной направленности у трудовых мотивов в группах с разной степенью адаптированности к производственной деятельности.

Общий объем выборки составляет 246 человек (все мужчины). Возраст участников исследования от 24 до 38 лет, образование – техническое. Все участники исследования владеют русским языком, трудоустроены в соответствии с действующим российским законодательством, являются сотрудниками промышленного предприятия, расположенного в Московской области.

Психологическое обследование (опросы, тестирование, беседы, интервью и пр.) проводилось непосредственно после трудоустройства и далее - с запланированной периодичностью в течение первого года работы. Консультации и дополнительные опросы проводились по мере запроса со стороны участников исследования и заказчика (администрации предприятия).

Степень адаптированности определялась по интегральному критерию, представляющему собой совокупность субъективного и объективного компонентов. Сочетание данных критериев является основанием для выделения различных типологических групп.

В качестве объективных критериев рассматривались: оценка со стороны администрации (показатели трудовой дисциплины, эффективности

деятельности) и психологическая оценка (результаты психодиагностического обследования).

В качестве субъективного критерия использовались результаты опроса. При составлении опросника опирались на представление о том, что производственная адаптация является процессом приспособления специалистов к содержанию деятельности, рабочему месту, организационному поведению, организационной культуре (и другим составляющим производственной среды), на который влияют психофизиологические, личностные, социальные факторы [1; 4]. Полагаем, что опросник позволяет выявить представление опрашиваемых о влиянии на их адаптацию/дезадаптацию к профессиональной деятельности и производственной среде предприятия организационных, эргономических, социальных, экономических, административных факторов (в частности, таких как: график работы; дизайн и физические характеристики рабочего пространства; трудовые нормы; психические состояния, возникающие в процессе деятельности; организационная культура на предприятии; отношения с руководителем; взаимоотношения с сотрудниками трудового коллектива; организация рабочего времени; система стимулирования трудовой деятельности; социальная программа предприятия; условия для развития профессиональных компетенций; возможности для профессионального продвижения и другие).

В настоящей работе представлены результаты изучения мотивационных свойств сотрудников в группах, в которых внутренние и внешние критерии оценки адаптации конгруэнтны ((в частности, респондентами дается высокая или низкая оценка производственной адаптации, такая же высокая объективная оценка дается и со стороны коллег и со стороны администрации (работник достигает высоких показателей в деятельности, отсутствуют нарушения требований безопасности, проявляет активность в общественной жизни и пр.); аналогичный критериальный подход в группе с низкими показателями адаптации)).

По интегральному показателю, отражающему степень адаптированности

к производственной деятельности, в выборке выделены три группы: первая - с высокими показателями (31% от выборки), вторая - со средними показателями (48%), третья - с низкими показателями (21%).

Анализ результатов опроса и интервью респондентов первой группы (с высокими показателями по адаптированности) показал, что все сотрудники удовлетворены своим статусом в организации, отношениями в коллективе, результатами своей деятельности, выстраивают перспективные планы своего профессионального развития, положительно оценивают: организацию деятельности и условия труда, организационную культуру, отношения в коллективе и деловые (рабочие) коммуникации. По мнению респондентов, их успешной профессиональной адаптации способствует совокупность экономических, технологических, социальных, организационных, психологических факторов. При изучении организационного поведения респондентов данной группы выявлены: постоянно высокие показатели деятельности; стремление к развитию профессиональных компетенций и деятельности; отсутствие нарушений трудовой дисциплины и требований безопасности; активная позиция по отношению к общественной деятельности.

Анализ результатов опроса в третьей группе (с низкими показателями адаптированности) позволил выявить следующие особенности: респонденты данной группы при опросе отметили низкую удовлетворенность деятельностью и своим социально-ролевым статусом на предприятии; причиной низкой удовлетворенности деятельностью они считают несоответствие представлений о характере деятельности реальным условиям; отметили существование коммуникативных проблем в рабочем взаимодействии. Анализ организационного поведения респондентов данной группы выявил неустойчивость по ряду показателей, характеризующих их деятельность и организационное поведение.

В соответствии с поставленными задачами исследования, рассмотрим особенности мотивационного потенциала в полярных группах - с высокими (первая группа) и низкими (третья группа) показателями по фактору

«адаптированность».

Для выявления мотивационного потенциала использовалась методика «Диагностика мотивационной структуры личности» (автор - В.Э. Мильман), позволяющая выявлять типологию мотивационной направленности личности в виде основных (прогрессивный, регрессивный, экспрессивный, импульсивный, уплощенный) и смешанных типов (прогрессивно-экспрессивный, прогрессивно-импульсивный, регрессивно-импульсивный, регрессивно-экспрессивный) Мотивационные шкалы, в соответствии с концепцией автора, отражают основные направленности личности - потребительскую и производительную [7]. По итогам тестирования были составлены мотивационные профили для каждого обследуемого, а затем усредненные групповые профили и проведен их сравнительный анализ.

Распределение типов мотивационных профилей по методике В.Э. Мильмана в первой группе (высоко - адаптивные сотрудники) оказалось следующим: прогрессивный – 58%, прогрессивно-экспрессивный - 12%, регрессивный – 15%, экспрессивный – 5%, импульсивный – 5%, прогрессивно-импульсивный – 5% (других типов не выявлено). Результаты свидетельствуют о доминировании двух типов мотивационных профилей – прогрессивного и прогрессивно-экспрессивного типов. Прогрессивный тип профиля, в соответствии с концепцией В.Э. Мильмана, является показателем ярко выраженной направленности на профессиональное развитие и стремление добиться мастерства в деятельности, высокой вовлеченности в деятельность и стремление к ее развитию. Мотивационный профиль прогрессивного типа положительно коррелирует с успешностью рабочей активности. «Одновременно, этот тип характерен и для личности с социально направленной позицией, что включается в представление о созидательной, производительной направленности личности» (Мильман В.Э., 2005, с.42). Прогрессивно-экспрессивный тип мотивационного профиля соотносится, с одной стороны, со стремлением к развитию, а с другой – потребностью в одобрении со стороны социальных групп.

В третьей группе (низко-адаптивные сотрудники) выявлено следующее распределение типов мотивационных профилей: регрессивный – 42%, экспрессивный – 28%, импульсивный – 5%, регрессивно-импульсивный – 20% и регрессивно-экспрессивный – 5% (других типов не выявлено). Из полученных данных можно сделать вывод о доминировании в данной группе трех типов мотивационных профилей: регрессивного, регрессивно-импульсивного и экспрессивного, отражающих выраженность потребительских мотивов над производительными, стремление к постоянному повышению уровню притязаний, спонтанность в решениях.

Обобщая полученные в исследовании данные, можно констатировать следующие факты: существование устойчивых связей между мотивационной направленностью и производственной адаптацией; у подавляющего большинства иностранных специалистов производственная адаптация завершается успешно и способствует активной включенности сотрудников в производственные процессы и обеспечению безопасной деятельности; пятая часть из числа привлекаемых к трудовой деятельности иностранных специалистов нуждаются в оказании содействия со стороны администрации по обеспечению мер, направленных на повышение эффективности производственной адаптации.

На основе выявленных в исследовании закономерностей, для службы управления персоналом промышленного предприятия, составлены рекомендации по организации психологического сопровождения иностранных специалистов, направленного на формирование и совершенствование личностного ресурса, необходимого для эффективной производственной адаптации, способствующей, в свою очередь, активной включенности сотрудников в профессиональную деятельность и выполнению требований безопасности.

Библиографический список:

1. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. – 1989. - № 1. – С. 99 – 100.

2. Берри, Д. Кросс-культурная психология: Исследования и применение / Д. Берри, А. Пуртинга, М. Сигал, П. Дасен; пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
3. Демография и статистика населения / под ред. И.И. Елисеевой, М.А. Калупта. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
4. Карпов, А. В. Психология профессиональной адаптации: монография / А.В. Карпов, В.Е. Орел, В.Я. Тернопол. – Ярославль: Институт «Открытое общество», 2003.
5. Лунеев, В.В. Курс российской и мировой криминологии в 2 т Т. II. Особенная часть: учебник для вузов / В.В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2013.
6. Мерлин, В.С. Теоретические принципы исследования интегральной индивидуальности // Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / Сост. Б.А. Вяткин, Л.Я. Дорфман, М.Р. Щукин. – М.: Смысл, 2011. – С. 11-36.
7. Мильман, В.Э. Мотивация творчества и роста: структура. Диагностика. Развитие: теоретическое, экспериментальное и прикладное исследование диалектики созидания и потребления: монография / В.Э. Мильман. - Москва: Миря и ко, 2005.
8. Экстремизм: социальные, криминологические и правовые проблемы / под ред. А.И. Долговой М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНЦЕПЦИИ А. РЭНД

Красильников И. А. (г. Полтава, Украина)

В качестве поставленной цели был проведен теоретический анализ и выделение отдельных положений концепции объективизма А. Рэнд по экзистенциальной проблематике, который представлен нами ниже.

А. Рэнд указывает, что в психологическом аспекте выживание человека, его существование можно понимать не только как вопрос жизни и смерти, но и как вопрос человеческого счастья и страдания [2]. Исследуя данную проблему, автор вводит понятие «чувство жизни», которое, по ее мнению, следует рассматривать в связи с указанием на необходимость понимания человеком определенного жизненного контекста, тех обстоятельств, в которых он оказался. Наслаждение, как и ощущение жизнью, полагает она, есть переживание реализации тех индивидуальных ценностей, которые составляют главные жизненные смыслы человека. При этом, по ее мнению, чувство жизни как чувство «Я» в мире, связано с подсознательной пред-понятийной эмоциональной оценкой своего существования, личного самоосуществления. А. Рэнд замечает, что напрямую влиять на чувство жизни невозможно, многое зависит от понимания личных возможностей по реализации жизненных ценностей. Именно, экзистенциальный опыт реализации ценностей формирует такое чувство жизни, когда человек может сказать «да, этот мир мой!», в противном же случае формируется отчужденное чувство – «этот мир не мой».

А. Рэнд выделяет три типа чувства жизни. Первый тип – оптимистичное чувство жизни, когда человек обладает экзистенциальной уверенностью в своих возможностях реализовать жизненные ценности. Второй тип – пессимистичное, испуганно-пассивное чувство жизни, когда человек испытывает страх и вину, не верит в свои возможности реализовать для себя важнейшие жизненные смыслы, считает, что ценности в принципе недостижимы, борьба напрасна, судьба предначертана и человек испытывает внутренний конфликт, как невозможность испытать чувство счастья. Третий тип чувства жизни – еще более низкий уровень иррационального существования, когда человек ощущает жизнь в форме агрессии, ненависти к миру, мести, зависти к более успешным. Последний тип А. Рэнд назвала злокачественным ощущением жизни, так как это переживание вызвано «гибелью» гуманистических ценностей [3].

В отношении экзистенциализма критические взгляды А. Рэнд перекликаются со взглядами М. Хайдеггера, а именно, в части чрезмерного фокусирования экзистенциализма на методологии субъективизма и самости. А. Рэнд также полагает, что, хотя, экзистенциализм правильно делает предметом изучения существование человека, тем не менее, это научное направление, неоправданно односторонне акцентирует на пессимистически-иррациональном чувстве жизни. По ее мнению, экзистенциалисты часто говорят о субъективных ценностях, экзистенциально-конфликтных переживаниях (порой, безумного идеализированного я хочу) и, при этом, они игнорируют, не замечают или снижают свое внимание на необходимости учета и понимания человеком контекста той реальности, в которой он объективно существует. Важно, замечает автор, любую черту человека следует рассматривать только в неразрывной связи с реальностью, объективной жизненной ситуацией [4].

В своих работах А. Рэнд исключительную роль придавала понятиям «разум» «действительность», «понимание реальности», «чувство жизни» пытаюсь их осмыслить в аспекте конфликтного существования человека. А. Рэнд акцентирует, что разум и чувство реальности – это центральные категории в концепции объективизма. Заметим, что эти понятия являются семантически высоко сложными не только для психологической науки, но и для философии, однако, это не означает полный отказ от их концептуализации и применения в анализе проблем человеческого существования. А. Рэнд полагает, что разум и реальность существования образуют онтологическое единство, которое составляет суть человеческой жизни: разум является основным инструментом выживания, жизнеспособности; разум обеспечивает понимание той реальности, того контекста, в которую включен человек. Разумность, полагает А. Рэнд, заключается в преданности фактам реальности, а не в их искажении, манипуляции, человек должен максимально осмысливать и рефлексивно учитывать все сопутствующие жизненные обстоятельства. Человек не может подлинно существовать вне понимания объективной реальности [1, 5].

Концепция объективизма утверждает, что никакой альтернативы реальности не существует, вся сложность заключается в постижении человеком этой реальности. Осознание невозможно без чувственного опыта реальности, а правильность и логичность мышления только обеспечивают приверженность реальности. Обладать сознанием означает иметь чувство реальности, это осознание того, что нечто существует. При этом, переживание реальности говорит субъекту, что существование предмета, вещи всегда первично. В этом смысле осознание личного существования всегда реально (это существует, и ты знаешь об этом), не существует только сознания без существования. А. Рэнд отдает приоритет существованию над сознанием; приоритет сознания над реальностью ведет к конфликту субъекта с реальностью. Объективизм отрицает дихотомию между субъективизмом (идеализмом) и объективизмом и требует от человека в своих решениях избегать радикального субъективизма. Человеку важно понимать, в чем состоит личное желание, но сопряженное с реальным миром.

Разум, считает А. Рэнд, является экзистенциально-познавательной способностью человека, его функция – в осознании реальности в ходе информационного сбора данных о действительности и понимания их в имеющемся контексте. Познавательно погружаясь в контекст, человек глубже понимает реальность, а экзистенциальный отрыв от контекста – это отрыв от действительности, от фактов, жизненных обстоятельств. Поэтому говорит А. Рэнд, никакое событие нельзя рассматривать вне контекста, процесс познания помогает человеку реализовать экзистенциальные ценности, а понятийное мышление – это инструмент познавательной активности человека. Познавательная активность требует контакта с реальностью и необходимо, чтобы познание постигало реальность, а не искаженно порождало его, опираясь на неуправляемые эмоции и желания. Искажённое восприятие реальности способно вызывать противоречия в понимании реальности и, соответственно, порождению конфликтов с другими людьми [4, 6].

Высокая эмоциональность человека, подчеркивает А. Рэнд, стимулируют к импульсивно-иррациональному принятию решений, что может разрушить единство субъект-объект (субъект), а значит разрушить существование человека. Так, ужас перед реальностью создает невротичных личностей с парализованной волей, культом неопределенности и компромисса. Эмоционально-импульсивные личности, отказываясь от разума, реалистического понимания, могут игнорировать факты реальности, поддерживать иррациональные цели и жизненные противоречия. Такие личности даже не пытаются их разрешить и чаще выбирают путь саморазрушения – мистицизм, наркотики, хиппи и др., а в определенных ситуациях склонны решать личные проблемы, опираясь и оправдывая насилие. Само-отчуждение от реальности, от окружающего мира, проистекает, по мнению А. Рэнд, из одного и того же источника – отказа от ответственности за свое существование. Автор указывает, что если человек неразумно, нереалистично оценивает жизненную ситуацию, то его решения и действия могут привести к внутреннему конфликту. Если человек отказывается от признания реальности, действительности, игнорирует познавательную ясность, то он тем самым, убегает в сферу иррациональности, импульсивной эмоциональности при принятии решения.

Высокая эмоциональная импульсивность и возбудимость, полагает А. Рэнд, может привести человека к субъективизму в оценке ситуации, некритическому принятию информации. Субъективисты как эмоционально-импульсивные личности экзистенциально отталкивают и игнорируют реальность «с первого шага». При попытке реализовать на практике свои идеи субъективисты направляют свою личность против реальности и не могут экзистенциально «увидеть» другую альтернативу. Субъективисты не способны провести логическую связь между фактами реальности и ценностными суждениями, оценками. Высокая эмоциональность может привести, полагает А. Рэнд, к искаженному восприятию реальности и действиям без глубокого понимания сложившейся ситуации. Однако, полагает А. Рэнд, человек не

должен игнорировать эмоции, но он должен выявить и понять когнитивные процессы, которая лежит в их основании. Такое понимание эмоций А. Рэнд рассматривает как следствие разумного, зрелого отношения к действительности.

Если эмоционально-неустойчивая личность противостоит рациональности, то эгоцентрическая личность, по мнению А. Рэнд, более нацелена на понимание фактов действительности. Эгоцентризм требует от личности утвердить в жизни индивидуальные ценности с учетом понимания контекста сложившейся действительности. Человек с эгоцентрической ориентацией противостоит эмоционально-импульсивным реакциям, откладывает поступок до момента, пока не выяснится локализация ошибки и возможность ее исправить.

А. Рэнд отмечает, что западная философия и психология, во многом, вобрали в себя иррациональный принцип, когда сознание конструирует и не «замечает» реальность, когда реальность подчиняется сознанию. Человеку нельзя игнорировать или пренебрегать реальностью, важно человеку учиться рефлексировать в ориентации на факты реальности. В отличие от субъективного иррационализма, признание реальности своего существования является единственным арбитром и принципом аутентично выбранных ценностей и целей. А. Рэнд полагает, что разумность представляет духовную силу человека основанную на способности признавать факты реальности. Разумность как экзистенциальное понимание жизненной ситуации является волевой способностью соотносить имеющиеся знания и ценности с фактами реальности. Эмоции – есть результат воспринятого, и они не имеют независимого (субъектного) подключения к реальности. Личностный выбор на основе разума не срабатывает автоматически, разумность связана с размышлением, рефлексией о фактах реальности, с опорой на понятийную логику и жизненные ценности. Разумность, полагает А. Рэнд, это волевая ценностно-смысловая активность соотнесения действий с действительностью, контекстом [1, 7].

Разумное, считает А. Рэнд, заключается в том, что выбранные человеком принципы и идеи находятся в согласии с его реальностью, неразумное – не принимает во внимание факты реальности. Поэтому, полагает она, разрыв между сознанием и реальностью опасен для самого человека, так как это ведет к заблуждению и конфликтному существованию. Если реальность сама по себе не убеждает человека в его очевидности, то это означает отказ быть разумным, что делает общение с другим человеком, в целом, невозможным. Достижения чувства счастья предполагает, что человек при решении жизненных задач должен опираться на принцип единства разума и реальности. Для этого важно неуклонно следовать фактам реальности, несмотря на «протест» своей тревоги и страха. А. Рэнд подчеркивает, что факты реальности всегда экзистенциальны и человек должен их уважать, считаться, однако, если он игнорирует их, то реальность «отомстит» человеку. Если человек отказывается от усилий осознать факты его реальности, избегает поиска собственного понимания, то это путь самоотречения, само-отчуждения, отказа от собственного «Я», признания себя непригодным к жизни и неспособным к взаимодействию с реальностью Других.

В противоречивых переживаниях своего существования, по мысли А. Рэнд, следует учиться выявлять точную природу того, что он чувствует, что вызвало эмоциональный отклик переживаний, давать как можно более точные словесные определения своих отношений с миром людей. При этом, она отмечает также, что аутентичность человеческого существования может быть открыта человеку через два способа жизни – любовь и искусство. Автор отмечает, что постижение реальности достигается непрерывными действиями человека, поэтому, настоящая проверка правильности понимания лежит в самой действительности, в реальном существовании. Человек должен и может, по ее мнению, получать удовлетворение, радость своего существования, как результат осуществления жизнеутверждающей реальности. Главная цель, личный интерес и действие человека, подчеркивает А. Рэнд, должны находиться в резонансе с реальностью.

На основании выше изложенного можно сделать следующий вывод.

В концепции объективизма А. Рэнд центральными категориями, описывающие экзистенциальные переживания человека есть «чувство жизни», «разумность», «чувство реальности», «объективная реальность», «постижение реальности». Разумность человека – это признание того, что бытие человека существует, как ценностное самоутверждение жизни. Чувство реальности человеческого существования – это бытие самостоятельно построенной души. Человек не может аутентично существовать вне понимания объективной реальности. Разумность человек опирается не только на рациональное познание, но и на ценностно-экзистенциальное чувство жизни, что важно для психологического выживания субъекта, обретения им состояния счастья.

А. Рэнд делает акцент не на дихотомии души и тела, врожденное и приобретенное, сознания и реальности, а на их единстве: сознание функционирует не посредством иррациональных эмоций и переживаний, а посредством ценностного вовлечения в собственное существование, в процесс познания, понимания реальности, для чего необходима разумность и рационализм.

Библиографический список:

1. Пейкофф Л. Объективизм: философия Айн Рэнд. М.: Астрель: Полиграфиздат. 2012. 575 с.
2. Рэнд А. Введение в объективистскую эпистемологию. М.: Астрель, 2012. 351 с.
3. Рэнд А. Возвращение примитива. Антииндустриальная революция. М.: Альпина Паблишер. 2015. 347 с.
4. Рэнд А. Добродетель эгоизма. М.: Альпина Паблишер. 2016. 186 с.
5. Рэнд А. Капитализм: Незнакомый идеал. М.: Альпина Паблишер. 2011. 422 с.
6. Рэнд А. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике. М.: Альпина Паблишер. 2012. 282 с.

7. Рэнд А. Романтический манифест: Философия литературы. М.: Альпина Паблишер. 2016. 199 с.

СВЯЗЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И УРОВНЯ АККУЛЬТУРАЦИИ К РОССИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ

Маслова О. В., Агилар Ю. (г. Москва, Россия)

Образ латиноамериканского студента у российских преподавателей студентов - однозначно позитивный, хотя и несколько односторонний. С точки зрения россиян, латиноамериканским студентам характерен позитивный эмоциональный настрой (веселые, эмоциональные, энергичные, жизнерадостные), позитивное отношение к себе (уверены в себе, с чувством собственного достоинства) и к другим людям (дружелюбные, общительные, открытые, не бросают друг друга в беде, не конфликтны), позитивное отношение к будущему (оптимистичные, не унывают). Однако, как показали ранее проведенные исследования, за таким оптимистичным «фасадом» нередко скрываются трудности адаптации и нередко невысокий уровень общей удовлетворенности жизнью [2].

Одной из целей проведенного нами исследования было выяснить, насколько связана общая удовлетворенность жизнью латиноамериканских студентов с уровнем их аккультурации к России.

В нашем исследовании приняли участие 145 студентов и аспирантов, приехавших на учебу в Россию из 11 стран Латинской Америки (из Эквадора 86 респондентов, из Колумбии - 21, из Боливии - 11, из Перу - 10, из Доминиканской Республики - 4, из Мексики и Венесуэлы - по 3, из Гватемалы, Никарагуа и Чили - по 2, из Коста-Рики - 1 человек). Женщины составили 55% выборки. Средний возраст участников исследования составил

25 лет. Самому молодому респонденту было 19 лет, самому старшему – 40. Среднее время пребывания в России составило 3.7 года.

Все они являлись студентами и аспирантами разных российских вузов (РУДН, МЭИ, НИУ ВШЭ, РГУ, РОСТОВ-НА-ДОНУ ЮФУ, НИУ, БелГУ, КФУ, ТулГУ и др.) и проживали в разных российских городах (Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Белгороде, Казани, Уфе). Исследование проводилось онлайн на основе сервиса Google-формы. Соблюдалась анонимность и добровольность исследования.

В качестве основных инструментов исследования были использованы широко известная и хорошо зарекомендовавшая себя Шкала общей удовлетворенности целостной жизнью (SWLS, Satisfaction With Life Scale), предложенная Э. Динером с соавторами [4] и Шкала аккультурации к России (ШАР), направленная на оценку уровня психологической аккультурации, разработанная при непосредственном участии авторов данного исследования [1]. В российской традиции «процесс вхождения в новую культуру, постепенное освоение ее норм, ценностей, образцов поведения» чаще обозначается термином межкультурная адаптация [3]. В связи с содержательной близостью этих понятий мы считаем правомерным использовать понятия психологическая аккультурация и межкультурная адаптация как синонимы.

Уровень удовлетворенности жизнью исследованных нами латиноамериканских студентов оказался лежащим в широком диапазоне - от 7 баллов (min) до 25 (max) из 35-ти возможных. Согласно данным разработчиков SWLS очень высокий уровень удовлетворенности соответствует 25-29 баллам, средний уровень удовлетворенности равен 20-24 баллов, а результат 15-19 оценивается как «чуть ниже среднего», «слегка недоволен». У североамериканских студентов, по данным авторов методики, средний показатель равен 23-25 баллов. Хотя среднее значение показателя общей удовлетворенности жизнью у исследованных нами латиноамериканских студентов находилось в диапазоне среднего уровня ($M=19.3$), однако

величины медианы ($Me=18$) и стандартного отклонения ($SD= 6.3$), дают основание говорить о достаточно низком уровне удовлетворенности значительной части респондентов.

По показателям уровня аккультурации к России, определяемого с помощью Шкалы аккультурации (ШАР) среди респондентов также наблюдался большой разброс. Наименьший показатель равен 39 баллам, наибольший -100 баллам из 100. Среднее значение показателя аккультурации равняется 73 баллам, стандартное отклонение равно 14-ти. Наибольшие средние значения набрали пункты – « Мне нравится путешествовать по разным местам России» (4,345), «Я люблю русскую природу» (4,262) и «Я веду себя в соответствии с нормами и правилами России» (4,007). Меньше всего респонденты согласны с пунктами «Мне нравится русская еда» (3,097), «Я знаю много русских песен» (3,097) и «Я хотел бы жить в России много лет» (3,159) .

С помощью применения коэффициента корреляции Спирмена между уровнем удовлетворенности целостной жизнью и уровнем аккультурации латиноамериканских студентов к России выявлена высокая значимая положительная корреляционная связь ($r=0.354$, $p\leq 0.001$).

Таким образом, удовлетворенность жизнью латиноамериканских студентов, обучающихся в России, напрямую связана с уровнем их аккультурации и межкультурной адаптации. Поэтому даже для тех студентов, кто приехал в Россию исключительно для получения образования, важным является развитие их межкультурной компетентности.

Библиографический список:

1. Ардила А., Маслова О.В., Новикова И.А., Шляхта Д.А., Агилар Ю. Разработка и психометрическая проверка шкалы аккультурации иностранных студентов к России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 393–415. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-393-415>

2. Маслова О.В. Особенности межкультурной адаптации латиноамериканских студентов в России// Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2012, №2 , с.50-59
3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН «Академический проект», 1999.
4. Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction With Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13

РОЛЬ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В СОВЛАДАЮЩЕМ ПОВЕДЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

**Макадей Л. И., Осипова Н. В.,
Терещенко Э. В. (г. Ставрополь, Россия)**

При поступлении на военную службу, молодой человек попадает в совершенно другую обстановку, нарушается его привычный уклад жизни, и не все могут адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности, к совершенно новой социальной ситуации. Основными факторами напряжения, стрессорами для военнослужащих являются: строгий распорядок дня и необходимость беспрекословно выполнять приказы, пренебрежение многими своими желаниями ради интересов службы, невозможность заниматься хобби, любимыми занятиями, довольно сложно контактировать с семьей и окружающим миром. Особая социальная ситуация, действия стрессоров могут являться триггерами дезадаптивного поведения.

Один из базовых компонентов в деятельности психологов воинских частей является оценка уровня развития нервно-психической устойчивости и изучение личности военнослужащих, которые можно рассматривать как протективные факторы совладания со стрессовыми ситуациями, неизбежными и в повседневной жизни, но еще более усиливающимися в условиях несения воинской службы.

Под нервно-психологической устойчивостью подразумевается совокупность врожденных (биологически обусловленных) и приобретенных качеств личности, мобилизационных ресурсов и резервных психофизиологических возможностей организма, обеспечивающих оптимальное функционирование индивида в неблагоприятных условиях профессиональной среды.

В современной психологической науке пока еще нет полного и всестороннего психологического рассмотрения взаимосвязи типа личности и нервно-психической устойчивости лиц, находящихся в условиях постоянного стрессирования, выполнения экстремальных задач в повседневной деятельности. В связи с этим возникает актуальная потребность более глубокого изучения данной проблемы с тем, чтобы расширить систему представлений о взаимосвязи личностных качеств сотрудников экстремального профиля и их нервно-психической устойчивости и напряжения.

Изучение нервно-психической устойчивости у военнослужащих проводилось на базе воинской части 54801, г. Ставрополь. Всего исследованием было охвачено 160 военнослужащих, средний возраст которых 22 ± 4 .

Изучение нервно-психической устойчивости проводилось с использованием следующих методик: «Прогноз-2» и «Шкала нервно-психического напряжения». Для исследования личностных особенностей военнослужащих использовались методика определения типа личности Олдхэма-Морриса и Индивидуально-типологический опросник (ИТО).

Проведенное экспериментально-психологическое исследование показало, что у группы военнослужащих, которую можно охарактеризовать как успешно справляющуюся с экстремальными стрессовыми ситуациями, преобладает высокий (31,7%) и хороший уровень (61,6%) нервно-психической устойчивости коррелирующий со слабым уровнем нервно-психической напряженности (93,4%). Напротив, удовлетворительный и неудовлетворительный уровни (6,7%) нервно-психической устойчивости коррелируют с умеренной и чрезмерной нервно-психической напряженностью (6,6%).

Учитывая биопсихосоциальный характер существования человека надо полагать, что одних только достаточных биологических условий не достаточно для успешного совладания со стрессовыми ситуациями, возникающими в процессе несения воинской службы. Возможность рационального совладания со стрессом предоставляют как раз социально детерминированные психические структуры, в том числе и индивидуально-личностные характеристики.

В нашем исследовании было выявлено, что высокий и хороший уровень нервно-психической устойчивости (назовем эту группу «устойчивые») положительно коррелирует ($p \geq 0,01$) с такими личностными характеристиками как деятельный, самоуверенный, авантюрный, экстраверсивный, и отрицательно коррелирует ($p \geq 0,01$) с тревожностью, агрессивностью и отшельничеством. Для группы, имеющей умеренную и чрезмерную нервно-психическую напряженность (назовем эту группу «напряженные»), характерна положительная корреляция ($p \geq 0,01$) с такими личностными характеристиками как добросовестность, преданность, бдительность, отшельничество, интроверсивность, агрессивность, тревожность, сензитивность, лабильность, и отрицательную корреляцию с самоуверенностью и экстраверсивностью.

Обе группы – и «устойчивые» и «напряженные» – характеризуются как успешно выполняющие задания в условиях экстремальных нагрузок. Однако, если группа «устойчивых» более продуктивна в авангарде экстремальных событий, готова действовать быстро, четко, уверенно, адекватно реагируя на изменяющуюся обстановку, не осторожничая, бесстрашно, без сомнений идущая на риск. Группа «напряженных» выполняет функцию рефлексии событий, способна адекватно взвешенно оценивать всю опасность ситуации, основательно относится к своей работе и готова к внезапному изменению плана действий, к нейтрализации опасности. Для группы «устойчивых» характерно активное внешнее совладание со стрессом, военнослужащие данной группы способны обратиться за помощью к другим людям. «Напряженные», напротив, склонны переживать стресс в одиночку. «Устойчивые» уверены в собственных действиях, в том, что они правильно выполняют поставленные задачи, не

переживают о том, что о них скажут другие, а «напряженные» постоянно размышляют над собственными решениями, поступками, чувствительны к оценке окружающих. Очевидно, что работа в экстремальных условиях предполагает выполнение разнообразных задач, поэтому эффективность выполнения заданий зависит, в том числе, от разнообразия группы, от способности группы слаженно выполнять эти разнообразные задачи. В исследуемой группе военнослужащих успешно совладающих с экстремальными, стрессовыми ситуациями, преобладает достаточный уровень нервно-психической устойчивости, деятельный, самоуверенный, авантюрный, экстраверсивный типы личности; также в данной группе отмечается умеренный и чрезмерный уровень нервно-психической напряженности, добросовестность, преданность, бдительность, отшельничество, интроверсивность, агрессивность, тревожность, сензитивность, лабильность. Отмечающаяся в группе «напряженных» агрессивность, тревожность и лабильность указывает на необходимость первоочередной психологической работы именно с данной категорией военнослужащих.

Таким образом, способность к нервно-психической устойчивости в стрессовых ситуациях является важным условием в необходимой соответствующей психологической подготовке для военнослужащих, деятельность которых связана с экстремальными ситуациями. Однако, для того чтобы специалисты, находящиеся в стрессовой ситуации действовали рационально, адекватно, точно, нужно предусматривать соответствующую психологическую подготовку, которая для оптимизации психических состояний и поведения человека в экстремальных ситуациях учитывала бы и индивидуально-личностные характеристики.

Библиографический список:

1. Берг Т.Н. Нервно-психическая неустойчивость и способы ее выявления / Т.Н. Берг // Владивосток: Мор. Гос. Ун-т, 2005. – 63 с.
2. Битехтина Л.Д. Готовность к действиям в экстремальных ситуациях среди военных // Вопросы психологии. – 2005. – №11. – С. 41-47.

3. Психология экстремальных ситуаций. Учебник для вузов / под ред. Шойгу Ю. С. Изд-во Питер, 2019. – 272 с.
4. Чермянин С.В., Корзунин В.А., Юсупов В.В. Методологические аспекты диагностики нервно-психической неустойчивости у специалистов экстремальных видов деятельности // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2008. – № 6. – С. 49–54.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ-МИГРАНТОВ

Малышев И. В. (г. Саратов, Россия)

На сегодняшний день складывающаяся сложная политическая социально-экономическая обстановка в мире, создает определенные предпосылки для возникновения социальных рисков, оказывающих влияние и на взаимоотношения людей разных национальностей. Особое значение решение вопросов межнационального характера затрагивает жизнь людей проживающих на территории Российской Федерации, которая является многонациональным государством.

Смена постоянного места пребывания характерна абсолютно всем человеческим обществам. Миграционная деятельность населения осуществляется по ряду следующих целей и причин: политические, экономические, религиозные, образовательные. На сегодняшний день миграция становится обыденным процессом, однако острота связанной с ней проблемы не уменьшается. В психологическом плане сложность миграции связана с тяжелыми внутриличностными переживаниями мигранта об интеграции в новый социум, приспособление к совершенно новым условиям и обстоятельствам жизни. Следовательно, в процесс миграции, обязательно включен адаптационный компонент, который предполагает активную

деятельность мигранта по изменению собственных установок и стереотипов, связанных со стимулами новой окружающей среды. Адаптация представляет собой процесс приспособления человека к новым для него условиям жизни.

Как полагают В. В. Константинов и Н. А. Мали, миграция представляет собой во многом многообразный и сложный социальный процесс, связанный с переселением, населения или в пределах одной страны или перемещением из одной страны в другую. Данное явление в значительной степени влияет как на стабильность всего общества, так и на отдельную личность включенную в этот процесс [1].

Исследование психологической составляющей миграции и связанных с нею явлений невозможно без применения новых нестандартных подходов, в частности системно-диахронического подхода в аспекте социализации мигрантов[2], а также их социально-психологической адаптации [3]. Так, В. В. Константинов, предлагает авторскую системно-динамическую концепцию социально-психологической адаптации мигрантов в контексте принимающего поликультурного общества.

Автор определяет социально-психологическую адаптацию как нелинейный процесс, то есть от возникновения миграционных намерений, к непосредственному попаданию в среду проживания, адаптацию в ней, образованию в сознании субъективной демпферной среды и на завершающих этапах, выбора определенной стратегии поведения личности мигранта и в дальнейшем переходе к постадаптационному периоду.

Результаты исследования, раскрывают новые механизмы адаптации мигрантов и служат базой для формирования новейшего направления в области социальной психологии, которая ориентирована на изучение адаптации личности в поликультурной среде, а также разработки и эффективному практическому применению в области этнокультурной и миграционной политики страны [4].

В работе Р.М.Шамянова субъективное благополучие личности рассмотрено с точки зрения условий миграции. Важнейшими факторами его

являются социально-психологические и культурные характеристики принимающего сообщества, включая настроенность на принятие мигрантов. Существенной характеристикой адаптации мигрантов автор считает соотнесенность представляемых и воспринимаемых культурных и отношенческих феноменов в условиях миграции, опыта и предпринимаемой активности в интеграции в сообщество [5].

Акцент в процессе адаптации мигрантов следует сделать на подрастающем поколении, так как в одном образовательном пространстве оказываются учащиеся с разными культурными ценностями и стереотипами поведения, что в некоторых случаях может затруднить процесс установления оптимальных взаимоотношений. В этой связи особое внимание следует уделить проблеме психологической адаптации подростков, так как именно на этот этап приходится формирование ценностных ориентаций, направленности личности. В случае же дезадаптации возникает риск деформации смысловой сферы личности и нарушения процессов социализации-индивидуализации.

Так, ученые отмечают, что эмоционально учащиеся испытывают высокую тревожность, страх, неуверенность, беспокойство, а в ряде случаев даже чувство агрессии, гнева. В социальном плане возможны конфликты со сверстниками и взрослыми в школе и в семье, а на личностном уровне вероятны проблемы с самооценкой, нежелание общаться с окружающими [6].

Важное значение в профилактике негативных изменений личности подростков-мигрантов играет семья и правильные гармонически развитые взаимоотношения внутри семьи [7].

В этой связи, существенное значение имеют исследования, направленные на изучение подростков с делинквентными формами поведения, а именно их социально-психологические особенности. Характеристики их личности и возможности профилактических мероприятий необходимо учитывать при вхождении данных подростков в новую поликультурную среду [8]. На сегодняшний день актуальным представляется подготовка будущих

специалистов для работы с учащимися, в том числе с учащимися-мигрантами [9].

Немаловажное значение в создании нормальных условий для вхождения детей-мигрантов в новую среду и повышения мотивационной составляющей личности учащихся к учебной деятельности играет формирование системы профессиональной подготовке будущих педагогов к сотрудничеству с семьями учащихся [10].

Для этого необходимы определенные новые инновационные формы работы, нестандартные приемы и технологии в сотрудничестве педагога с семьей учащегося-мигранта [11].

Таким образом, актуальность изучения проблематики личности учащихся при вхождении в новую социальную поликультурную среду не вызывает сомнения. Особое значение при этом имеет изучение адаптационных возможностей личности-учащихся подростков, в частности характеристик их социально-психологической адаптации.

В эмпирическом исследовании характеристик социально-психологической адаптации использовался опросник К. Роджерса, Р. Даймонда. В исследовании приняли участие подростки-мигранты, обучающиеся в средних общеобразовательных школах Саратовской области в количестве 60 испытуемых (возраст 12-14 лет).

При изучении характеристик социально-психологической адаптации по шкале «адаптивности» ее уровень в средних значениях выявлен у 97% испытуемых, у 3% отмечены высокие баллы по данному показателю. Данный показатель отражает способность личности быстро реагировать на изменяющиеся условия существования во внешней среде, и легко адаптироваться к ним, (среднее арифметическое значение - 134 балла), что соответствует норме на данном возрастном этапе.

Низкий уровень дезадаптивности выявлен у 15% испытуемых, у 85 % он средний. Показатель «дезадаптивность» отражает неспособность личности

легко приспосабливаться и соответствовать требованиям ситуации жизнедеятельности (среднее арифметическое значение – 79).

По характеристике «приятие себя», который демонстрирует моральное отношение индивида к самому себе (среднее арифметическое значение – 43) высокий уровень выявлен у 12% испытуемых, средний у 88%. Среднее арифметическое значение по шкале «не принятие себя» равно 12 баллам. Большинство испытуемых имеют средний показатель. Можно сказать, что подростки одобряют себя в целом и имеют позитивную самооценку.

Показатель «приятие других» - дружелюбное отношение к окружающим людям, терпимость к слабостям и недостаткам других, среднее арифметическое равно 26 баллам. Высокие оценки имеют 21 % подростков, средние 79%. По показателю «неприятие других», который отражает негативное отношение, предвзятость, среднее арифметическое значение – 15. Высокий показатель по данной шкале имеют 3 % учащихся, низкий – 27%, средний – 70%.

При изучении показателей эмоционального комфорта - преобладание положительных эмоций, ощущение благополучия своей жизни, 97% испытуемых имеют средние значения, остальные 3 % - низкие оценки, что говорит о наличии отрицательного эмоционального состояния. Причем показатель среднего арифметического значения равен 24. По шкале «эмоциональный дискомфорт» 36% испытуемых имеют низкий показатель, остальные 64% средний, среднее арифметическое 15 баллов (норма).

Показатель внутреннего контроля – ответственность за происходящие в жизни события, человек в большей мере принимает на себя. По результатам нашего исследования средний уровень внутреннего контроля прослеживается у 97% респондентов, 3 % респондентов показали высокие результаты, среднее арифметическое 48 баллов.

Шкала «внешний контроль», которая отражает склонность личности приписывать причины происходящего в ее жизни внешним факторам, имеет среднее арифметическое значение равное 18 баллам, что соответствует

возрастной норме. Низкий уровень по данной шкале имеют 33% испытуемых, средний – 67%.

По шкале «доминирование», которая отражает стремление личности занимать лидирующие позиции, руководящие должности, среднее арифметическое значение равно 10 баллам (норма), большинство испытуемых имеют средний показатель. Показатель «ведомость» отражает уровень стремлений быть подчиняемы, готовность беспрекословно выполнять поставленные кем-то задачи. Среднее арифметическое значение по данной шкале равно 18 баллов, 3 % испытуемых имеют низкий уровень, 3 % - высокий, остальные 94 % - средний.

Шкала «эскапизм» (уход от проблем) отражает уровень избегания личностью проблемных ситуаций, стремление уйти в мир иллюзий. Среднее арифметическое значение - 15 , при этом у 6 % подростков выявлен низкий уровень по данной шкале, 3 % - высокий, 91% - средний.

В целом, анализируя средние показатели по методике СПА, мы видим относительно благоприятную картину социально-психологической адаптации подростков-мигрантов (см.рисунок).

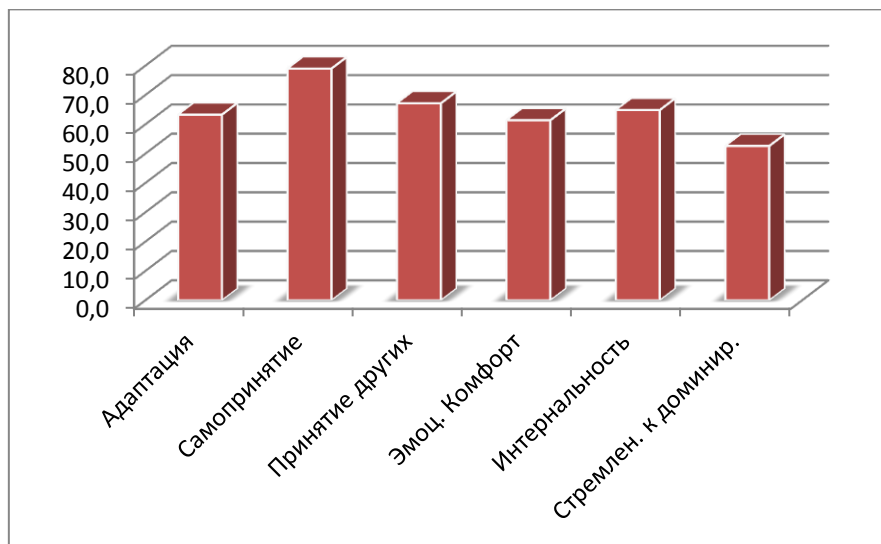

Рисунок 1. Средние значения по шкалам социально-психологических характеристик адаптации подростков-мигрантов

Одним из центральных интегральных показателей СПА является адаптация, означающая приспособление психической деятельности человека к

условиям окружающей среды. Средний показатель по шкале адаптация - 63% (средний уровень) говорит о том, что испытуемые умеренно приспособились, и функционирует в данном социуме, а также является предпосылкой для благоприятного дальнейшего психологического и личностного развития подростков-мигрантов.

Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод, что большая часть интегральных показателей социально-психологической адаптации подростков-мигрантов, находятся в пределах нормы, что свидетельствует о достаточно устойчивой социально-психологической адаптации подростков-мигрантов. Таким образом, в ходе эмпирического исследования прослеживается умеренно положительная социально-психологическая адаптация подростков-мигрантов. Успешность адаптации мигрантов мы связываем с обучением в едином национальном классе, а также с систематической небезуспешной работой психологической службы. В целом, исходя из сложности явления, целесообразно в дальнейшем организовать исследование, включающее более подробный анализ характеристик уровня социально-психологической адаптации учащихся-мигрантов и связанных с ней явлений.

Библиографический список:

1. Константинов В. В., Мали Н. А. (2016) Особенности психологической адаптации младших школьников, вынужденно покинувших территорию Украины. Начальная школа, (2): 32-35.
2. Шамионов Р. М. Принцип диахронии в исследовании социализации личности//Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 79-84.
3. Григорьева М. В. Диахронический подход к исследованию процессов социально-психологической адаптации личности//Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 54-58.

4. Константинов В. В. Системно-динамический подход к социально-психологической адаптации мигрантов / В. В. Константинов // Человеческий капитал. - 2018. - № 4 (112). - С. 49-62.
5. Шамионов Р. М. Характеристики субъективного благополучия личности в условиях миграции// Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 2-й Междунар. научн.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов. М., 2014. С. 193-199. URL: [http://tempus2013-16.novsu.ru/pluginfile.php/21/mod_page/content/70/Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире.pdf](http://tempus2013-16.novsu.ru/pluginfile.php/21/mod_page/content/70/Социально-психологическая_адаптация_мигрантов_в_современном_мире.pdf) (дата обращения: 05.09.2015).
6. Константинов В. В., Мали Н. А. Психологическая адаптация младших школьников, проживающих в России и вынужденных мигрантов // Мир науки. 2016. Т. 4. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/34PDMN416.pdf>.
7. Шаров А. А., Рудзинская Т. Ф. Влияние семьи на склонность к суицидальному риску в детском и подростковом возрасте//Вестник научного сообщества: Актуальные проблемы психолого-педагогического и специального образования: Сборник статей молодых исследователей. - М.: Издательство «Перо», 2015. С. 167-173.
8. Куприянчук Е. В., Блинкова Х. А. Социально-психологические особенности подростков с делинквентным поведением: сравнительный контекст//Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 4. С.69-75.
9. Галаев С. В. Мотивация профессионального развития будущих педагогов-психологов в условиях информатизации образования//Известия Саратовского университета. Новая серия, 2008. Т.8, Вып.2. С. 72-76.
10. Хуторянская Т. В. Подготовка студентов педагогического института к сотрудничеству с семьей школьника: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2011. 23 с.
11. Хуторянская Т. В. Технологические приемы сотрудничества учителя с семьей младшего школьника. Начальная школа. 2010. № 4. С. 3-5.

АДАПТАЦИЯ К ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ И СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ

Мартьянова Г. Ю. (г. Москва, Россия)

Любая ситуация представляет собой совокупность взаимодетерминирующих внешних и внутренних факторов, оптимальная интеграция которых и обеспечивает адаптацию к новым требованиям. Поскольку трудность ситуации обусловлена прежде всего напряжением вследствие нарушения ее структуры и отражения этого нарушения в субъективном представлении, регуляторные компоненты должны обеспечить устойчивость активности в структурных изменениях путем совладания с излишним напряжением. Психологическая адаптация личности, осуществляемая путем совладания с изменяющимися условиями, представляет собой процесс трансформации трудных ситуаций и определения в них иных смыслов. Совладающее поведение позволяет субъекту трудной жизненной ситуации овладеть ею, уменьшить требования, избежать или привыкнуть к ним и, соответственно, погасить стрессовое напряжение [3]. Совладание включает определенные способы преодоления человеком трудностей и должно всегда рассматриваться в конкретном социально-психологическом контексте [1].

Сама дефиниция «совладающее поведение» тесно коррелирует с зарубежным термином «копинг» (от англ. «to cope with»). Психоаналитическая теория рассматривает копинг как защитный механизм для ослабления психического напряжения; диспозиционные концепции определяют его как набор личностных черт, стабильно обуславливающих реагирование на стрессовые факторы. В ситуационном подходе копинг – это динамический процесс, вследствие которого индивид использует либо совладание, либо стратегии решения проблемы путем коррекции отношения «личность – окружающая среда».

Стратегии совладания условно делят на активные и пассивные, продуктивные и непродуктивные, конструктивные, компенсаторные и другие. Несмотря на подобное различие, выбор стратегии совладания всегда индивидуален и осуществляется с учетом предыдущего опыта (и регуляторного, в том числе), системы представлений о себе и мире, симптомокомплекса личностных свойств.

Мы выдвинули идею о том, что конкретные типы совладания дифференцированно проявляются при адаптации к трудным обстоятельствам жизни. Проверить это можно было только в естественных условиях жизни, когда субъект за счет внутренних ресурсов определенным образом приспособляется к трудным обстоятельствам. Для участия в эксперименте были отобраны испытуемые с различной оценкой трудной жизненной ситуации. Изначально выборка состояла из 281 человека, у каждого из которых изучались копинг-стратегии. Через 3–4 месяца (давалось время на адаптацию) проводилось повторное исследование интенсивности трудных жизненных ситуаций. Мы обращали внимание на два момента: снижение оценки интенсивности ранее обозначенных трудных ситуаций и отсутствие значимых новых. Одновременно психометрически проводилась диагностика уровня нервно-психического напряжения. Субъективное представление испытуемых о том, что им удалось успешно адаптироваться к трудным условиям выступало критерием репрезентативности выборки. Эмпирические данные испытуемых с нарушенной адаптацией из дальнейшего анализа исключались. На следующем этапе испытуемых, отобранных для участия в эксперименте, знакомили с результатами диагностики. Им указывали их копинг-стратегии, объясняя смысл каждой, и выясняли, насколько они удовлетворены тем способом, которым справляются с трудностями. 87% испытуемых показали полную удовлетворенность своими копингами, 13% – частично. Испытуемые, которые негативно отнеслись к собственным достижениям и согласились на коррекцию поведения, в выборку не вошли. Таким образом, была сформирована экспериментальная группа из 71 субъекта ситуации слабой напряженности, 76 –

интенсивно трудной ситуации и 72 человек, оценивших свою жизненную ситуацию как чрезмерно трудную. Напомним, оценки испытуемыми степени трудности жизненной ситуации проводилось в самом начале исследования.

Сравнение данных копинг-стратегий показало следующее. У субъектов ситуации слабой напряженности копинги, кроме избегания, по степени выраженности находятся в пограничном состоянии. Испытуемые тяготеют к таким стратегиям поведения в трудных жизненных ситуациях, как самоконтроль, принятие ответственности, планирование, позитивная переоценка и дистанцирование. Правда, последний показатель количественно выражен менее. Так же отмечается низкая степень враждебности, а избегание и готовность к риску почти отсутствуют в выборах испытуемых.

Во второй подгруппе (субъекты интенсивно трудной ситуации) прослеживается тенденция к применению непродуктивных способов реагирования: высокая степень усилий, направленных на отдаление от ситуации и уменьшение ее значимости, повышенная конфронтация, интенсивность агрессивных действий по изменению ситуации. Положительной тенденцией можно назвать снижение стремления и поведенческих действий, направленных на уход или избегание проблемы. Незначительно по сравнению с первой подгруппой снижаются показатели планирования, самоконтроля, позитивной переоценки ситуации, принятия ответственности за нее. В целом, можно говорить о том, что у этих испытуемых на достаточном уровне выражены копинг-стратегии по разрешению трудных ситуаций продуктивным способом. Они регулируют свои чувства и действия, понимают свою роль в возникновении проблемы, анализируют способы решения. Значительно увеличивается и выраженность потребности во внешней поддержке.

Испытуемые с оценкой ситуации как чрезмерно напряженной отличаются силой и мощностью стратегий избегания и дистанцирования: показатели этих копингов превышают остальные. Когнитивную оценку и отдаление от ситуации демонстрируют 64% испытуемых данной подгруппы, а стремление к избеганию проблемы – 71.7 %. Доминирующими, таким образом, оказываются негативные

копинг-стратегии. Уверенно проявляются тенденции поиска положительных аспектов в трудной ситуации и акцентирование внимания на собственном потенциале. Механизмы регулирования своих чувств и действий, а также планирование способов решения проблемы выражены меньше. Значимые результаты имеет и стратегия конфронтации: только третья часть испытуемых не проявляют враждебности по отношению к окружающему миру. Фактором риска можно назвать недостаточность прилагаемых усилий в поиске информационной, действенной или эмоциональной поддержки.

Современная психология, изучающая копинги и стратегии совладания, разделяет их на продуктивные и непродуктивные, относя к последним избегание, агрессию и другие. Наши результаты доказывают, что подобные стратегии могут способствовать успешной адаптации к трудной жизненной ситуации. Покажем это на примере дистанцирования, выраженного у большинства субъектов трудной ситуации напряженными пограничными значениями. Проявляется копинг преодолением негативных переживаний посредством снижения значимости самой ситуации. Использование рационализации, юмора, переключение на другие аспекты жизнедеятельности делает данную негативную стратегию успешной в процессе решения проблемных ситуаций. Интересно, что напряженное состояние дистанцирования, приводящее к абстрагированию от конкретности ситуации, испытуемыми воспринимается как необходимая норма, требуемое условие для адаптации. В этой связи согласимся с имеющимся в литературе мнением, что, если человек объективно не может ни избежать ситуации, ни воздействовать на нее, то функциональной адекватной копинговой реакцией будет когнитивная переоценка ситуации, придача ей другого смысла. Или стратегия избегания – единственная стратегия, динамика которой выражена ярко: от высоких дезадаптивных показателей (в ситуации чрезмерной напряженности) до полностью адаптивных (в ситуации слабой напряженности), подтверждает мнение, что если по объективным причинам нет возможности воздействовать на ситуацию, то ее избегание становится адекватной функцией совладания [2].

Добавим, однако, отрицание проблемы и отвлечения от нее, как инфантильные формы поведения в напряженных условиях, закрепляются в регуляторном опыте и трансформируются в устойчивые формы поведения. Еще одна популярная стратегия – конфронтация. Всем испытуемым свойственно при разрешении своих проблем использование непродуктивной активности. Несмотря на то, что конфронтация рассматривается как неадаптивный копинг, при умеренном использовании она направляет личность на сопротивление трудностям, даже определяет предприимчивость в конкретных ситуациях.

Вероятнее всего, степень успешности и эффективности указанных стратегий нужно рассматривать в сочетании с индивидуальным регуляторным стилем, где одним из элементов будет совокупность используемых копингов. Так, было замечено, что сочетание в профиле трех и более выраженных стратегий положительно коррелирует со снижением субъективной значимости трудных ситуаций. При этом сам набор копингов не связан с оценкой интенсивности ситуаций. Полагаем, что именно многообразие копинг-стратегий делает поведение вариативным: прогнозирует возникновение новых ситуаций, определяет усилия для разрешения возникших проблем, способствует оценке результата и способов воздействия на среду или самого себя.

Обобщая результаты, можно констатировать, что используемые копинг-стратегии помогают адаптироваться к трудным ситуациям и разрешать возникающие трудности. Респонденты в ходе постэкспериментального интервью показали, что они спокойнее относятся к новым профессиональным, семейным, экономическим и другим ситуациям, что у них появляется уверенность в своих силах, позитивные перспективы решения ожидаемых проблем. Применяемые механизмы совладания позволяют им удерживать самооценку, а сам контекст ситуации начинает подсказывать, как действовать.

Библиографический список:

1. Абдурахманов Р. А. Социально-психологический подход к анализу совладающего поведения // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2009. № 4. С. 60–65.

2. Баскакова С. А. Современные представления о способах совладания с психическими расстройствами // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. № 2. С. 88–96.
3. Блинова В. Л. Особенности жизнестойкости и копинг-поведения личности при разных типах готовности к саморазвитию // Вестник ТГГПУ. 2011. №4. С. 378–382.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ВРЕМЕННЫХ МИГРАНТОВ: ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мельничук М. Г. (г. Харьков, Украина)

Процесс адаптации иностранных студентов-мигрантов к новым условиям существования, как правило, весьма длителен и не всегда удачен. Успешная психосоциальная адаптация в образовательном пространстве невозможна без организации действенного сопровождения со стороны учебного заведения страны пребывания (поддержки, помощи, обеспечения и защиты). Учитывая это, требуют рассмотрения научно-практические основы организации деятельности педагогических коллективов по психологической реабилитации студентов-иностранцев и психолого-педагогическому сопровождению процесса их адаптации, с учетом накопленного отечественного опыта и международной практики. Кроме того, неотложной является необходимость разработки для временных мигрантов, как особо незащищенной группы, программ психосоциальной поддержки и социальной помощи, имеющих направленность на преодоление отчуждения в новой социокультурной среде и способствующих оптимизации адаптационного процесса [1; 3].

В отечественной и зарубежной психологии и психиатрии понятие психологической защиты (реабилитации) рассматривается как важнейшая форма реагирования сознания человека на психическую травму. Или как

направленная на редукцию эмоционального патогенного напряжения своеобразная перестройка, которая происходит в субъективной иерархии ценностей, в системах взаимосвязанных психологических установок и отношений [5; 8].

Согласно теории когнитивной адаптации, механизмами, с помощью которых психотравмированные индивидуумы восстанавливают свои взгляды на себя и окружающий мир являются позитивное переосмысление, выборочный подход и переоценка. С этой точки зрения, борьба со стрессом, вероятно, будет одним из наиболее результативных паттернов поведения человека в желании получить контроль над ситуацией и повысить самооценку. Важно отметить, что невзирая на фокусированность модели Ш. Тейлор почти исключительно на генерации позитивных когниций (о себе и случившемся травматическом событии), она может быть использована для выработки адаптивного поведения. Исследования показывают, что эти позитивные убеждения могут мотивировать людей к перемене своей жизни к лучшему [9].

Предоставление индивидам психолого-педагогической поддержки в рамках психосоциального подхода направлено на устранение внешнего или внутреннего конфликта и снижение уровня стресса от проблемной ситуации за счет применения процедур поддержки и модификации.

Основными моделями психосоциального подхода к предоставлению психолого-педагогической поддержки временным мигрантам, посетившим страну пребывания с целью получения образования, можно считать:

- 1) Метод, центрированный на задании (банк процедур для упрощения перцепции целевых проблем, состоящий из элементов функциональных и проблемно-ориентированных подходов, а также кризисных интервенций). Взаимодействие психолога и студента четко структурировано, директивно и ограничено во времени. Его последовательные шаги предусматривают: исследование специфики проблемной ситуации, планирование и выполнение задания, достижение целевой установки, урегулирование ситуации. Главными

составляющими успешности решения проблемы являются определение ее состояния и пунктуальное выполнение заданий [10].

2) Кризисно-ориентированный метод индивидуальной работы (комбинированный краткосрочный подход, использующий приемы практической психологии, психотерапии и рациональных дискуссий). Как правило, длительность основного этапа составляет 3-4 консультативных сессии, но при необходимости он может быть увеличен до 7-8 встреч. Метод обычно применяется в таких кризисных обстоятельствах, как вина, враждебность, тревожность, стыд и тому подобное. Психолог, смягчая социальную и психологическую напряженность студента, помогает ему принимать адекватные решения, подбирает для него релевантные модели поведения в сложившейся ситуации [2].

3) Рациональный метод индивидуальной работы. Базируется на принципах когнитивной теории и предположении, что интенсивность поступков по изменению ситуации зависит от волевого настроя человека. С использованием принципа «здесь и теперь», оценка состояния индивида фокусируется на мышлении, чувствах, поведении в реальном времени. Целью является изменение сознания личности, которое складывается из проявлений эмоций, представлений и поведения. Стратегии взаимодействия направлены на решение проблем; студенту предлагаются модели анализа и способы трансформации поведения в проблемной ситуации. Рациональный метод используется в случаях, когда студент требует помощи в осознании тяжелых жизненных обстоятельств и намеревается их изменить [6].

4) Терапия реальностью. В основе метода индивидуальной работы – стремление индивида чувствовать свою значимость, уважение и любовь со стороны окружающих, что требует определения соответствующих стандартов поведения. Целью является действенная поддержка человека в понимании и принятии ответственности за свои собственные поступки. Взаимодействие направлено на идентификацию каждодневного поведения студента, обучения его производительному общению без агрессии и конфронтации, которое не

ограничивает интересы других [4]. Таким образом, целью психосоциального подхода в психолого-педагогической поддержке иностранных студентов является нахождение равновесия между внутренней психической жизнью личности и ее межсистемными отношениями, которые имеют значительное влияние на процесс и качество жизнедеятельности. При таком подходе оптимистично рассматриваются потенции человека, положительно оценивается его личностный потенциал, а также способность к росту и развитию (при наличии достаточных ресурсов, условий и помощи). Сущностью поддержки является, прежде всего, эффективное участие в решении многочисленных психологических, межличностных и социальных проблем «индивида в ситуации» [7].

В целом, реализацию психолого-педагогической поддержки студентов-иностранцев мы рассматриваем как внедрение в учебный процесс личностно ориентированных технологий оптимизации процесса психосоциальной адаптации. Высшему учебному заведению предлагается трехкомпонентная программа психолого-педагогической поддержки временных мигрантов, которая состоит из психолого-диагностического обследования, медико-психологического консилиума и психолого-коррекционной работы.

Осуществление этого задания возлагается на штатных психологов вуза (работников социально-психологической службы), педагогов и кураторов учебных групп, которые должны обеспечить проведение широкого комплекса запланированных диагностических, реабилитационных и профилактических мероприятий.

Библиографический список:

1. Гурович И.Я. Психосоциальная терапия и психосоциальная реабилитация в психиатрии / И.Я. Гурович, А.Б. Шмуклер, Я.А. Сторожакова. – 2-е изд. – М.: Издат. дом «Медпрактика-М», 2007. – 492 с.
2. Жуков Ю.М. Методы практической социальной психологии. Диагностика. Консультирование. Тренинг : Учеб. пособие / Ю.М. Жуков, А.К. Ерофеев, С.А. Липатов и др. ; Под ред. Ю.М. Жукова – М.: Аспект Пресс, 2004. – 256 с.

3. Кагермазова Л.Ц. Социально-психологическая адаптация студента-мигранта в новых социокультурных условиях / Л.Ц. Кагермазова, Л.А. Галачиева // Педагогика и психология «Наука. Инновации. Технологии». – 2013. – №3. – С. 189 – 197.
4. Никишина В.Б. Психодиагностика в системе социальной работы / В.Б. Никишина, Т.Д. Василенко. – М.: Изд-во Владос-Пресс, 2004. – 208 с.
5. Психотерапевтическая энциклопедия / ред. Б.Д. Карвасарский. – изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2000. – 752 с.
6. Сафонова Л.В. Содержание и методика психосоциальной работы : Учеб. пособие / Л.В. Сафонова. – М.: Издат. центр «Академия», 2006. – 224 с.
7. Фирсов М.В. Психология социальной работы: Содержание и методы психосоциальной практики / М.В. Фирсов, Б.Ю. Шапиро. – М.: Издат. центр «Академия», 2005. – 192 с.
8. Ялом И. Групповая психотерапия: Теория и практика / И. Ялом; пер. с англ.: Г. Пимочкина, Н. Шевчук. – М.: Апрель Пресс, 2007. – 576 с.
9. Taylor S.E. Health psychology / S.E. Taylor. – 9th ed. – New York, NY: McGraw-Hill Education, 2015. – 430 p.
10. Woods M.E. Casework: A psychosocial therapy / M.E. Woods, F. Hollis. – New York, NY: McGraw-Hill Humanities, 1999. – 696 p.

К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИЯХ СТРАХОВ У ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ

Оникова Т. Н. (г. Пенза, Россия)

Проявления страхов актуальны для человека в любом возрастном периоде, но, наиболее остро проблема страхов проявляется в развитии и становлении личности в дошкольном детстве. Тревожный ребенок как феном социального бытия, это явление обыденное. Теоретический анализ работ по проблеме

детских страхов [1, 2, 5], позволяет нам констатировать факт наличия негативной динамики, связанной с ростом количества детских страхов. Недиагностированные страхи у детей могут дестабилизировать взаимоотношения в диаде «родитель – ребенок» и, могут негативно сказываться на социальной активности ребенка и его взаимоотношениях со сверстниками и взрослыми [2, 5].

Для современных детей характерна борьба со страхами, которых не существовало у их сверстников 2—30 лет тому назад. Например, страхов, связанных с сюжетами фильмов ужасов и компьютерных игр, перманентной, фактически неконтролируемой информацией о террористических актах в СМИ и т.д. Сущность феномена детских страхов в современной психологии определяется пониманием того, насколько существенно эмоциональные нарушения у детей влияют на развитие личности ребенка. Соответствующее психолого-педагогическое сопровождение эмоционально неблагополучных детей – есть одно из приоритетных направлений в работе психологической службы в образовании [5, 6, 7].

Безусловно, тревожность детей мигрантов может рассматриваться в контексте не только проблемного поля детско-родительских отношений, но и может быть рассмотрено в контексте проблемного поля адаптации и трансформации идентичности [4].

Дети с первых лет жизни могут бояться неизведанного, одушевляя предметы и сказочных персонажей, могут бояться животных, и при этом, следует отметить, что страхи ребенка абсолютно подлинны. В сознании ребенка, Баба Яга, не сказочный персонаж, а живое существо, возможно живущее по соседству. Со временем у ребенка складывается объективизированный характер представлений, когда он начинает мыслить абстрактно-логически, контейнируя свои чувства. В процессе развития, происходит усложнение психологической структуры страхов вместе с приходящим умением планировать свои действия и предвидеть действия других, появлением способности к сопереживанию, чувства вины и стыда, самолюбия и гордости. Эгоцентрические, основанные на

инстинкте самосохранения страхи дополняются социально-опосредованными, затрагивающими жизнь и благополучие других, прежде всего своих родителей и референтных лиц, а затем людей вне сферы его непосредственного общения. Рассмотренный процесс дифференциации страха в историческом и личностном аспектах – это путь от страха к тревоге, о котором можно говорить в старшем дошкольном возрасте.

У детей, живущих в отдельных квартирах, страхи встречаются чаще, чем у детей из коммунальных квартир, особенно у девочек. В коммунальной квартире много взрослых людей, больше сверстников, больше возможностей для совместных игр и меньше страхов. В отдельных, благоустроенных квартирах дети лишены непосредственного контакта друг с другом. У них больше вероятность появления страхов одиночества, темноты, страшных снов, одиночества, чудовищ и т.д. В первую очередь это относится к единственным детям, являющихся для некоторых родителей вещью, демонстрируемой в застекленной витрине их жизненного благополучия.

Недостаточная двигательная и игровая активность, а также отсутствие навыков коллективной работы стимулирует развитие у ребенка проявлений тревоги и беспокойства. Большинство детей не способны с прежним азартом играть в прятки, «казаки-разбойники» и другие игры и т.д. Отсутствие эмоционального – насыщенных, шумных, всегда захватывающих игр существенно обедняет эмоциональную жизнь детей и приводит к чрезмерно ранней и односторонней интеллектуализации их психики, мешая формированию конструктивного реагирования на стрессовые и конфликтные ситуации.

Пик страхов приходится на возраст 6–7 лет, в том возрасте, когда заметно уменьшается интенсивность связей между страхами, когда страх более сложно психологически мотивирован и несет в себе больший интеллектуальный заряд. На частоту появления страхов оказывает влияние количественный состав семьи, а также в полной или неполной семье растет ребенок. В 5-6 лет у мальчиков и девочек число страхов значительно выше в неполных семьях, что

подчеркивает особую чувствительность этого возраста к разрыву отношений между родителями. Именно в 5-6 лет дети в наибольшей степени стремятся идентифицировать себя с родителями того же пола.

В неполных семьях страхи чаще встречаются у детей, которые имеют брата или сестру, чем когда они единственные дети в семье или имеют брата или сестру одного с ними пола. Мальчики из неполных семей чаще, чем девочки, «обязаны» своей нервностью предшествующему их рождению алкоголизму отца. Одним из последствий алкоголизма родителей является понижение чувствительности эмоциональной сферы мальчиков, к тому же всегда более биологически уязвимых, чем девочки. Эмоциональное недоразвитие мальчиков, их недостаточная эмоциональная отзывчивость приводят к уменьшению остроты восприятия и выраженности страхов в целом.

Отметим, что на протяжении последних тридцати лет не теряет своей актуальности спектр проблем связанных с интеграцией мигрантов в принимающее общество. Однако, до настоящего времени остается малоизученной проблема страхов у детей из семей мигрантов, а количество таких детей в дошкольных учреждениях России лишь увеличивается. В связи с очевидной актуальностью, нами была сформулирована цель исследования – изучить особенности страхов у детей мигрантов, разработать и апробировать программу коррекции страхов у данной категории детей.

В качестве объекта исследования выступили индивидуально-психологические особенности детей мигрантов. Предметом исследования является специфика страхов у детей из семей мигрантов.

Нами были сформулированы гипотезы исследования: 1) существуют различия в проявлении страхов в количественно-качественном измерении у детей мигрантов. 2) разработанная нами программа является эффективным средством коррекции страхов у детей разных национальностей.

Эмпирической базой исследования стали муниципальное бюджетное дошкольное учреждение «Детский сад №31» города Пензы и муниципальное бюджетное дошкольное учреждение «Детский сад №109» города Пензы. Всего

в исследовании приняло участие 25 детей (12 детей из семей мигрантов из Узбекистана, Киргизстана и Таджикистана, а так же 13 детей из семей коренных местных жителей в возрасте от 5 до 7 лет).

Психологическая диагностика осуществлялась с помощью следующих методик: 1) «Нарисуй свой страх» (А. И. Захарова); 2) «Несуществующее животное»; 3) «Закончи предложение» (О. В. Хухлаевой).

В ходе проведенного исследования обе выдвинутые гипотезы получили свое подтверждение и мы можем утверждать о том, что существуют различия в проявлении страхов в количественно-качественном измерении у детей мигрантов и детей из семей коренных местных жителей, а так же, что разработанная нами коррекционная программа является эффективным средством коррекции страхов у детей, так как при повторной диагностике детей принимавших участие в групповой работе было выявлено ($p \leq 0,01$) снижение показателей страхов.

Библиографический список:

1. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: в 2-х томах. Т. 1, Психическое развитие ребенка. – М.: Педагогика, 1986.
2. Захаров А. И. Неврозы у детей и подростков. – М.: Трикста, 2001.
3. Изард Э. Психология эмоций. – СПб: «Питер», 1999.
4. Константинов В. В., Вершинина М. В. Взаимосвязь этнической идентичности мигрантов-армян и условий их проживания в принимающем сообществе. Психологический журнал. 2014. Т.35. №1. С. 71-79.
5. Константинов В. В., Копылова Л. Е. Особенности психологического сопровождения учащихся в процессе их школьной адаптации. Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. 2014. №1. С. 100-105.
6. Кравцова Е. Е. Психологические новообразования дошкольного возраста // Вопросы психологии. 1996, №6. С.64–76.

7. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / Академия педагогических и социальных наук, МПСИ. – М.; Воронеж, 2000.

НУЖНЫ ЛИ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ, РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА?

Осин Р. В. (г. Пенза, Россия)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00445 «Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: условия, факторы и механизмы»

На сегодняшний день трудно точно предсказать, как будет выглядеть общемировой рынок труда через 20-30 лет. По словам известного израильского писателя-футуролога Ю. Н. Харари «принято считать, что машинное обучение и роботизация изменят буквально всё – от производства йогуртов до преподавания йоги. Некоторые убеждены, что через каких-нибудь 10–20 лет миллиарды людей станут ненужными для экономики. Другие утверждают, что автоматизация и в долгосрочной перспективе будет создавать новые профессии и обеспечит рост благосостояния для всех» [6].

Мир стоит на пороге, а скорее всего его уже настигла так называемая четвертая промышленная революция, известная так же как «Индустрия 4.0» - массовое внедрение киберфизических систем в производство и обслуживание человеческих потребностей, включая быт, труд и досуг [8]. Она получила свое название от инициативы 2011 года возглавляемой бизнесменами, политиками и учеными, которые определили ее как средство повышения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности Германии через

усиленную интеграцию «киберфизических систем», или CPS, в заводские процессы [7]. В ходе новой промышленной революции изменения охватят самые разные стороны жизни: рынок труда, жизненную среду, политические системы, технологический уклад, человеческую идентичность и другие [2].

В отличие от предыдущих, четвертая промышленная революция развивается не линейными, а экспоненциальными темпами. На сегодняшний день ряд факторов свидетельствуют о том, что в сфере информационных технологий происходят революционные изменения: 1) возросла возможность хранения большого количества данных; 2) возросла мощность компьютеров (последняя модель iPhone более чем в 100 раз эффективнее первого суперкомпьютера, созданного в 1976 году); 3) разработка принципиально новых технологий обработки данных – нейронных сетей, которые позволяют выстраивать системы анализа данных и делать долгосрочные прогнозы [4].

Данные тенденции говорят о качественном переходе нашего общества в новое состояние. Признаками этого перехода являются цифровизация, а также искусственный интеллект, который в настоящее время проявляется в различных, пока еще не интегрированных в единое целое формах.

В декабре 2019 года президент РФ В.В. Путин отметил, что искусственный интеллект (ИИ) является одним из важнейших направлений развития страны. В.В. Путин: «Это важнейший вопрос нашего развития на перспективу. Вопрос нашей национальной безопасности и выживания вообще российского государства, потому что возможности ИИ будут влиять и на оборону и на темпы развития экономики» [3].

Создание систем искусственного интеллекта является вызовом для всего человечества. В январе 2017 года в Калифорнии в рамках конференции «Beneficial AI 2017», при участии таких видных исследователей и экспертов, как Рэй Курцвейл, Илон Маск, Стивен Хокинг, Демис Хассабис, Ян Лекун и др., были приняты Азиломарские принципы искусственного интеллекта, в соответствии с которыми должны проводиться дальнейшие исследования в

этой области. Данные принципы призваны обеспечить безопасность в использовании любых систем искусственного интеллекта [4].

Успехи в развитии различных технологий, которые накапливались на протяжении десятков лет привели в настоящее время к созданию широчайшего спектра производств, в которых человек практически не нужен. Такая ситуация кардинально меняет сложившуюся систему экономических и социальных отношений.

Современные трудосберегающие технологии приводят к тому, что новые производственные мощности, которые появляются в различных отраслях экономики, требуют гораздо меньшего числа рабочих мест. Более производительными за счет применения новых технологий становятся рабочие места даже в сфере услуг. Например, в США работа в ресторанах быстрого питания является местом работы для представителей низкоквалифицированного дешевого труда. Когда в 2011 г. компания McDonald's объявила о приеме на работу 50 тысяч человек, она получила 1 миллион заявлений от претендентов. В настоящее время уже разработаны и производятся роботы, которые готовят гамбургеры без участия человека. Поскольку средний ресторан в США тратит на зарплату сотрудникам, занятым приготовлением гамбургеров, примерно 130 тысяч долларов в год, приобретение робота будет окупаться менее, чем за год. По всему миру в ресторанах McDonald's занято около двух миллионов человек, следовательно, нововведение затронет большой рынок труда [5].

Как отмечает президент Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваб: «Многие категории профессий, в частности, те, что предусматривают механический монотонный и точный ручной труд, уже автоматизированы. За ними последуют другие категории, поскольку вычислительные мощности продолжают расти в геометрической прогрессии. Такие профессии, как юристы, финансовые аналитики, врачи, журналисты, бухгалтеры, страховые агенты или библиотекари, могут быть частично или полностью автоматизированы значительно раньше, чем можно предположить. На

сегодняшний день складывается следующая ситуация: четвертая промышленная революция создает меньше рабочих мест в новых отраслях, чем предыдущие революции» [9].

Получает в ближайшем будущем трудовая миграция из развивающихся стран в развитые перестанет быть необходимым условием экономического роста последних. В этом аспекте показателен пример Японии. Эта страна имеет очень высокую долю представителей старших возрастных групп в населении, рабочая сила сокращается, но трудовые мигранты практически отсутствуют. Промышленность продолжает развиваться в значительной степени за счет роботизации.

В развивающихся странах рост населения в трудоспособном возрасте все еще значителен, а местный рынок труда не способен поглотить всех ищущих работу. Закрытие рынка рабочей силы развитых стран станет большой проблемой для стран третьего мира. Переселиться в развитые страны даже при самой либеральной иммиграционной политике стран Запада сможет лишь небольшая часть населения развивающихся стран, так что необходимо будет формировать новые стратегии догоняющего развития.

В целом можно определить две группы сценариев в условиях качественно нового уровня развития трудосберегающих технологий.

Первый – благоприятный для демографических и социально-экономических процессов вариант. Это некоторое повышение рождаемости в развитых странах и ее понижение в развивающихся, продолжение сокращения смертности и повышение продолжительности жизни, становление новой географической структуры международных миграций с сокращением потока трудовой миграции в развитые страны, регулирование внутренних миграций и урбанизации в развивающихся странах.

Второй – неблагоприятный. Это еще большее сокращение рождаемости в развитых странах, но медленное ее сокращение в развивающихся, прекращение роста продолжительности жизни из-за проблем с финансированием здравоохранения, сохранение значительных миграций из развивающихся стран

в развитые и рост городов в развивающихся странах без роста промышленности и современного сектора услуг [1].

На практике сценарии частично будут реализовываться в различных странах по-разному, создавая многообразие вариантов. Однако в условиях глобализации ситуация в отдельных государствах может оказывать значительное влияние на другие страны.

В этих условиях резко вырастает значимость всех аспектов экономических, политических и социально-психологических шагов во всех странах. Новые технологии кардинально поменяют и рынок труда, и социальные условия и механизмы, которые были созданы сформировались в прежние времена. Потребуется создание новых механизмов и структур и перестройка имеющихся для устойчивого социально-экономического развития.

Библиографический список:

1. Акимов А. В. Влияние робототехники и трудосберегающих технологий на демографические процессы: тренды и сценарии / А.В. Акимов // Демографическое обозрение. - 2017. - №2. – С. 92-108.
2. Лисовский С. Конец аналогового мира: индустрия 4.0, или что принесет с собой четвертая промышленная революция [Электронный ресурс] / С. Лисовский // «Теории и практики».-URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/14610-konets-analogovogo-mira-industriya-4-0-ili-chto-prineset-s-soboy-chetvertaya-promyshlennaya-revolyutsiya> (Дата обращения: 09.03.2020)
3. Путин назвал искусственный интеллект одним из важнейших направлений развития России [Электронный ресурс] // Газета.ru. 19.12.2019. - URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2019/12/19/n_13833692.shtml (Дата обращения: 09.03.2020)
4. Синягин Ю.В. Изучение отношения руководителей к цифровизации и искусственному интеллекту / Ю.В. Синягин // Государственная служба. - 2018. - № 4. - С. 6-16. - URL: <https://drive.google.com/file/d/13yFt2vrmrcp--owxyCSXnE3qB5NfU-df/view> (Дата обращения: 09.03.2020)

5. Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы / М. Форд. - М.: Альпина нон-фикшн, 2016. - 430 с.
6. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари. - Издательство «Синдбад», 2019. – 535 с.
7. Хель И. Индустрия 4.0: что такое четвертая промышленная революция? // Hi-News.ru. 15.04.2015. - URL: <https://hi-news.ru/business-analitics/industriya-4-0-chto-takoe-chetvertaya-promyshlennaya-revolyuciya.html> (Дата обращения: 09.03.2020)
8. Четвёртая промышленная революция: интернет вещей, циркулярная экономика и блокчейн // Furfur.me. 26.01.2016. - URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/216447-4-aya-promyshlennaya-revolyuetsiya> (Дата обращения: 09.03.2020)
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. - М.: Издательство «Эксмо», 2019. - 208 с.

ЯПОНСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И ДЕТИ-МИГРАНТЫ В Г. САППОРО

Пайчадзе С. (г. Саппоро, Япония)

Начиная с 1990-х годов экономический кризис в Азии, снижение рождаемости и старение населения, а также повышение уровня образования местной молодежи, привели к нехватке рабочей силы в Японии. Это, в свою очередь, привело к необходимости привлечения иммигрантов. Однако, во избежание проблем с языковой и культурной адаптацией и из-за нежелания принимающего государства разрабатывать какие-либо адаптационные программы, в качестве рабочих-мигрантов привлекались выходцы из японской диаспоры. Для этого в 1993 г. были введены изменения в закон об иммиграции, облегчающие въезд потомкам японцев, проживающих в других странах [1]. В

результате, в качестве рабочей силы, в Японию переехало большое количество потомков японцев из Бразилии и других стран Латинской Америки.

Однако, несмотря на то, что у этих людей японские имена и лица, большинство из них не говорит на японском языке и у них совершенно иной культурный бэкграунд. По сути, они являются иммигрантами или, используя терминологию Т. Цуда, этническими возвращающимися мигрантами [2].

Кроме того, в Японии существует ещё один тип «возвращающихся мигрантов» – это группа людей, которые возвращаются по государственной репатриационной программе. Современные репатрианты – это люди, которые не смогли вернуться в Японию после окончания Второй Мировой войны. Они являются этническими японцами, представителями японско-корейских или русско-японских семей. После принятия государственного закона о репатриации 1994 г., который дает возможность переехать вместе с детьми на постоянное место жительства в Японию, начался активный процесс переселения. На 2014 г., только в Саппоро сахалинских репатриантов насчитывалось 168 чел. (276 чел. на Хоккайдо) [3].

Для Саппоро, где проживают только 15 тыс. иностранцев, Сахалинские репатрианты являются одним из важных меньшинств. Кроме того, они являются одной из важных составляющих русскоязычного сообщества на Хоккайдо.

В данной работе на примере г. Саппоро будут проанализированы особенности японской системы образования, проблемы детей мигрантов в японских школах и попытки их решения.

Особенности иммиграции в г. Саппоро и ее численность

Количество иностранцев в Саппоро относительно невелико. В последние несколько лет оно колебалось в районе 10 тыс. чел., хотя в 2019 г. выросло до 15 тыс. и ожидается новый его прирост, в связи с новыми программами по привлечению иностранных рабочих. Большинство иностранцев составляют китайцы (5118 чел.), корейцы из Северной и Южной Кореи (2830 чел.), вьетнамцы (1608 чел.), тайваньцы (616 чел.), американцы (612 чел.). На февраль

2020 г. в Саппоро проживает 313 чел.[4] русских. Однако, количество русскоговорящих людей превышает эти цифры, так как в эти данные не включены дети из русско-японских семей, имеющие двойное гражданство, а также представители бывших союзных республик, одним из языков общения которых продолжает оставаться русский. Не включены сюда и репатрианты, так как большинство из них имеет японское гражданство и они не учитываются как русские.

Точную численность детей с иностранными корнями, проживающих в Саппоро определить достаточно сложно [5]. Министерство просвещения Японии, учитывает только учащихся, которым необходимо дополнительное обучение японскому языку. Согласно его данным на 2017 г., ситуация на Хоккайдо является следующей.

Таблица 1. Учащиеся, нуждающиеся в дополнительном обучении японскому языку [6].

	начальные	средние	старшие	Всего
Иностранцы/японцы	83/37	23/7	18/7	125/51
кол-во школ	40/27	18/7	4/2	63/36

Что касается родного языка иностранных и японских учащихся на Хоккайдо, то Министерство просвещения предоставляет данные о носителях следующих языков: японского, английского, испанского, китайского, филиппинского, вьетнамского и португальского. Остальные языки объединены в категорию «другие». Однако, следует отметить, что опрос Министерства просвещения основан не на реальной ситуации в каждом регионе, а на представлении об иностранцах, которые доминируют в стране. Согласно данным Комитета по образованию г. Саппоро, в таблице 2 показано количество иностранных студентов, нуждающихся в изучении японского языка. Если посмотреть на разбивку по странам происхождения, представленную в

таблице 3, то можно увидеть, что россияне, которые не фигурировали в статистике Министерства просвещения, занимают третье место.

Таблица 2. Общее количество иностранных учащихся на 2017 г [7].

	начальные	средние	старшие	всего
количество учеников	208	55	нет данных	263
количество школ	79	32	нет данных	111

Таблица 3. Количество иностранных учащихся по странам на 2017 г [8].

	Китай	Ю. Корея	Россия	Монголия	Бангладеш	Непал
начальные школы	74	52	16	8	6	5
средние школы	17	16	4	2	2	3

По данным Министерства просвещения, во всех школах префектуры Хоккайдо обучается лишь 120 детей иностранцев и приравненных к ним детей с японским гражданством, нуждающихся в дополнительных занятиях по японскому языку. Однако, Комитет по образованию г. Саппоро, приводит данные, согласно которым только в столице префектуры, обучается 208 чел. иностранцев. Можно предположить, что Комитетом по образованию за основу подсчета взято гражданство учеников, а не их уровень владения японским языком. Хотя такая система подсчета так же не отражает действительности, потому что в нее не включаются дети с японским гражданством.

Например, субботней «Русской школой» и «Центром поддержки репатриантов из Китая и других регионов» совместно были собраны данные по количеству детей репатриантов с Сахалина. Согласно этим данным, количество русскоговорящих детей в г. Саппоро следующее.

Таблица 4. Количество детей и подростков репатриантов на 2017 г [9].

	дошкольники	младшие школьники	средние школьники	старшие школьники	студенты	всего

Хоккайдо	3	15	4	7	13	42
Саппоро	2	14	4	3	10	33
выехали					5	5

Во многом, отсутствие должного учета детей иностранного происхождения, связано с тем, что в Японии такие дети не включены в систему обязательного среднего образования. То есть, при желании они имеют право посещать японские школы, но японская система образования не несет за это какой-либо ответственности. Этот фактор оказывает влияние и на систему помощи детям-иностранцам, особенно в регионах, где нет их существенной концентрации. Таким регионом является и г. Саппоро.

Проблемы детей-иностранцев в японских школах

Можно выделить несколько блоков проблем, которые появляются у детей иммигрантов при поступлении в японские школы. Основные из них: освоение японского языка, освоение родного языка и культурная адаптация.

Освоение устного языка детьми происходит значительно быстрее, чем у взрослых. Однако, процесс первоначальной коммуникации и начало освоения языка детьми происходит значительно сложнее. При смене языковой среды и отсутствии какой-либо помощи, наступает невозможность пользоваться привычной системой коммуникации.

Например, зачастую можно наблюдать, как ребенок, без проблем общающийся на своем родном языке, попадая в новую языковую среду, на первом этапе либо замыкается и не общается вообще (не реагирует на окружающих), либо реагирует как человек, внезапно «лишившийся речи», т.е. реагирует исключительно на то, что попадает в его поле зрения, не обращая внимания на контекст, в котором происходит процесс социальной коммуникации. Оба эти состояния, зачастую, ведут к конфликтам ребенка в классе.

Несмотря на проблемы первичной адаптации, переехавшие в детском возрасте мигранты, достаточно быстро начинают говорить на японском языке. Многие исследователи в Японии, подчеркивают, что дети, выросшие здесь, не имеют коммуникативных проблем, то есть в полной мере овладевают разговорным языком. Однако, у многих из таких детей существуют проблемы на уроках, из-за недостаточного овладения когнитивно-академическим языком, необходимым при обучении [10].

Родной язык является инструментом для общения с родителями и основой для изучения японского языка. Дети, которые не говорят на родном языке, в случае возможного возвращения домой, могут иметь сложности в общении с семьей и друзьями. Многие родители, детей-иммигрантов, говорят о том, что если устный язык хоть как-то поддерживается, то с чтением и письмом имеется много трудностей. В результате, освоение школьной программы на родном языке так же становится затруднительным.

Культурная адаптация не менее сложный процесс, чем освоение языка. Как в свое время писал М. М. Бахтин, «Каждая эпоха и каждая социальная группа имеет свой репертуар речевых форм жизненно идеологического общения» [11]. К этому можно добавить, что каждая этнолингвистическая группа так же имеет свой репертуар общения. «Всякий знак, как мы знаем, строится между социально организованными людьми в процессе их взаимодействия. Поэтому формы знака обусловлены прежде всего как социальной организацией данных людей, так и ближайшими условиями их взаимодействия» [12]. Попадание в иную этнолингвистическую среду, связано не только с незнанием языка, но и форм социальной организации и коммуникации в этой среде. Представление об иерархии, о себе и других, «внутри» и «вне», о времени и т.д. отличны в каждой культуре. Знание формы слова (по Бахтину – «сигнала») не всегда означает знание смысла этого слова. Процесс освоения смысла слова в данной культуре, занимает более длительный период времени, чем запоминание «сигнала», т.е. слова.

Однако, зачастую в школах не передают значения необходимости овладения когнитивно-академическим языком и способами коммуникации в инокультурной среде. Это приводит к тому, что учителя в школе, при овладении ребенком разговорной речью, решают, что ему не нужна языковая поддержка при обучении и прекращают уроки японского языка. Еще меньшее внимание уделяется культурной адаптации. Во многом, это связано с тем, что школы не готовы принимать детей из иной этнолингвистической среды.

Система помощи детям-иностранцам в Японии.

В Японии не существует какой-то единой системы поддержки детей-иностранцев. Каждый регион формирует свою систему. В Саппоро существует три вида поддержки иностранных детей: официальная, полуофициальная и неформальная.

Официальная поддержка предоставляется городским Комитетом образования. Данная поддержка незначительна, прежде всего, она представляет собой «систему дополнительного учителя», то есть в школах, где подразумевается концентрация детей, не говорящих на японском языке, работает учитель, который им помогает. В настоящее время в четырех начальных школах, где сосредоточены дети-иностранцы, есть дополнительные учителя [13]. Однако, система не является гибкой, учитель прикреплен к определенной школе, его место работы не меняется в зависимости от востребованности в конкретной школе. Еще одна форма поддержки – это занятия по японскому языку, организованные Комитетом образования. Эти занятия проводятся вне школы, ученики со всех школ должны ездить в определенное время на занятия, проводимые в учебном центре «Черия». Целью занятий является овладение японским языком и адаптация к жизни в японском обществе. Данная форма поддержки, предлагается всем детям-иностранцам и репатриантам от начальной до средней школы, но только в том случае, если школа делает запрос о необходимости проведения подобных занятий. Для репатриантов с Сахалина и из Китая, в «Центре поддержки репатриантов» организуются занятия по японскому языку, но они в основном для взрослых.

«Полуформальная» поддержка. Непосредственно для организации уроков в школах Комитет образования г. Саппоро работает вместе с некоммерческой организацией (НКО) «Кодомо нихонго курабу» (Детский клуб японского языка) – это первая организация, которая была создана для поддержки японского языка в школах. Сейчас волонтеры из данной организации набираются Комитетом образования по просьбе школ, нуждающихся в преподавателях японского языка. Для преподавания японского языка лицензии не требуются. Работу волонтеры ведут бесплатно, оплачивается только проезд до школы. Преподаватели из данной организации в полной мере осознают необходимость преподавания не только разговорного, но и академического учебного языка. Однако, их работа ограничена одним годом, вследствие чего подобное преподавание становится невозможным.

«Неформальная поддержка» обеспечивает поддержку в обучении иностранных детей и детей-репатриантов по просьбе родителей и сообществ самих иностранцев. Например, организация под названием "Welcome House" основана на базе католической церкви и предоставляет поддержку в обучении в основном детям-филиппинцам. НКО «CaSA» (Child-assist Sapporo Association), о которой будет подробно рассказано ниже, оказывает помощь детям-иностранцам из различных стран, но ее тесная связь с субботней «Русской школой», приводит к концентрации здесь русскоязычных детей.

Кроме того, в Саппоро существует небольшое количество организаций, которые поддерживают изучение родного языка детьми иностранного происхождения. Существуют одна Корейская школа, и HIS (Международная школа на Хоккайдо), в которых ежедневные занятия проводятся на корейском и английском языке соответственно. Для репатриантов из Китая, которые являются носителями китайского языка, в «Центре поддержки репатриантов из Китая и других регионов» продолжительное время проводились занятия по китайскому языку. С 2001 г. в Саппоро открыта субботняя «Русская школа», которая занимается обучением русскому языку, как родному.

Совместная работа «Русской школы» и CaSA: попытки создания гибкой системы обучения. Субботняя «Русская школа» была создана в 2001 г., в настоящее время работает как общественная организация. В школе ежегодно обучается от 40 до 50 учеников, которые изучают русский язык как родной, как наследуемый или как второй язык. На 2019 г. здесь работало пять учителей. Предметами изучения являются русский язык, русская литература, всемирная история, изобразительное искусство, окружающий мир и ритмика. Кроме русского как второго, где используется японский язык, все предметы преподаются на русском языке. Занятия проводятся путем объединения детей примерно одного возраста и уровня русского языка в небольшие группы по 5-7 чел.

CaSA – это НКО, основанная в Саппоро в 2008 г. Организация занимается устными и письменными переводами для родителей и учителей, проводит обучение японскому языку с использованием родного, проводит мероприятия по ознакомлению японских детей с культурами мигрантов. Занятия проводятся индивидуально, преподается не только японский язык, но осуществляется обучение на нем по предметам, в зависимости от желания конкретного ученика.

«Русская школа» и CaSA работают в одно время, в соседних аудиториях, что дает возможность создавать гибкую систему обучения, видеть все проблемы учащегося, и оказывать одновременную поддержку в обучении японскому и родному языкам, а также освоению когнитивно-академического аппарата и навыков коммуникации. Постоянный контакт с родителями, дает представление о ситуации в семье и планах на будущее. Однако, для более успешной работы необходим постоянный контакт и с «формальной сферой поддержки», а именно со школами.

Библиографический список:

1. Ministry of Health, Labour and Welfare (2004). Online. Available HTTP: <http://www.mhlw.go.jp/houdou/2004/07/dl/h0720-1c.pdf>
2. Tsuda, T. 2009a. “Ethnic Return Migration: A Global Phenomenon”, Tsuda, T.

(ed.) Diasporic Homecomings, Ethnic Return Migration in Comparative Perspective, Stanford University Press, p.1.

3. Hokkaidō chūgoku kikokusha shienkōryū sentā. Sapporo ni okeru chūgoku kikokusha nado seikatsu jittai chōsa hōkokusho. Sapporo, Self-published report. 2014.

4. <https://www.city.sapporo.jp/toukei/geppo/geppo.html>

5. AokiM., Paichaze S., Tōyama T. 2014. “The Educational Situation and Issues of Children of International Students: Promotion of International Education Policies and Support System for Children of International Students”, Bulletin of Faculty of Education, Hokkaido University, p. 95.

6. http://www.mext.go.jp/b_menu/houdou/29/06/_icsFiles/afieldfile/2017/06/21/1386753.pdf

7. Из интервью автора с Комитетом образования г. Саппоро. Данные были опубликованы в: Paichadze S. 2018 “Ethnic Self-identity and Awareness of Language among Younger Generations of Sakhalin Returnees”, The annual review of migration studies (24), p.50.

8. Там же

9. Там же

10. Например, см. Выше ук. Aoki M., Paichadze S., Tōyama T. 2014.; Paichadze S. Chiba M., Sugiyama S. “The Education Problems of Foreign People and Returnee Students in Sparsely Populated Areas : The case of Sapporo City. The annual review of migration studies (18), 151-161.

11. Волошинов В.Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Комментарии В. Махлина. «Лабиринт», 1993г., С.25.

12. Там же.

13. См. выше ук. AokiM., Paichaze S., Tōyama T. 2014, p.95-9

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ПЕРИОДА, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО МИГРАЦИИ

Путилова Н. В. (г. Пенза, Россия)

Образовательная миграция носит положительный экономический характер для принимающей страны, однако влечет за собой ряд проблем как психологического, так и юридического характера.

Ключевым понятием поликультурного воспитания является межкультурное взаимодействие, при котором стороны, сохраняя этнокультурный колорит и своеобразие, воспринимают стратегии поведения представителя другой культуры или субкультуры.

Актуальность исследования обусловлена реакцией на глобализацию экономического, политического и культурного пространства и, как следствие, на увеличение числа этнокультурных диаспор.

Иностранные студенты сталкиваются с проблемами, которые имеют ярко выраженные культурные, этнические, национальные и социально-бытовые условия. Для успешной адаптации требуется комплексный подход, важно не только содействовать развитию профессионального мировоззрения, но и помогать в решении текущих бытовых вопросов, способствовать восприятию новой культуры.

Под адаптацией понимается деятельность, направленная на установление взаимоотношений между субъектом и окружающей средой. Основным способ адаптации мигрантов – принятие норм и ценностей, устоявшихся форм социального поведения новой социальной группы. [1]

Существует ряд причин, которые мешают успешной адаптации. Среди них выделяют различия в воспитании и мировоззрении, этические и моральные нормы, социальные и языковые барьеры.

В статье авторов из Германии исследуется связь между личностными качествами и намерениями людей мигрировать в страны, которые различаются по своей культуре. Используя данные, полученные от студентов университетов в Германии, авторы находят, что экстраверсия и открытость положительно связаны с миграционными намерениями, в то время как приятность, добросовестность и эмоциональная стабильность негативно связаны с миграционными намерениями. Открытость положительно и экстраверсия отрицательно связаны с готовностью переехать в культурно отдаленные страны после контроля географической дистанции и экономических различий между странами. Экстравертные и добросовестные люди реже предпочитают лингвистически отдаленные страны, чем приятные люди.[2]

Люди, которые хотят эмигрировать, обладают синдромом личностных характеристик, который отличает их от тех, кто хочет остаться в своей стране происхождения. Основываясь на собственных исследованиях, а также на результатах других исследований, авторы показывают, что те, кто хочет переселиться в другую страну, как правило, более ориентированы на работу и имеют более высокие достижения и мотивацию власти, но более низкую мотивацию принадлежности и центральность семьи, чем те, кто которые не хотят покидать страну своего происхождения. Этот синдром мигрантской личности рассматривается только как один из множества факторов, определяющих миграционное поведение. [3]

Зарубежными исследователями были предприняты попытки провести сравнительный анализ. В 1995 году проводилось исследование, касающееся личностных переменных студентов-медиков в связи с их академической успеваемостью на доклинической стадии. Сто один студент заполнил Анкету 16PF в начале своего обучения на медицинском курсе, и оценки были проанализированы относительно их оценок, полученных в конце 2-летнего доклинического этапа. Это исследование показывает, что такой вид анкетирования может быть полезным инструментом для определения личностных переменных у кандидатов, которые могут иметь академические

проблемы, и тех, кто может преуспеть на доклинической стадии медицинского курса. Студенты городского происхождения и старшие в семье показали лучшие результаты в доклинические годы. Производительность не была связана с полом, этнической группой, размером семьи или вступительной квалификацией в медицине. Личностные переменные: энтузиазм, азартность, самоуверенность, творческий подход, экспериментирование, находчивость и мотивация положительно коррелируют с эффективностью, тогда как уверенность в себе имеет отрицательную корреляцию. Проблемные студенты были более сдержанными, эмоционально менее стабильными и более озабоченными, чем не проблемные студенты. [4]

Инженерно-технические специальности имеют высокий уровень отсева, и как только студенты поступят в учебное заведение, вряд ли уже смогут перейти на другие специальности. Поэтому факторы, которые влияют на удержание, должны быть оценены заранее. В проведенном исследовании изучались взаимосвязи способностей и личностных качеств в прогнозировании удержания для постоянных учеников, тех, кто ушел с хорошей репутации, и тех, кто ушел с плохой репутацией.

Участниками исследования стали студенты первого года обучения с 2007 по 2010 год. Способность к удержанию оценивалась с помощью тестов «Оценка и обучение в пространствах знаний» (ALEKS) как мера готовности к исчислению, тесты на способности к обучению (математические и устные) и средний балл средней школы (ГПД). Черты личности были оценены с помощью пятифакторной инвентаризации NEO и мера контроля. Также были выполнены исследования со студентами, которые оставались в качестве контрольной группы.

Существенными предикторами способностей к удержанию были средние баллы средней школы, SAT математика и баллы ALEKS. Добросовестность была единственным значимым личностным фактором.

Математические навыки, особенно готовность к исчислению, были сильными предикторами удержания. Школьная успеваемость и

добросовестность также были важными предикторами. Применение этих результатов включает в себя помощь учащимся с недостатками, особенно в готовности к исчислению, а также создание среды, которая поощряет добросовестное академическое поведение. [5]

Исследователи из Норвегии сделали важный вывод о том, что иностранные студенты претерпевают значительный личностный рост в процессе обучения. Это важно учитывать, т.к. это может усложнять цели государства по возвращению или удержанию студентов-мигрантов, так как амбиции студентов могут меняться вместе с их личным развитием. [6]

С целью профилактики делинкветного и девиантного элементов поведения необходимо видеть всю картину целиком, включая внутренние составляющие поведенческого проявления: эмоциональные реакции, способность к саморегуляции и социализации, уровень развития когнитивных процессов, целеустремленность и мотивацию.

Большая часть проведенных исследований в сравнительном срезе является зарубежным опытом. В российской практике недостаточно сравнительных данных о периоде, предшествующему миграции, остается раскрытым вопрос о влиянии изначальных личностных качеств субъекта в домиграционный период.

Библиографический список:

1. Константинов В. В. Социально-психологическая адаптация мигрантов: теория и эмпирические исследования Москва: Перо, 2018. – 236 с.
2. Didier Fouarge Merve, Nezihe Özer, Philipp Seegers. (2019). Personality traits, migration intentions, and cultural distance. Papers in Regional Science. Vol. 98, Issue 6.
3. Bonka S. Boneva I., Frieze H. (2002). Toward a Concept of a Migrant Personality. Journal of Social Issues. Vol. 57, Issue 3.
4. Peng R., Khaw H.H., Edariah A.B. (1995). Personality and performance of preclinical medical students. Medical Education. Vol. 29, Issue 4.

5. Cathy W. Hall Paul J. Kauffmann Karl L. Wuensch William E. Swart Karen A. DeUrquidi O. Hayden Griffin C. Steve Duncan (2015). Aptitude and Personality Traits in Retention of Engineering Students. Journal of Engineering Education Volume 104, Issue 2.
6. Scott Basford, Micheline van Riemsdijk (2015). The Role of Institutions in the Student Migrant Experience: Norway's Quota Scheme Population. Space and Place. Volume 23, Issue 3.

ЛИБЕРТАРИАНСКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Романовская О. В. (г. Пенза, Россия)

Миграция – актуальная тема для нашей страны. В условиях демографического кризиса восполнение трудовых ресурсов как раз происходит за счет «гастенарбайтеров», приезжающих в нашу страну из стран Ближнего зарубежья (прежде всего, стран Средней Азии). Подобные сложности присутствуют и в Западной Европе, где также миграция рассматривается как способ решения проблемы рабочих рук. Именно поэтому долгое время европейские страны (в первые послевоенные десятилетия XX века) активно призывали к переезду выходцев из зарубежья, пропагандируя политику мультикультурализма. Считалось, что приезжающие смогут ассимилироваться, выстроить позитивные социальные связи, встроиться в европейскую модель поведения.

Конец XX – начало XXI века ознаменовалось появлением новых проблем. Последовательно европейские лидеры стали признавать, что обозначенный вектор политики провалился. В странах Западной Европы стали появляться целые анклавные, противопоставляющие себя официальной власти. Например, район Брюсселя – Моленбек (находящийся, кстати, в самом центре города) –

имеет нарицательное имя. В этом районе были даже попытки введения собственной «полиции нравов», следящей за соблюдением отнюдь не европейских ценностей [1]. Происходит последовательная замена духовных ценностей: отход от христианства и строительство мечетей. Как бы то ни было, но следует признать, что современная Европа выросла на основе христианских канонов, отказ от которых приведет к перестройке всего порядка организации социальной жизни. Изменяется культурный код европейцев.

Происходит ответная реакция: принимаются правила, ужесточающие миграционное законодательство, усложняющие возможность получения гражданства, вида на жительство. В то же время есть понимание многовекторности интересов. Понятно, что желательно отсечение мигрантов, не имеющих в себе позитивного потенциала (не способных к квалифицированному труду, нацеленных на социальное паразитирование, склонных к деструктивному поведению). При этом проблема «рабочих рук» одномоментно не разрешится. К тому же в богатых странах растет такое явление как трудовая апатия, когда благодаря высоким пособиям по безработице приобретает стойкое нежелание трудиться. Этому способствует автоматизация технологических процессов, роботизация производства. Вытесняются привычные профессии: на смену человеку приходит машина. В этом же направлении идет и развитие искусственного интеллекта. В странах Западной Европы обсуждается вопрос гарантированного дохода, когда государство выплачивает каждому гражданину определенную сумму денег только за то, чтобы он не работал.

Подобные противоречия указывают на то, что все проблемы миграции невозможно разрешить лишь одним установлением запретов. В Российской Федерации вопросы въезда на территорию нашей страны определяются Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Дополнительно порядок пересечения Государственной границы установлен Законом Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной

границе Российской Федерации». Каждый из приведенных нормативных актов вводит определенные запреты. Например, статья 26 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» закрепляет перечень оснований, при наличии которых может быть не разрешен въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства, среди которых:

- сообщение заведомо ложных сведений о себе или о цели своего пребывания в Российской Федерации;
- неоднократное (два и более раз) в течение трех лет привлечение к административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации за совершение административного правонарушения;
- участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности.

Перечень оснований достаточно обширен.

Для осуществления контроля за мигрантами вводится специальный миграционный учет, порядок осуществления которого регулируется Федеральным законом от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации утверждены Постановлением Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9. В указанных нормативных актах закрепляются обязанности иностранных граждан, запреты и требования. За нарушения миграционного законодательства устанавливается административная ответственность, вплоть до выдворения за пределы Российской Федерации.

Введение стимулов в миграционное законодательство также рассматривается как положительный опыт «мягкого» контроля за процессом перемещения иностранцев на территории нашей страны. Стимулирование в

настоящее время получило «второе дыхание», выразившееся в появлении нового учения – либертарианского патернализма. Либертарианство имеет значительное число сторонников, среди которых значительное число Нобелевских лауреатов (достаточно упомянуть Ф. Хайека [2] и М. Фридмана [3]). Данное учение построено на предоставлении полной свободы в экономическом развитии любого государства. Провозглашается полное открытие экономических границ, введение глобальной конкуренции. В этих условиях миграции предоставляется особая роль. Для закрепления глобальной конкуренции необходима полная свобода перемещения трудовых ресурсов. Граждане могут сами выбирать, где и как им трудиться, ища наиболее выгодные для себя условия.

Экономические кризисы скорректировали основные параметры либертарианства. Сейчас все больше указывают на необходимость протекционизма. Поэтому либертарианский патернализм (авторами которого стали Р. Талер и К. Санстейн [4]) ожидал мировой успех. Его концепция строится на необходимости подталкивания. Полная свобода может не привести к желаемому результату. Многие граждан – консервативны, аморфны и апатичны. Их необходимо подталкивать к определенной модели поведения. В этой части либертарианский патернализм настаивает, что должна формироваться архитектура выбора. Должны быть сформированы позитивные цели, для достижения которых недопустимо принуждение, но возможно подталкивание [5]. В этом проявляется некоторое отличие от стимулирования. Стимул направлен прямо на достижение нужного результата. Отсутствует сокрытие цели. Подталкивание учитывает человеческие «слабости». Некоторые лица действуют, не давая своим поступкам рациональное объяснение. Учет этих особенностей можно использовать для достижения сформулированного конечного результата.

Либертарианские патерналисты распространяют свои идеи практически на все стороны жизни: социальные, экономические, политические. Несмотря на присутствующую критику либертарианского патернализма, по-видимому,

следует использовать «рациональное зерно», заложенное в основу учения. Государство может определять необходимую полезную цель, и плавно подвигать граждан к достигаемому результату, не посягая на их свободу.

Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы. Данный документ во многом перестраивает национальную политику в указанной сфере: «Целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода». Элементы либертарианского патернализма можно наблюдать в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденной Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637. Программа направлена на объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями развития российских регионов. Совершенствование механизма реализации программы должно происходить за счет корректировки условий добровольного переселения востребованных специалистов (в том числе научных и педагогических работников, инженеров, врачей), фермеров, предпринимателей, инвесторов и выдающихся деятелей культуры и искусства с учетом их ожиданий и запросов, а также поддержки российских организаций, привлекающих таких лиц. Вводится понятие территории приоритетного заселения. Рассматривая идеи либертарианского патернализма нельзя не упомянуть о новом явлении – прекариате. Данный термин введен Гаем Стэндингом [6], он означает класс социально неустроенных людей. Выделяя

типы мигрантов (которые во многом и формируют прекариат), автор выявляет новую тенденцию – «детерриторизацию» («de-territorialisation») миграции: «Таким неуклюжим словом обозначается малоприятная тенденция. Внутри государственных границ начинают с подозрением относиться к людям, которые «внешне похожи на мигрантов»: их останавливают на улице полицейские либо дружинники и заставляют предъявить удостоверения личности и документы, подтверждающие их легальный статус». Подобное явление можно рассматривать как противоположность либертарианскому патернализму, когда в политику внедряется «подталкивание» к выдавливанию мигрантов из социальной жизни.

Указанные тенденции нуждаются в научном осмыслении. Должна быть найдена «золотая середина», обуславливающая ту миграционную политику, которая учитывала бы наши национальные интересы, способствовала притоку квалифицированных «рабочих рук», изначально нацеленных на построение позитивных социальных связей, а не на «спящий режим» деструктивного поведения.

Библиографический список:

1. Романовский Г.Б., Романовская О.В. Правовые основы противодействия терроризму в Бельгии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018 № 3. С. 77-81.
2. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
3. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
4. Талер Р. Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.
5. Рубинштейн А.Я. Институциональная эволюция патернализма. М.: Институт экономики РАН, 2015. 68 с.
6. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

НЕКОНТРОЛИРУЕМАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФОРМА ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Романовский Г. Б. (г. Пенза, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

Миграционные процессы влияют на российскую национальную политику по целому ряду причин. Во-первых, наше государство страдает от серьезных демографических проблем, связанных с отсутствием восполняемости человеческих ресурсов. С учетом того, что стала нарастать тенденция увеличения числа граждан пенсионного возраста, появляется значительное количество трудовых мигрантов. Они, в свою очередь, приезжают в Россию со своими семьями и детьми, что может привести к размыванию титульных наций. Во-вторых, наше государство и так в силу своего географического положения имеет определенные сложности в управляемости социальных процессов. Появление мигрантов, не имеющих общих связей с российской культурой, снижает уровень управляемости. Появляются целые анклавные сообщества, живущие по своим правилам, порождающие лишь разобщенность, взаимное недоверие и рост преступности. В-третьих, наши ближайшие восточные соседи имеют противоположные демографические интересы, связанные с расширением своих государственных границ и экспансией именно за счет нашего потенциального ослабления.

Миграция населения с давних времен приводила к вооруженным конфликтам. Достаточно вспомнить историю Римской империи, которую разрушили переселявшиеся племена германцев. В настоящее время с помощью регулирования миграционных процессов решаются также не только экономические, но и политические интересы. В условиях неразрешимого кризиса соседних государств каждое пытается минимизировать негативные последствия путем заселения своих границ теми гражданами, которые будут

отстаивать интересы собственной страны. Неблагонадежные отселяются под любым предлогом. Особо остро стоит такая проблема при наличии межнационального конфликта. И сейчас мы наблюдаем, как Израиль выстраивает сеть своих поселений вдоль границы с Сектором Газа, Ливаном и Палестиной. Турция активизируется по различным направлениям внешней и внутренней политики вплоть до введения своих войск на территорию Сирии, лишь бы отдалить курдов от собственных границ. В некоторых случаях такие процессы завершаются «горячей» войной.

Однако все большую «популярность» приобретают «гибридные войны», сочетающие в себе агрессивные меры и отсутствие реальных боевых действий. Концепция «гибридной войны» приобретает все большую популярность. Ю.Г. Федотова связывает такой вид войны с возрастанием социальной напряженности, искусственно подогреваемой в информационном пространстве [1]. Д.М. Щекин дополняет, что такая война связана и с экономическим «изматыванием» противника, нейтрализуя при этом актуальность значимых вооружений (их применение носит бесполезный характер, поскольку враг внешне не определен)[2]. Д.А. Райский подчеркивает, что гибридная война всегда ведется «чужими руками»[3]. Некоторые ученые слишком широко трактуют понятие, применяя его к различным сферам конкуренции. Например, к системе противодействия злоупотреблениям допингом в российском спорте (гибридная война включает в себя юридические, организационные и информационные действия против российского спорта)[4]. Миграция становится способом давления одного государства на другое (или на целую группу государств), занимая свое место в средствах ведения гибридной войны. Яркий пример связан с последними действиями Турции против Греции и стран Европейского Союза. Длительное время турецкие власти сдерживали поток переселенцев, не допуская их перемещения на территорию других европейских стран. Но как только Турция ощутила невозможность продвижения своих интересов в Сирии (в том числе, в силу наличия там российского вооруженного контингента), она попыталась шантажировать страны Западной Европы. В

течение нескольких дней февраля – марта 2020 г. более 140 тысяч выходцев из Сирии пересекли границу Греции и Болгарии. Необходимо напомнить, что указанные события разворачиваются на фоне общемировой паники вокруг распространения коронавируса. Все прекрасно понимают, что для Европы появление заболевания связано с отсутствием санитарных кордонов. Премьер-министр Греции Мицотакис назвал Турцию «официальным контрабандистом мигрантов». Канцлер Австрии Курц также обвинил Анкару в «атаке на ЕвроСоюз»[5].

Российское миграционное законодательство включает в себя ряд нормативных актов (укажем только основные):

- Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»;
- Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»;
- Постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2001 г. № 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации»;
- Правил подачи иностранным гражданином или лицом без гражданства уведомления о подтверждении своего проживания в Российской Федерации, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 января 2007 г. № 21;
- Положение об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 13 ноября 2012 г. № 1162.

Приведенные документы реализуют миграционную политику Российской Федерации, но, не предусматривая прямые запреты и ограничения, направленные на противодействие гибридным угрозам. Требования носят общий характер. И их целевое предназначение закрепляется в программных документах, среди которых особой место занимает Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622.

6 марта 2020 г. информационные агентства анонсировали миграционную реформу, инициируемую Президентом России В.В. Путиным. Некоторые поторопились сформулировать вывод о скоротечности предложений, сформированных в условиях меняющихся отношений со странами Средней Азии. Однако обращение к самому документу, который можно найти на официальном сайте[6], показывает, что произошло лишь утверждение конкретных поручений, направленных на реализацию упомянутой Концепции.

В Поручениях Главы государства (как и ранее в Концепции) констатируется неточность миграционных правил, отстающих от современных установок. Представлено, что современная ситуация связана с рядом серьезных сложностей: желание трудовых мигрантов уйти «в тень»; отсутствие заинтересованности в построении позитивных социальных связей и подчинении единым правилам поведения; появлению новых типов преступности (связанных с этническими группировками). В Концепции указывается на три ключевых направления развития миграционного законодательства:

- создание благоприятных условий переселения в Российскую Федерацию и получения, при желании, российского гражданства лицами, владеющими русским языком и близкими нам по ментальности и культуре;

- формирование понятных миграционных правил как для людей, готовых выбрать Российскую Федерацию в качестве нового места проживания, так и для тех, кто приезжает к нам на время, в качестве туриста, для работы, учебы или с другими целями;

– повышение уровня обеспечения безопасности, в том числе за счет более широкого внедрения современных информационных технологий в процедуры предоставления государственных услуг и осуществления государственного контроля.

Таким образом миграционное законодательство нацеливается на отсечение нежелательных переселенцев, создавая им максимально трудные условия для переезда на территорию Российского государства и получения нашего гражданства. В то же время российские правовые акты не учитывают реалии. Число мигрантов не снижается. Многие из них уже получили соответствующие паспорта граждан Российской Федерации. Представляется, что для минимизации гибридных угроз необходимо рассмотреть зарубежный опыт контролируемой миграции внутри страны. Так, в Соединенных Штатах Америки происходит апробация введения «зон контроля», нахождение мигрантов в пределах которых нежелательно, а иногда запрещено[7]. Допускается добровольно-принудительное переселение мигрантов. Аналогичные меры следует обсудить и в российском профессиональном научном сообществе.

Библиографический список:

1. Федотова Ю.Г. Государственный контроль, осуществляемый при привлечении граждан к участию в обеспечении обороны и безопасности Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 41 - 45.
2. Щекин Д.М. Баланс частных и публичных интересов и борьба с налоговыми злоупотреблениями в современной России // Закон. 2018. № 11. С. 32 - 43.
3. Райский Д.А. Национальная безопасность России в контексте сетецентрических войн в условиях меняющейся мировой архитектуры: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. С. 128 - 130

4. Понкин И.В., Редькина А.И. Европейский суд по правам человека и дела, связанные со спортом // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 4. С. 15 - 18.
5. Атака на Европу / <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3245118>
6. Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019 – 2025 годы / <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960>
7. Романовская О.В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 2 (18). С. 10-16.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Романовский В. Г. (г. Пенза, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

Актуальность террористических угроз в современном мире не снижается, скорее, наоборот: несмотря на значительные усилия большинства стран, число терактов увеличивается. В странах Западной Европы и США терроризм, в большей мере, рассматривается как внешняя угроза – форма влияния иных стран на национальную внутреннюю и внешнюю политику. Это связано, в частности, и с тем фактом, что во многих европейских странах отсутствовал специальный состав уголовного преступления террористического характера.

В Российской Федерации следует констатировать всю больше проявляющуюся связь миграции и уровнем преступности, имеющей террористический и экстремистский характер. Еще в апреле 2017 г. Директор Федеральной службы безопасности России А.Бортников на заседании Национального

антитеррористического комитета заявил: «Основной костяк террористических групп составляют граждане стран СНГ, прибывшие в Россию в потоках трудовых мигрантов» [1].

С.А. Бучаков, анализируя связь миграции с терроризмом, указывает: «Мигранты, участвуя в деятельности террористических организаций, представляют двоякую опасность. С одной стороны, они участвуют в террористических операциях и тем самым получают тот бесчеловечный опыт, который впоследствии позволяет им с лёгкостью совершать самые жестокие акции против мирного населения. С другой стороны, они представляют собой своеобразное «живое взрывное устройство», которое может быть приведено в действие в нужном организаторам терроризма месте и в нужное время. Иными словами, угрозы несут оба направления внешней миграции: из России за рубеж и обратно» [2].

Современные государства столкнулись с прямой зависимостью повышения террористических угроз от уровня миграции. В 2002 г. опрос, проведенный в США, показал, что 68 % респондентов объявили в качестве причины терактов 11 сентября 2001 г. отсутствие жестких иммиграционных законов и пограничного контроля [3]. Здесь следует отметить, что исполнители указанных преступлений въехали в США не как трудовые иммигранты, а по студенческим визам. В то же время террористы именно иностранного происхождения, въехавшие в страну в качестве иммигрантов или туристов, были ответственны за 88 процентов (или 3 024) из 3432 убийств, совершенных террористами на территории США с 1975 по конец 2015 года [4].

Западные страны активно продвигают трудовую миграцию, нуждаясь в рабочих руках, которые могут быть представлены выходцами из тех стран, которые имеют иные культурные ценности, отличные от западноевропейских. Анализируя данные обстоятельства, государства вводят различные защитные меры, но именно сейчас установление квот на прием иностранной рабочей силы приобретает совершенно иной оттенок. Если ранее, введение ограничений обосновывалось защитой трудовых прав собственных граждан, то в настоящее

время на первое место выдвигается тезис об обеспечении безопасности. Это связано с тем, что большинство иммигрантов не желает ассимилироваться, да и тезис о разделении ими европейских ценностей все больше подвергается сомнению. В 2011 году премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, президент Франции Николя Саркози и канцлер Германии Ангела Меркель публично согласились с тем, что политика мультикультурализма провалилась [5]. В США корректируется иммиграционная политика, которая непосредственно затрагивает трудовые права переселенцев. Предлагается вводить следующие ограничительные меры:

- запрет на въезд трудовых мигрантов из определенных стран (для них допускается только выдача туристических виз и только при установлении имущественного ценза, который гарантирует их возврат в собственную страну. В Нидерландах подобный запрет введен косвенными методами – обязательностью сдачи усложненного теста для выходцев из определенных стран, что резко снизило число мигрантов из Сирии, Ирака, Ливии, что вызвало осуждение со стороны правозащитных организаций [6]);
- разрешительный характер трудоустройства для выходцев из стран с высокой степенью террористических угроз (трудоустраиваться можно только у конкретного работодателя из аккредитованного списка);
- полный запрет на трудоустройство иностранцев на определенной территории;
- ограничения пользования социальными правами, вытекающими из трудоустройства (запрет на социальное страхование, получение пенсионных прав и др.) [7].

Проведенный опрос в странах ЕвроСоюза (в 2016 г.) показал, что около 49 % считают, что беженцы из таких стран, как Ирак и Сирия, представляют серьезную угрозу для их страны. 59 % согласны с тем, что приток беженцев увеличивает вероятность террористических угроз. Подобные настроения учитываются современными политиками и способствуют росту националистических настроений [8]. А.Е. Шапаров подводит некий итог: «Секьюритизация иммиграции превратилась в доминирующий императив при

принятии политических решений в сфере иммиграционной политики, вытеснив на периферию внимания экономические или гуманитарные мотивы» [9].

Секьюритизация социальной политики приводит также к тому, что все больше внедряются контрольные механизмы в отношении гуманитарных организаций, задействованных в оказании социальной помощи как иммигрантам, так и гражданам собственной страны [10]. Б. Хайес указывает на два вектора: внедрение режима передачи персональных данных (отказ от анонимной помощи) органам государства и управляемый контроль [11]. Каждый из них обуславливает все большее вмешательство государства во внутреннюю организацию «третьего сектора»: введение для общественных организаций обязательных отчетов перед органами государственной власти, прозрачность поступающих финансовых средств, внесение персональных данных получателей услуг в официальные реестры и др. Крайней мерой выступает политика «выдавливания» нежелательных организаций, что характерно для стран «третьего мира», где именно гуманитарные организации выступают основными распространителями социальной помощи. Следствием секьюритизации выступает также такое явление как «вторичная миграция» – управляемое перераспределение мигрантов по территории страны. Оно практикуется в США [12], его можно было наблюдать в странах ЕвроСоюза (что вызвало волны протеста в ряде стран, не желавших по квотам принимать мигрантов из азиатских стран). В Российской Федерации правовые основы борьбы с терроризмом изложены в специальном Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Приоритет мер предупреждения терроризма обозначен как один из принципов противодействия терроризма. Однако обращение к самому тексту закона показывает отсутствие конкретных профилактических правил, имеющих антитеррористическую направленность. Закон определяет режим контртеррористической операции, закрепляет полномочия спецслужб при ее проведении, возможности Вооруженных Сил России при использовании транспортных средств в террористических целях, предусматривает общий

перечень социальных гарантий лицам, пострадавшим от терактов, а также участвующим в противодействии терроризму. Зарубежные акты в этой части обозначают дополнительные полномочия правоохранительных органов по осуществлению профилактического контроля в отношении тех лиц, которые подозреваются в причастности к потенциально опасной деятельности, связанной (зачастую косвенно) с терроризмом [13]. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» также не устанавливает специальных правил противодействия террористическим угрозам. Лишь сравнительно недавно появилась норма о лишении гражданства России натурализованных лиц, совершивших теракт. Требование об ужесточении миграционных правил предусмотрено в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622. Поручения по ее реализации представлены Главой государства в марте 2020 года. Остается надеяться, что озвученный выше зарубежный опыт будет осмыслен отечественными правоведами. С учетом наших национальных интересов он будет воплощен в новых миграционных правилах, которые будут разработаны в соответствии с представленными Концепцией и поручениями Президента России.

Библиографический список:

1. Маслова В. «Основной костяк — мигранты»: глава ФСБ рассказал, откуда в России террористы / <https://russian.rt.com/russia/article/377520-trudovye-migranty-iz-sng-istoki-terrorisma-glava-fsb>
2. Бучаков С.А. Незаконная международная миграция и угроза терроризма // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16, № 2. С. 114–121.
3. Adelman H. Canadian Borders and Immigration Post 9/11 // International Migration Review. 2002. Vol. 36. № 1. Pp. 15-28 / <https://yorkspace.library.yorku.ca/xmlui/handle/10315/9730>

4. Nowrasteh A. Terrorism and Immigration: A Risk Analysis (September 13, 2016) / Cato Institute Policy Analysis № 798 / https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa798_2.pdf
5. Sunderland J. For Europe, Integrating Refugees Is the Next Big Challenge / <https://www.hrw.org/news/2016/01/13/europe-integrating-refugees-next-big-challenge>
6. Netherlands: Discrimination in the Name of Integration. Overseas Integration Test Infringes on Rights of Migrants / Human Rights Watch / <https://www.hrw.org/news/2008/05/14/netherlands-discrimination-name-integration>
7. Choi Seung-Whan. Does Restrictive Immigration Policy Reduce Terrorism in Western Democracies? // Perspectives on Terrorism. 2018. Vol. 12. № 4. Pp. 14-25 / <https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2018/issue-4/02-choi.pdf>
8. Stokes B. The Immigration Crisis Is Tearing Europe Apart / Foreign Policy. July 22, 2016 / <https://foreignpolicy.com/2016/07/22/the-immigration-crisis-is-tearing-europe-apart/>
9. Шапаров А.Е. Тенденция секьюритизации иммиграционных политик Великобритании и Канады // Социум и власть. 2012. № 4. С. 50.
10. Романовская О.В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 2 (18). С. 10-16.
11. Hayes B. Migration and data protection: Doing no harm in an age of mass displacement, mass surveillance and «big data» // International Review of the Red Cross. 2017. Vol. 99. № 1. Pp. 179–209 / https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/316305BCAE2D9EF828246E2B97C108E7/S1816383117000637a.pdf/migration_and_data_protection_doing_no_harm_in_an_age_of_mass_displacement_mass_surveillance_and_big_data.pdf
12. Bloem J., Loveridge S. The Costs of Secondary Migration: Perspectives from Local Voluntary Agencies in the USA // Journal of International Migration and

13. Безрукова О.В., Капитонова Е.А., Кулешова Г.П. и др. Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом. М.: Юрлитинформ, 2019. 232 с.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ

Ромашева Ж. Ж. (г. Москва, Россия)

В связи с увеличением эмиграционных потоков среди населения ученые задались вопросом изучения причин, повлекших за собой переезд в другую страну.

В ходе многочисленных исследований были выделены различные классификации факторов, предшествующих эмиграции. Факторы, оказывающие влияние на планирование отъезда или принятие решения о переезде, в первую очередь, подразделяют на экономические и неэкономические, выталкивающие и притягивающие [3; 4; 7]. Высокая стоимость жизни, неудовлетворенность работой и заработной платой, высокие тарифы на коммунальные услуги, безработица, низкий уровень дохода, высокие налоги – все это относится к экономическим детерминантам, которыми оперируют СМИ, государственные органы при рассмотрении причин перемещения населения. Однако наряду с экономическими немаловажную роль играют, а зачастую и являются основными предикторами эмиграции, неэкономические факторы [3; 4; 8].

В свою очередь, и экономические, и неэкономические факторы могут как выталкивать потенциального мигранта из страны, так и удерживать его в своей стране. Среди сдерживающих неэкономических факторов ряд исследователей выделяют социальные связи в пределах места проживания, привязанность к

месту жительства, характеризующуюся выстроенными взаимоотношениями с близким окружением [4; 8; 12]. Согласно результатам Всероссийского опроса о миграционных настроениях населения в пределах страны, проведенного в октябре 2019 года Всероссийским центром изучения общественного мнения, 50% из 1600 опрошенных живут в родном городе и не намерены никуда переезжать. При этом 18 % из них отметили свое отрицательное отношение к переезду, потому что их семья, родные и друзья проживают в их нынешнем месте жительства [5]. Как правило, женщины состоящие в браке, имеющие детей, реже демонстрируют намерения мигрировать, так как связаны тесными родственно-семейными взаимоотношениями. О чем констатируют в своем исследовании О.Ю. Зотова и С.В. Мостиков [2], по данным которого для женщин с низким уровнем миграционных намерений ценными являются брак и семья. Более того, в исследовании Е.О. Скрипник жителей Хабаровского края 77,5 % из 450 опрошенных ответили о значимости для них социальных связей в месте жительства и это одна из причин, удерживающая их на родине [8]. Иными словами, крепкие семейные и дружеские отношения между потенциальным мигрантом и его близким окружением в месте проживания могут удержать его от принятия решения об эмиграции. В то же время наличие прочных социальных связей может выступать также в качестве притягивающего фактора и стимулировать миграцию. Так, по данным Всероссийского опроса о миграционных настроениях россиян в пределах страны, среди наиболее популярных причин переезда из своего родного населенного пункта можно выделить следующие: из-за переезда всей семьи (11 %), в связи с замужеством / женитьбой (11 %) или по иным семейным обстоятельствам (11 %) [5]. Касательно международной миграции составление планов переезда потенциального мигранта в большинстве случаев связано со страной, где уже проживают его друзья, родственники, близкие ему люди, и это один из притягательных факторов. Близкие люди, которые находятся за границей, являются примером успешной эмиграции. На этот же факт обращает внимание М. Грановеттер, констатируя, что люди редко переходят к действиям,

опираясь на сведения, полученные через СМИ или какие-либо другие, не подтвержденные источники. Информация должна пройти через их личные связи и тогда она будет значима [9]. Более того, В.В.Константинов в своей работе упоминает о таком эффекте, как эффект подражания или сложившийся шаблон поведения. Если есть пример положительной эмиграции среди близкого окружения потенциального мигранта, то часто срабатывает данный эффект [3]. В исследовании А.А. Вяльшиной также подчеркивается значимость родственных и семейных связей как источника информации и поддержки потенциального мигранта при принятии решения о миграции. В частности, исследователь отмечает, что будущие намерения выпускников сельских школ остаться в родном селе или переехать в более перспективный населенный пункт связан с возможностями их родителей и определенной стратегией жизнеустройства [1]. Анализ роли связей ближайшего социального окружения с миграционными намерениями как внутри своей страны, так и за ее пределами, представлен в широкомасштабном охватывающем 150 стран исследовании Манчина и Оразбаева [12]. Согласно результатам данного исследования, люди, которые намерены эмигрировать, как правило, выезжают из домохозяйств всей семьей, большим количеством взрослых и детей. Потенциальные эмигранты имеют больше родственников за рубежом, чем те, кто намерен мигрировать внутри своей страны. Также люди, имеющие намерения мигрировать на международном уровне, отметили, что они посвящают много времени общению с друзьями, родственниками, членами семьи за пределами их актуального места проживания. Потенциальные мигранты определили, что они имеют возможность рассчитывать на финансовую и моральную поддержку семьи и друзей в случае возникновения проблем уже в новом месте проживания. Уверенность в такой поддержке и помощи дает человеку, планирующему эмигрировать, стимул к принятию положительного решения о переезде [12].

При этом близкие/тесные социальные связи (наличие друзей, семьи за границей) увеличивает вероятность перехода эмиграционного намерения в эмиграционное поведение. Широкие социальные сети, т.е. связи с такими же

потенциальными мигрантами, повышают формирование намерений о миграции внутри своей страны на 20 % и намерений о миграции за ее пределы на 19%.

Наличие социальных сетей за рубежом, осуществляющих денежные переводы на родину, увеличивают вероятность международной миграции по сравнению с теми, кто таких переводов не производит. Более значимо влияние таких сетей на принятие решения об эмиграции лицами, имеющими среднее образование, по сравнению с лицами, имеющими высшее образование.

С другой стороны, следует обратить внимание на тот факт, что отсутствие тесных связей (собственная семья, наличие детей), удерживающих в актуальном месте проживания, повышают вероятность возникновения намерения эмигрировать. Так, С.В. Рязанцев [6, ссылка по Протасовой, 2019] указывает, что мужчины трудоспособного возраста, одинокие (не состоящие в браке), высокообразованные обладают большей миграционной подвижностью, чем состоящие в браке. Такие же результаты были получены исследователями Манчин и Оразбаевым [12].

Намерения эмигрировать имеют молодые, одинокие мужчины, не связанные семейно-брачными узами, с более высоким уровнем образования. Следует добавить, М. Бойд утверждала о влиянии на решения о миграции наличие цепочек связей на микроуровне, соединяющих людей в пространстве [11, ссылка по Чмыхало, 2003 с. 8]. Изучение сетей подобных цепочек, охватывающих круг личных, родственных, семейных связей (внутри семьи, между друзьями, внутри локальной общности) дает понимание структуры миграционного процесса, в том числе и факторов, влияющих на перемещения. Для анализа таких связей выделяют несколько параметров [10]: характер связей (непосредственные или опосредованные); интенсивность связей (как часто люди находятся в контакте друг с другом); роль связей в оказании поддержки (обращение к близким людям, родственникам в трудных ситуациях или ситуациях требующего этого); «открытость» или «закрытость» по отношению к людям, не относящиеся к близкому окружению.

Вызывают интерес данные проведенного исследования Е.О. Скрипник, где утверждается о возможности «воспитания» миграционных намерений. Суть «воспитания» заключается в том, что респонденты, имеющие сильную мотивированность на переезд, желают, чтобы их дети проживали в другом населенном пункте, тем самым формируя определенную жизненную траекторию своих детей [8]. Результаты проведенного нами теоретического анализа позволяют сделать общие выводы:

1. Опираясь на данные, проведенных исследований, вышеуказанных авторов, можно выделить следующие типы социальных связей, в основе которых лежат взаимоотношения между индивидами либо группами: родственно-семейные; дружеские; профессиональные; общественные.

2. На возникновение намерения эмигрировать существенное влияние оказывают неэкономические факторы, а именно социальные связи.

3. Социальные связи микросоциального окружения, т.е. семья, друзья, родственники в актуальном месте проживания могут выступать сдерживающим фактором от эмиграции.

4. Оказание близкими людьми моральной и материальной поддержки потенциальному эмигранту, наличие социальных связей в планируемом месте проживания, а также отсутствие удерживающих брачно-семейных отношений на родине увеличивают вероятность эмиграции.

Библиографический список:

1. Вяльшина А. А. Семейные факторы формирования миграционных намерений выпускников сельских школ // Научный журнал Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 2. С. 98-106.
2. Зотова О.Ю., Мостиков С.В. Психологические особенности россиянок с различным уровнем миграционных намерений // Современное образовательное пространство: Психологическое благополучие и культура безопасности. Сборник докладов межрегиональной конференции с международным участием. Екатеринбург. 15-16 февраля 2017 г. С. 74-77.

3. Константинов В. В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в принимающем поликультурном обществе: автореф. дисс...доктор. псих. наук. Саратов, 2018. 379 с.
4. Кузнецова С.А. Возможности изучения миграционных намерений в социальной психологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 3. С. 60-65.
5. Охота к перемене мест: зачем и почему? // ВЦИОМ. 30.10.2019. № 4091. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9976> (дата обращения: 15.02.2020).
6. Протасова Т. Н. Оценка места жительства как фактор формирования миграционных установок жителей Кузбасса // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические. 2019. № 4(4). С.367-375.
7. Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. Том. 20. № 2. С. 51-61.
8. Скрипник Е. О. Миграционные намерения городского населения Хабаровского края // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 42-57.
9. Фитисова А.В. Проблема фундаментальной концептуализации социальной связи в исследованиях М. Грановеттера // Universum: общественные науки. 2017. № 11 (41). С. 9-13.
10. Хахулина Л. Человек в системе социальных связей // Вестник общественного мнения. 2006. № 1. С. 39-49.
11. Чмыхало А.Ю. Миграция и проблемы социального развития: Учебное пособие / Томский политехнический университет. Томск. 2003. 164 с.
12. Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate // World Development. Elsevier. 2018. № 109(C). pages 360-374.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАДЕЖНОСТИ СПОРТИВНЫХ ГРУПП В НАПРЯЖЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Сарычев С. В., Демин И. В. (г. Курск, Россия)

Предмет исследования. В психологии спорта во второй половине двадцатого века серьёзно поставлена проблема надёжности спортсменов, предприняты интересные попытки наполнить понятие «надёжность» психологическим содержанием и переосмыслить в психологическом контексте ряд близких понятий – устойчивость, работоспособность, эффективность, отказ и др. Применительно к предмету психологии спорта основные аспекты надёжности рассматриваются в свете управления надёжностью спортсменов, ее моделирования и прогнозирования. В обобщающей работе В.А. Плахтиенко и Ю.М. Блудова «Надёжность в спорте» анализируются четыре группы определений понятия надёжность применительно к объекту исследования: надёжность соревновательной деятельности спортсмена, надёжность спортсмена в том или ином виде спорта, надёжность технического мастерства спортсмена, психическая надёжность спортсмена [5].

Определяя надёжность, авторы монографии опираются на философскую интерпретацию понятия организованность, разработанное Л.А. Петрушенко [4, с. 9] и М.И. Сетровым [8; 9], полагающих, что организованность системы является показателем ее надёжности. Организованность тем выше, чем выше устойчивость структуры, ее элементов и мобильность ее функций. В итоге В.А. Плахтиенко и Ю.М. Блудов [5] приходят к интерпретации надёжности с позиций системного подхода и определяют соревновательную надёжность в спорте как системное, интегральное, комплексное качество, позволяющее спортсмену успешно выступать на ответственных соревнованиях в течение определенного времени. Данное определение чрезвычайно близко по

содержанию к определению функциональной надёжности человека-оператора, используемому в инженерной психологии [1].

Близко к этой точке зрения и определение психической надёжности спортсмена, данное В.В. Давыдовым: «... стабильность эффективности выступлений спортсмена, некоторый психологический резерв, позволяющий предотвратить соревновательный стресс» [5, с.3].

Весьма интересны исследования психической надёжности спортсмена, базирующиеся на идее Б.Ф. Ломова и В.И. Мясникова [3] о том, что надёжность характеризует, прежде всего, потенциальные резервы человека, а эффективность – преимущественно наличие тех или иных свойств. Авторы этих работ понимают надёжность, прежде всего, как сохранение высокой результативности в напряженных условиях (и независимо от условий). Так, в исследовании В.Л. Марищука психическая надёжность спортсмена рассматривается как стабильность, отсутствие срывов в выступлениях, что предполагает сохранение или превышение на соревнованиях лучших результатов, показанных на тренировках [10, с. 8].

Программа и методы исследования. В соответствии с предметом исследования нами была выработана общая стратегия исследования надёжности малых социальных групп (команд) в совместной спортивной деятельности (стандартных и напряженных условиях). В данном исследовании нам представляется необходимым сочетать разные группы эмпирических методов исследования: эксперимент, наблюдение, опросные методы, аппаратные методы.

Формой организации исследования нами был избран лабораторный и естественный социально-психологический эксперимент. При исследовании надёжности группы в напряженных условиях совместной деятельности целесообразно в качестве главного метода организации исследования использовать естественный эксперимент, позволяющий изучить спортивные группы в реальных напряженных условиях (в условиях тренировок и соревнований). Его необходимо дополнить лабораторным экспериментом, что

позволит выделить изучаемые психологические явления «в чистом виде» и уточнить данные, полученные в естественном эксперименте. Положения, приведенные выше, явились основополагающими для конструирования методического блока, использованного нами для экспериментального исследования надёжности группы в напряженных условиях совместной деятельности.

В рамках социально-психологического эксперимента необходимо использовать прибор-модель совместной деятельности «Арка», позволяющий актуализировать процесс и свойства совместной деятельности группы. В лабораторном эксперименте мы отвели приоритетное место моделированию совместной деятельности группы с помощью «Арки». Для обеспечения корректности исследования и сравнимости данных о группах с различной степенью организованности нужно было разделить группы по признаку организованности, которая согласно гипотезе исследования выступала в качестве независимой экспериментальной переменной. Мы воспользовались типологией организованности групп, предложенной А.С. Чернышевым [16], согласно которой выделяются три типа групп. Основные показатели организованности измерялись с применением «Карты-схемы психолого-педагогической характеристики группы» (далее – «Карта-схема»), разработанной психологами Л.И. Уманским, А.С. Чернышевым, А.Н. Лутошкиным и др. [14, с. 256-263]. Измерение основных показателей осуществлялось в стандартных и напряженных условиях совместной деятельности, каждый из показателей соотнесен нами с определенными в «Карте-схеме» квантами. Степень проявления каждого наблюдаемого проявления жизнедеятельности группы оценивается по пятибалльной шкале, вмонтированной в «Карту-схему». По каждому из показателей определялось значение моды (M_0).

В качестве показателя организованности групп необходимо использовать также психологический настрой на совместную деятельность. Данный показатель измеряется с помощью прибора-модели «Арка», актуализирующего

именно этот показатель в наибольшей степени. Величина психологического настроя определяется по соответствующей формуле [13]. В 1980-90 гг. А.С. Чернышевым, Ю.А. Луневым, С.В. Сарычевым и А.В. Корневым были разработаны модификации экспериментальных процедур работы с «Аркой» [12; 17]. Из этих модификаций целесообразно использовать следующие: деятельность в особо мотивированных условиях («на рекорд»); деятельность в условиях лимита времени («отсчет времени»); деятельность в условиях исключения или замены одного из членов группы. Поскольку участие в соревнованиях спортивных команд предполагают межгрупповое взаимодействие, необходимо использовать ряд процедуры с использованием двух «Арок», моделирующих указанный феномен в лабораторном социально-психологическом эксперименте.

Необходимо регистрировать характеристики ориентировочной деятельности членов групп: ориентируются ли они только на свою группу или есть желание согласовывать свои действия с действиями соперников; предлагается ли им взаимопомощь, кто из членов группы руководит ее действиями[18].

Важным показателем организованности является единство мнений [15, с. 29], которое измеряется методикой «Зрительно-аналоговая шкала», разработанной в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН [11]. Анкета представляет собой три неградуированные шкалы, оценивающие показатели совместимость, срабатываемость и успешность от 0 до 100. Обработка данных предполагает измерение полученных оценок с помощью линейки, вычисление средних групповых показателей по каждой шкале, сопоставление индивидуальных показателей со средними групповыми, вычисление среднего линейного отклонения. Согласно данным разработчиков методики, в группах с низким уровнем развития взаимоотношений и удовлетворенности ими члены группы оценивают показатель совместимости выше, чем показатель сработанности и успешности. И наоборот, в группах с высоким уровнем развития, с развитыми

деловыми отношениями выше оценивается показатель сработанности группы. Методика применялась разработчиками как в естественном, так и в лабораторном эксперименте. Данная методика интересна и тем, что она неоднократно была использована для исследования психологических проблем личности и группы в напряженных и экстремальных условиях [2; 6; 18].

Показатель «взаимодействие» измеряется посредством шкалы, разработанной нами [6, с. 174]. Согласованность действий группы может быть измерена при помощи следующих эмпирических референтов посредством специальной разработанной шкалы [6, с. 176].

Основные параметры исследования надежности малых спортивных групп. Экспериментальное исследование надежности спортивных групп необходимо осуществлять в лабораторных (моделирование напряженных условий, т.е. межгруппового соревнования с помощью прибора-модели совместной деятельности «Арка») и естественных условиях (тренировки, отборочные соревнования, полуфиналы или финалы соревнований). Необходимость такого сочетания обусловлена целесообразностью избрать в качестве главного метода организации исследования естественный эксперимент, позволяющий изучить реальные группы в реальных напряженных условиях. Это позволяет решить задачу повышения релевантности полученных данных и их экологической валидности. Естественный эксперимент необходимо дополнить лабораторным экспериментом, что позволит выделить надёжность спортивных групп «в чистом виде» и уточнить данные, полученные в естественном эксперименте. Следовательно, оптимальной формой организации исследования надёжности спортивных групп является сочетание лабораторного и естественного социально-психологического эксперимента.

В соответствии с логикой экспериментального исследования и его предметом исследования, были определены его основные переменные. Предметом экспериментального исследования является надёжность группы в напряженных условиях совместной деятельности, выступающая в нашем исследовании в качестве зависимой экспериментальной переменной. В качестве

независимой экспериментальной переменной в осуществленном нами исследовании выступает уровень организованности группы. Независимая экспериментальная переменная в ходе осуществления принимает три основных значения: низкий, средний и высокий уровень организованности малых спортивных групп. Посредством манипулирования независимой экспериментальной переменной (как гипотетическая причина) вводится в действие явление надёжности группы (как гипотетическое следствие).

Мы считаем, что надёжность группы в напряженных условиях совместной спортивной деятельности может быть в основном описана следующими показателями: результативность; взаимодействие членов группы; согласованность действий. Каждый из показателей надёжности может быть измерен при помощи эмпирических референтов, которые проявляются непосредственно, могут быть непосредственно измерены и зафиксированы при помощи соответствующих методик.

Как мы уже указывали выше, общий замысел исследования надёжности малых спортивных групп состоял в том, чтобы, помещая группы в стандартные и напряженные условия совместной спортивной деятельности и приводя, следовательно, в действие гипотетическую причину, порождающую гипотетическое следствие (надёжность группы). В качестве напряженных условий совместной деятельности в естественном эксперименте выступали условия спортивных соревнований (межрегиональных, региональных, внутри спортивной школы). В условиях соревнований измерение надёжности спортивных групп осуществлялось на стадии отборочного этапа и финальной части соревнований.

В качестве напряженных условий совместной деятельности в естественном эксперименте выступают условия спортивных соревнований (межрегиональных, региональных, внутри спортивной школы). В условиях соревнований измерение надёжности спортивных групп необходимо осуществлять на стадии отборочного этапа и финальной части соревнований. Измерение экспериментальных переменных в естественном эксперименте

целесообразно осуществлять с периодом в семь дней. В качестве лабораторных моделей напряженных условий совместной деятельности группы используется модификации процедур работы с «Аркой»: сборка «Арки» в обычных условиях; сборка «Арки» с объявлением затраченного времени через каждые 5 секунд; сборка «Арки» в особо мотивированных условиях («на рекорд»); сборка «Арки» в условиях соревнования двух групп. При сопоставлении данных о групповой надежности в условиях совместной спортивной деятельности мы исходили из соответствия процедур испытаний групп в естественных и лабораторных условиях.

Библиографический список:

1. Бодров, В.А. Психология и надёжность : Человек в системах управления техникой / В.А. Бодров, В.Я. Орлов. – М. : ИП РАН, 1998. – 288 с.]
2. Дука, А.И. Исследование характеристик надежности как социально-психологического качества групп инкассаторов / А.И Дука, Е.А. Болотова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – Вып. 2 (36). – 2016. – С.119-124.;
3. Ломов, Б.Ф. Медико-психологические аспекты профессиональной надёжности космонавта / Б.Ф. Ломов Б.Ф., В.И. Мясников // Психологический журнал. – 1988. Т.9. – № 6. – С. 8-17.]
4. Петрушенко, Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения / Л.А. Петрушенко. – М. : Мысль, 1975. – 285 с.
5. Плахтиенко, В.А. Надёжность в спорте / В.А. Плахтиенко, Ю.М. Блудов. – М. : Физкультура и спорт, 1983. – 176 с.
6. Сарычев, С.В. Социально-психологические аспекты надёжности группы в напряженных ситуациях совместной деятельности / С.В. Сарычев, А.С. Чернышев. – Курск : Изд-во КГПУ, 2000. – 180 с.
7. Сарычев, С.В. Социально-психологические факторы надёжности малых групп в различных социальных условиях : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / С.В. Сарычев. – Курск, 2008. – 259 с.

8. Сетров, М.И. Методологические основы системологии / М.И. Сетров. – Л., 1978. – 117 с
9. Сетров, М.И. Основы функциональной теории организации. Философский очерк / М.И. Сетров.. – Л. : Наука, 1972. – 164 с.
10. Стресс и тревога в спорте / под ред. Ю.Л. Ханина. – М. : Физкультура и спорт, 1983. – 216 с., с. 8]
11. Хащенко, В.А. Программа комплексного исследования жизнедеятельности личности и группы в экстремальных условиях / В.А. Хащенко // Методики психологической диагностики личности и группы. – М. : ИП АН СССР, 1990. – С. 150–190.
12. Чернышев, А.С. Аппаратурная методика «Арка» : диагностика малой группы в совместной деятельности : методическое руководство / А. С. Чернышев, С.В. Сарычев. – Санкт-Петербург : ИМАТОН, 2016. – 55 с.
13. Чернышев, А.С. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности / А.С. Чернышев, С.В.Сарычев, Ю.А. Лунев. – М. : Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – 189 с.
14. Чернышев, А.С. Психологическая школа молодежных лидеров / А.С. Чернышев, Ю.А. Лунев, Ю.Л. Лобков, С.В. Сарычев. – М., 2005. – 275 с.
15. Чернышев, А.С. Социально-психологические основы организованности первичного коллектива (на материалах исследования молодежных групп и коллективов) : автореф. дисс. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / А.С. Чернышев. – М., 1980. – 65 с.,
16. Чернышев, А.С. Социально-психологические основы работы классного руководителя / А.С. Чернышев, А.С. Крикунов, А.И. Луньков. – М. : Просвещение, 1989. – 107 с.]
17. Чернышев, А.С. Экспериментальная методика изучения межгруппового взаимодействия / А.С. Чернышев, Ю.А. Лунев, С.В. Сарычев, А.В. Корнев // Методики социально-психологической диагностики. – М. : ИП АН СССР, 1990. – С. 162–170.

18. Gamova, E.I. Socio-psychological problems of the prevent part of joint activities in youth small groups / E.I. Gamova, S.V. Sarychev // Problems of education in 21st century. – Vol. 18. – P. 60-65.

ДИСТАНТНАЯ СЕМЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРОЦЕССА ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Смирнов В. М., (п. Электроизолатор, Россия)

Коповой А. С., (г. Москва, Россия)

В современной науке существует значительное количество исследований посвященных институту семьи. Психология изучает такие аспекты жизнедеятельности семьи как прочность и устойчивость супружеских (А.Н. Волкова, Н.Н. Обозов, А.Н. Обозова), совместимость по характерологическим особенностям и ценностно-ориентационное единство супругов (А.Н. Волкова, К. Витек, Т.В. Галкина, А.К. Дмитренко, Д.В. Ольшанский, А.П. Ощепкова), семейные роли и выполнение членами семьи своих основных функций (Ю.Е. Алешина, А.Н. Волкова, А.Н. Елизаров, С.В. Ковалев, М.С. Мацковский, А.Г. Харчев, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис.), особенности внутрисемейных отношений и удовлетворенность ими (Ю.Е. Алешина, А.И. Антонов, Г. Айзенк, М. Аргайл, А.А. Бодалев, Л.Я. Гозман, С.И. Голод, А.И. Захаров, Е.С. Калмыкова, С. Кратохвил, В.П. Левкович, Н.Н. Обозов, В. Сатир, В.В. Столин, В.А. Сысенко) и т.д.). Однако, несмотря на чрезвычайную распространенность в нашем обществе процессов внешней и внутренней трудовой миграции, эта проблема еще нашла достаточного отражения в научных исследованиях.

На протяжении 20 и начала 21 века институт семьи претерпел значительные изменения. В современных социально-экономических условиях жизни человек наряду с традиционным типом устройства семьи практикует все большее число альтернативных форм брака и семейно-брачных отношений: незарегистрированное сожительство, открытый, гостевой, дистантный браки,

браки свободные от детей (бездетные), моновариантный тип семьи или обратные им групповые семьи и т.д. (В.М. Целуйко, Н.Я. Соловьёв, В.С. Торохтий, О.С. Шнейдер и др. М.Б.добавить авторов). Переход к реализации всех этих форм семейных отношений обусловлен массой проблем, которые переживает современная семья.

Кроме изменений касающихся непосредственно семьи как социального института изменения на протяжении всего жизненного цикла затрагивают и каждую конкретную семью. К различного рода переменам семье необходимо быть готовыми. Такого своего рода устойчивость к изменениям, стрессоустойчивость свидетельствует о стабильности семейной структуры, является и индикатором благоприятных взаимоотношений в ней.

По мнению В. Сатир, если же члены семьи не готовы к изменениям и старательно избегают их, то рискуют попасть в тяжёлое положение, так как не ожидают перемен там, где они обязательны [6].

Одним из самых распространенных семейных испытаний является вынужденная семейная разлука. Разлука в сфере семейно-брачных отношений определяется как временная или постоянная жизнь вдали от семьи, полового партнёра или душевное отчуждение между ними. Исходя из определения разлуки понятно, что ее возникновение связано с причинами объективного и субъективного характера. Среди субъективных причин можно назвать эмоциональную и психологическую усталость от взаимоотношений или неудовлетворенность ими, которую могут испытывать как оба супруга, так и один из них, обрекая второго на переживание вынужденной разлуки. К объективным относятся следующие причины: длительные командировки, сезонные или вахтовые виды работ, разъединение на время обучения, службы в армии, тюремного заключения и т.д. В современной психологии семейных отношений подобного рода семьи получили название дистантных семей.

Понятие дистантной семьи принадлежит отечественному специалисту в области семьи и семейных отношений Торохтию В.С. В своих работах он приводит классификацию семей по различным критериям и признакам. В

качестве одного из типов семей по критерию особых условий семейной жизни он, наряду со студенческой и внебрачной семьей, выделяет дистантный тип семей [7].

Дистантным семьям свойственно частое отсутствие одного из супругов, связанное с особенностью профессии (моряки, военные и т.п.). В последнее время к таким семьям стали относить семьи, где один из супругов проживает отдельно от семьи по различным мотивам (кроме случая развода).

Таким образом, дистантные семьи отличаются тем, что в их жизнедеятельности длительное время отсутствует одно из важнейших условий семьи – совместное проживание. Образование дистантных семей связано с особым типом профессий и «вахтовым» методом труда.

Хотя дистантные семьи и стали в связи с особенностями социально-экономической ситуации в России, а именно перераспределением финансовых потоков в сторону нескольких экономических центров (Москва, Санкт-Петербург др.), обычным явлением, большинство специалистов в области семейных отношений считают такой тип негативным явлением современной действительности.

Так, например, дистантную семью упоминает в своих работах Шнейдер Л.Б. При этом, она считает такое вынужденное существование семьи одной из причин разводов, одним из факторов, разрушающих брачно-семейные отношения [8].

Карабанова О.А. относит дистантные семьи к функционально неполным и образующим группу риска. То есть по ее мнению, в такой семье один из супругов не может постоянно выполнять свои функции, не может в полной мере реализовать себя в жизни семьи [5].

По мнению А.И. Антонова, семейные события, сокращающие длительность семейного цикла, такие как разлуки супругов, влияют на благополучие семьи. А.И. Антонов рассматривает разлуки и свидания членов семьи как ситуации начала и конца интеракции, взаимодействия, общения. Непосредственное общение имеет колоссальное значение, по мнению

исследователя, для бытия семьи, её конституирования в качестве референтной (самой значимой) группы для всех её членов, и прежде всего для детей.

А.И. Антонов рассматривает семьи, в которых разлуки и депривации (изоляция) при внешнем сохранении брака резко сокращают пространство контактов, как семьи с неполным жизненным циклом. Также автор А.И. Антонов называет семьи, в которых кто-то из членов семьи, из родителей, из супругов постоянно отсутствует, псевдосемьями. «Это «осколочные формы» семьи, по мнению автора, в которых временное воссоединение «депривантов» или мигрантов с остальными напоминает зеркало, склеенное из осколков» [1].

По мнению В.И. Зацепина, дистантная семья как семья в значительной степени номинальна, поскольку супруги большую часть времени не живут совместно. Тут гораздо больше опасности супружеской неверности и развала семьи на этой основе. Хотя иногда такие семьи, считает автор, наоборот, оказываются на редкость устойчивыми. Дело в том, что они имеют и свои плюсы: у супругов в подобных семьях дольше сохраняется свежесть чувства, потому что оно постоянно возобновляется периодическими разлуками [4].

Несмотря на безусловную актуальность данной проблематики, исследования, посвященные проблемам вынужденной семейной разлуки достаточно малочисленны.

Одной из немногих работ, в которой анализируется проблема вынужденной семейной разлуки, является диссертационное исследование Диденко Е.Н., посвященное особенностям супружеских отношений в семьях моряков дальнего плавания.

Один из основных выводов данной работы заключается в том, что переживание супружеской разлуки зависит от качества сложившихся семейных отношений. В семьях, где супруги позитивно оценивают семейные отношения, факт разлуки интерпретируется ими как вынужденная необходимость, сопровождающаяся переживанием негативных эмоций, а встреча – как радостное событие в жизни семьи, укрепляющее и в чем-то обновляющее супружеские отношения. В семьях же с негативной оценкой супружеских

отношений мужчины склонны более позитивно оценивать свой брак, но после возвращения домой испытывают разочарование в случае несоответствия ожиданий реальным событиям встречи с супругой, для которой возвращение мужа переживанием дискомфорта, связанного с необходимостью изменения образа жизни, а факт очередной разлуки трактуется как освобождение жизненного пространства [3]. Согласно результатам эмпирического исследования, реализованного авторским коллективом (Гриценко В.В., Ефременкова М.Н., Муращенкова Н.В., Смотров Т.Н.), вынужденная супружеская разлука вследствие трудовой миграции является своего рода катализатором сложившейся в семье системы супружеских отношений: вынужденная разлука укрепит, таким образом, и так сплоченную семью или приведет к распаду семьи, находящуюся на грани развода [2]. Согласно представленным выше авторским позициям в отношении дистантной формы семейного функционирования, к дистантным семьям в полной мере можно отнести и семьи трудовых мигрантов, для которых проблема вынужденной супружеской разлуки приобретает особую актуальность. Рост внутренней миграции трудоспособного населения обусловлен экономической нестабильностью, высоким уровнем безработицы, низкими доходами многих семей, особенно в малых городах и сельской местности. В результате трудовой миграции супруг (реже супруга) вынуждены на достаточно длительный срок (от двух недель и более) покидать свою семью, чтобы заработать достаточно средств для ее дальнейшего существования. Семьи, в которых супруги вынуждены расставаться по этой причине, можно отнести к дистантным.

В ситуации вынужденной разлуки семьи трудовых мигрантов переходят на совершенно иной уровень функционирования, обусловленный трансформацией семейной ролевой структуры, когда каждый член семьи и отдельные семейные подсистемы в той или иной степени испытывают стресс, связанный с нарушением структуры привычных отношений (супружеских, детско-родительских). А полюс эмоциональных переживаний сопровождающих смену процессов разлуки и воссоединения будут зависеть от восприятия самой

разлуки как желательной или вынужденной необходимости, от степени удовлетворенности сложившимися семейными взаимоотношениями.

Таким образом, рассматривать семейную разлуку как исключительно негативное для супругов явление, было бы ошибочно.

Существует множество факторов, оказывающих влияние на переживание супружеской разлуки, в частности от гендерной принадлежности и семейной роли. Так положительными моментами расставания для мужчин будут осознание себя как кормильца семьи и самоутверждение в традиционной для мужчины семейной роли добытчика, обеспечивающего материальное благосостояние семьи, возможность отдохнуть от семейных забот, реализовать потребности во внебрачных связях для одних и пережить определенное обновление в супружеских отношениях для других.

Отрицательными сторонами супружеской разлуки для мужчин будет являться неустроенность быта, сексуальное воздержание, невозможность профессиональной самоактуализации, построения карьеры, отсутствие профессиональных перспектив при необходимости выполнять низкоквалифицированную работу, невозможность удовлетворить потребность в понимании, принятии, эмоциональной поддержке, относящиеся к реализации семьей психотерапевтической функции.

Для женщин положительные моменты переживания разлуки с мужем связаны с возможностью частичного ухода от повседневных обязанностей и забот, решением материальных проблем, с появлением в жизни ощущения материального благополучия, с переживанием определенного обновления в супружеских отношениях, когда каждая встреча с мужем превращается в праздник, что дает возможность пережить новый виток любовных отношений с одним и тем же партнером, вновь почувствовать себя любимой желанной и т.д.

Негативная сторона отъезда мужа, прежде всего, обусловлена необходимостью выполнения несвойственных женщине функций и ролей, которые раньше в семье выполнял мужчина и переживаемой при этом

функционально-ролевой перегрузки, а также невозможностью получения эмоциональной поддержки со стороны близкого человека.

Таким образом, по нашему мнению, существуют как положительные, так и отрицательные аспекты вынужденной семейной разлуки, что требует более детального эмпирического рассмотрения.

Библиографический список:

1. Антонов, А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Учебн. пособие для вузов. — М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998. - 360 с.
2. Гриценко, В.В. Семьи трудовых мигрантов: социально-психологическая адаптация к условиям вынужденной разлуки / Гриценко В.В., М.Н. Ефременкова, Н.В. Муращенкова, Т.Н. Смотрова. — Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2014. — 256 с.
3. Диденко, Е.Н. Психология со-бытия супругов в семьях моряков и «береговых» семьях / Е.Н. Диденко // автореферат дис. ... кандидата психологических наук. — Краснодар, 2008. -28 с.
4. Зацепин, А.И. Брак и семья / А.И. Зацепин // Психология семьи. Хрестоматия/Под ред. Д.Я. Райгородского. — Самара: «Бахрах-М», 2007. - С. 3-34.
5. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования / О.А. Карабанова. — М.: Гардарики, 2005. — 320 с.
6. Сатир, В. Как строить себя и свою семью / В. Сатир. - М.: Педагогика-Пресс, 1992. -192 с.
7. Торохтий, В.С. Психология социальной работы с семьей : монография / В.С. Торохтий. — Москва : Центр социальной педагогики, 1996. — 218 с.
8. Шнейдер, Л. Б. Психология семейных отношений. Курс лекций / Л.Б. Шнейдер. — М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 512 с.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ АДАПТАЦИИ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тылец В. Г., Краснянская Т. М. (г. Москва, Россия)

При всей освоенности окружающего мира он продолжает продуцировать условия, требующие от человека адаптационных усилий физиологического, психического, социального плана. Так, комплексные по своему типу, темпорально пролонгированные и содержательно насыщенные адаптационные процессы инициируются миграционными событиями его жизнедеятельности, вовлечённостью в мероприятия академической и профессиональной мобильности, изменениями статусного и ролевого репертуара. Особая адаптационная ситуация возникает при попадании человека в условия, воспринимающиеся в качестве экстремальных [4].

В научном знании (социологии, экономике, медицине, психологии, педагогике) утвердилось наделение статусом экстремальности условий, характеризующихся очевидной нетипичностью для жизнедеятельности человека, – по природе ключевого фактора, моменту актуализации, консистенции, интенсивности, длительности и разрушительности оказываемого на него воздействия [2, 7]. При этом, психологические исследования показали, что восприятие условий в качестве собственно экстремальных и оценка степени их экстремальности во многом определяются состоянием субъектной готовности/неготовности к взаимодействию с образующими их факторами и самими экстремальными ситуациями [3]. В свою очередь, соответствующее состояние готовности/неготовности определяется способностью субъекта к использованию различных внешних и внутренних ресурсов преодоления экстремальности [1, 5]. Мы полагаем, что базовым психологическим ресурсом адаптации к экстремальным условиям жизнедеятельности, задающим её качественные и количественные параметры, может рассматриваться

сформировавшаяся у субъекта персональная концепция безопасности.

Под персональной концепцией безопасности субъекта экстремальных условий жизнедеятельности в данном случае понимается элемент его личностной Я-концепции, регулирующий создаваемую им активность при возникновении под действием этих условий угрозы субъектной защищённости и потенциалу развитию [6]. Отметим, что ситуация угрозы безопасности сопровождается значительными психическими изменениями субъекта, обнаруживающимися на уровне его познавательных, эмоциональных, волевых психических процессов, психических состояний, мотивационных, ценностно-смысловых и поведенческих характеристик. Персональная концепция безопасности субъекта экстремальных условий представляет собой сложное психическое новообразование, включающее в себя когнитивный, аксиологический, эмотивный и конативный компоненты. Когнитивный компонент персональной концепции безопасности субъекта экстремальных условий жизнедеятельности образуется совокупностью его знаний и представлений о соответствующей группе условий, их детерминации, содержательных, темпоральных и затратно-ресурсных особенностях протекания. Её аксиологический компонент содержит ценностное осмысление экстремальных условий в единстве их причинно-следственных связей, параметров реализации и вероятностных поведенческих реакций вовлечённых субъектов. Эмотивный компонент рассматриваемой концепции обнаруживается эмоциональной реакцией субъекта, в целом, на вероятность актуализации в некоторый момент и в некотором пространстве экстремальных условий и, в частности, на своё попадание в них. Его модальность при этом во многом зависит от содержания субъектной потребности в экстремальности в конкретной точке пространственно-темпорального континуума. Поведенческий компонент персональной концепции безопасности субъекта экстремальных условий представлен арсеналом допустимых для него средств, приёмов, тактик и стратегий самообеспечения безопасности при попадании в различные проявления экстремальности. Находясь в сложной системе многосторонних

взаимосвязей, обозначенные компоненты обеспечивают высокий удельный вес участия рассматриваемой концепции в адаптационных процессах, которые субъект способен реализовать в экстремальных условиях.

Значимость персональной концепции безопасности для субъекта адаптационных процессов в экстремальных условиях жизнедеятельности определяется её функционалом, включающим активизирующую, мобилизационную, интегрирующую, стимулирующую, направляющую и защитную роли. Активизирующая функция персональной концепции безопасности субъекта в процессах его адаптации к экстремальным условиям нами увязывается со свойственной самой природе этой концепции наделять субъекта способностью к запуску системы адаптационных процессов при возникновении внешних или внутренних предпосылок нарушения его защищённости и непрекращающейся возможности развития в направлении лично значимой цели. Сформированность такого рода концепции вне зависимости от её содержательных характеристик означает обладание субъектом внутренним импульсом к запуску под действием экстремальности некоторых механизмов обеспечения безопасности. Мобилизационная функция персональной концепции безопасности в заданном контексте обнаруживается способностью её субъекта к активизации различных ресурсов психики (познавательных, эмоциональных, волевых, мотивационных), дающих энергетическую подпитку для адаптационных процессов. Арсенал и полнота вовлечённости ресурсной базы такой активации определяется рядом содержательных особенностей персональной концепции безопасности субъекта. Интегрирующая функция рассматриваемой концепции раскрывается возможностью совместного привлечения её субъектом в условиях экстремальности различных внешних и внутренних ресурсов обеспечения безопасности путём создания их различных комбинаций и достижения на этой основе эффектов нового уровня и качества. Стимулирующая функция персональной концепции безопасности состоит в наделении её обладателя способностью выстраивать определённые тактические и стратегические шаги

обеспечения собственной безопасности при наступлении экстремальных ситуаций, что повышает его уверенность в себе, готовность к преодолению возникших трудностей. Направляющая функция персональной концепции безопасности выявляется как наделение её субъекта приоритетной целью и детализирующей её иерархией задач, решение которых требует адаптация к экстремальным условиям. Защитная функция персональной концепции безопасности заключается в вооруженности её субъекта некоторым проектом активности, наиболее приемлемой при наступлении определённых экстремальных условий. Исходя из обозначенной роли в адаптационных процессах, активизирующую, мобилизационную и интегрирующую функции персональной концепции безопасности субъекта экстремальных условий можно объединить в группу её организационных функций, а стимулирующую, направляющую и защитную функции – в группу содержательных функций.

Если особенности реализации группы обозначенных организационных функций, предположительно, зависят от степени сформированности у субъекта экстремальных условий персональной концепции безопасности, то группы содержательных для неё функций – от типа этой концепции.

Различаясь по всему континууму интервала «сформирована – не сформирована», что определяет широкую вариативность допустимых для них по данному параметру градаций (как минимум, высокий, средний и низкий уровень), персональные концепции безопасности могут быть охарактеризованы с позиции полноты развития своих компонентов, общей реалистичности и адекватности их содержания текущим для субъекта условиям экстремальности. В целом же, уровень сформированности персональных концепций безопасности определяет их потенциальную возможность и реальную способность обеспечивать в экстремальных условиях выполнение всего комплекса проанализированных нами функций. Соответственно, успешность персональной концепции безопасности проверяется нахождением субъекта в экстремальных условиях.

Формирование персональной концепции безопасности является,

очевидно, органичной частью процессов социализации, профессионализации, аккультурации. К механизмам формирования персональной концепции безопасности отнесём инструментальное научение, подражание, идентификацию. Можно предположить, что стимулировать формирование персональной концепции безопасности способен собственный опыт нахождения в экстремальных условиях, а также осознанные действия по её формированию в процессах обучения и воспитания, а также самообразования и самовоспитания. Деформации концепции могут явиться следствием внешнего (например, СМИ, ложная реклама) или внутреннего (например, добросовестное заблуждение вследствие ошибочной картины мира, целенаправленное изменение по референтному образцу) влияния. Её коррекция осуществляется, благодаря ожиданиям окружающих через прямое или косвенное транслирование ими информации, убеждение, давление, или на основе собственного стремления субъекта соответствовать принятым в некоторой группе (или общепринятым) подходам к обеспечению своей безопасности.

Типы персональных концепций безопасности могут определяться по разным основаниям – по предмету, видам субъектов-носителей и их вовлечённости в выполнение требующихся действий, устойчивости во времени и пространстве, специализированности или универсальности применения в различных экстремальных условиях, прагматичности, индивидуализации, характеру включения субъекта адаптационных процессов и т.д. Так, по предмету, вероятно, можно выделить, как минимум, персональные концепции бытовой и профессиональной безопасности. По субъектам-носителям могут рассматриваться персональные концепции безопасности учащихся, специалистов опасных профессий, менеджеров, домохозяек и других, в зависимости от обладания субъектами собственной позицией в сфере безопасности, а по их вовлечённости в выполнение задаваемых концепций действий – активная и пассивная. Персональные концепции безопасности видится также допустимым подразделять, например, по устойчивости – на устойчивые и изменчивые, по специализированности – на универсальные

(широко применимые) и специализированные (узко применимые), по прагматичности – на постоянные и ситуативно ориентированные, по индивидуализации – на общие и своеобразные. При рассмотрении проблем адаптации субъекта к экстремальным условиям жизнедеятельности важным представляется заострить внимание на типах персональных концепций безопасности, способных наметить особенности непосредственно его адаптационных процессов.

Подразделим персональные концепции безопасности в зависимости от инициируемого ими характера процессов адаптации субъекта экстремальных условий жизнедеятельности на два типа – прогрессивный и регрессивный.

К прогрессивному нами относится такой тип персональной концепции безопасности, который обеспечивает адаптацию субъекта к экстремальным условиям жизнедеятельности за счёт расширения базы ресурсного преодоления им факторов экстремальности. Такая концепция предполагает развитие субъекта, дающее ему возможность не только самостоятельно, свободно и в полной мере творчески использовать актуальные для него ресурсы адаптации к экстремальной ситуации, но и для ускорения адаптационных процессов активизировать ранее виртуальные для него ресурсы безопасности. В основе данного типа концепции лежит собственная активность субъекта, зачастую начинающаяся задолго до момента попадания в условия экстремальности и продолжающаяся весь период их сохранения. На основе прогрессивного типа персональной концепции безопасности со стороны субъекта предпринимаются действия самопознания, самокоррекции, укрепления собственной стабильности, независимости, креативности, а также эмоционального здоровья, формирования внутренне комфортной личностной позиции. Итогом реализации прогрессивной персональной концепции безопасности является установления активно-действенного равновесия её субъекта и условий, ранее воспринимающихся им в качестве экстремальных, но в итоге утрачивающих такой статус. Преимуществом прогрессивной концепции безопасности рассматривается заложенный в ней наступательный потенциал, побуждающий

субъекта активно взаимодействовать с экстремальными условиями, достигая значимого для себя результата адаптации к ним.

Регрессивной нами позиционируется такая персональная концепция безопасности, которая ориентирует субъекта в экстремальных условиях жизнедеятельности на сохранение собственной защищённости через минимизацию активности, каким-либо образом связанной с его противоречиями со средой и способной их усугубить. Задавая целью субъекта пассивность, данная концепция предполагает достижение им формального соответствия с требованиями среды за счёт отказа от собственного развития, за счёт игнорирования собственных интересов в пользу внешних условий. Такая концепция способствует выработке у субъекта определённых поведенческих шаблонов, которые способны стать причиной совершения многочисленных ошибок, нарушения норм поведения, формирования ложных ожиданий, что ведёт к усугублению экстремальных условий и появлению перед ним новых проблем, с которыми он уже не будет способен справиться на основе имеющейся концепции безопасности. Итогом применения регрессивной концепции безопасности в экстремальных условиях жизнедеятельности, таким образом, является утрата способности субъекта к адаптационным процессам в силу отсутствия у него соответствующих способностей, психических механизмов и ресурсов.

Подводя итоги представленного исследования, отметим, что процессы адаптации к экстремальным условиям жизнедеятельности вне зависимости от их причинного поля требуют определённой активности со стороны субъекта. Основой такой активности должна рассматриваться персональная концепция безопасности, полифункциональность которой, поддерживаемая её содержательной сложностью, способна обеспечить адекватное реагирование субъекта на актуальные для него вызовы экстремальности. Деформации персональной концепции безопасности, вызванные задержкой, сбоями или неадекватностью предмету экстремальных условий, ставят вопрос организации грамотной психологической помощи и поддержки её субъекта со стороны

профессионалов, специализирующихся в соответствующей проблемно-предметной сфере.

Библиографический список:

1. Боязитова И.В., Гагиева М.Б. Проблема кросскультурного системного исследования активности как ресурса совладания с трудной жизненной ситуацией // Университетские чтения – 2019. Материалы науч.-метод. чтений. Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. ун-та, 2019. С. 6-11.
2. Иванов М.С. Угрозы идентичности в системе отношения к личной безопасности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 4 (80). С. 974-981.
3. Коропец О.А. Психологическая безопасность и благополучие работников в условиях социального загрязнения трудовых отношений // Достойный труд – основа стабильного общества. Материалы XI Международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 30 октября 2019 г. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2019. С. 33-39.
4. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Адаптационные сценарии концепции личной безопасности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. 2018. №7. С.69-74.
5. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Психологические ресурсы безопасности личности с различным опытом экстремальности // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2015. № 2. С. 100-107.
6. Краснянская Т.М., Тылец В.Г., Иохвидов В.В. Концепция личной безопасности как психолого-криминологический фактор самообороны // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т.12, №6. С.826-835. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835
7. Кылосова Д.Ю. Выявление индикаторов риска социально опасного положения несовершеннолетних в целях обеспечения психологической безопасности личности // Правовые, социально-экономические, психологические аспекты обеспечения национальной безопасности. Материалы

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Фомина Ю. И. (г. Тула, Россия)

С каждым годом значительное число иностранных учащихся приезжает в Россию для получения высшего образования. С первых дней пребывания на новом месте они попадают в непривычную для себя обстановку, к которой необходимо приспособиться в кратчайшие сроки - это предполагает адаптацию и к новым климатическим условиям, времени; и к новому языку общения; и к культуре новой страны; и к новой образовательной системе, интернациональному характеру учебных групп и потоков, и т.д. [3,4,7,8].

Именно первые годы в новой стране пребывания значительное воздействие на психическое здоровье переселенцев. Возникающие психологические проблемы являются следствием действия повреждающих факторов, которые представляют собой внешнее длительно действующее или резко отличающееся по интенсивности от нормы воздействие любого происхождения, которое может нарушить структуру системы и привести ее в состояние дисфункции [3,4,7].

Их действие создает риск развития расстройств адаптации. Это болезненные состояния, развивающиеся у некоторых лиц с чрезвычайно низкой стрессоустойчивостью в ответ на стрессовое событие и нарушающие привычное функционирование пациента. Расстройство адаптации наблюдается в период адаптации к значительному изменению социального статуса или к стрессовому жизненному событию [1,2,5,6].

При расстройствах адаптации в клинической картине можно наблюдать следующие проявления: депрессивное настроение; тревога; беспокойство;

чувство неспособности справиться с ситуацией, приспособиться к ней; некоторое снижение продуктивности в повседневных делах; склонность к драматическому поведению; вспышки агрессии [1,2,5,6].

В связи с этим, целью нашего исследования стал анализ проявлений депрессивных реакций у иностранных студентов с малым стажем пребывания в России, обусловленных резкими переменами места жительства.

Для проведения эмпирического исследования было отобрано 60 испытуемых в возрасте от 19 до 21 года (респонденты представляют народы Дальнего и Ближнего Востока, а также Ближневосточной Азии). Все респонденты являются студентами ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». Стаж пребывания в России колеблется от 1 года до 2 лет, что связано с динамикой процесса адаптации визитеров.

В исследовании нами были использованы следующие методики:

1. Методика «Адаптация личности к новой социокультурной среде» [8]. На основании результатов данной методики было выделено две группы испытуемых: группа дезадаптированных студентов (30 человек) и группа адаптированных студентов (30 человек).

2. Методика «Дифференциальная диагностика депрессивных состояний» В. Жмурова [9].

3. Шкала самооценки депрессии В. Цунга [9].

Для анализа данных использовался интерпретационно-описательный метод, в том числе количественный метод анализа данных методами математической статистики - t-критерий Стьюдента, χ^2 - критерий Пирсона.

Первоначально испытуемым была предложена методика «Адаптация личности к новой социокультурной среде». Анализ данных методики в подгруппе дезадаптированных респондентов с малым стажем проживания в России показал, что они демонстрируют низкий уровень адаптированности. Основным типом адаптации к новой социокультурной среде в данной подгруппе является депрессивный тип. В подгруппе адаптированных иностранных студентов с малым стажем проживания в России наблюдается

средний уровень адаптированности, но с тенденцией к высокому. Основным типом приспособления к новой социокультурной среде в данной подгруппе является конформный тип [10]. Достоверность различий по показателям адаптации в группе дезадаптированных и адаптированных иностранных студентов оценивалась с помощью t-критерия Стьюдента: достоверные различия были обнаружены как для всех типов адаптации, так и для общего показателя адаптированности (при $p \leq 0,01$).

Полученные результаты подтверждаются также данными методики «Дифференциальная диагностика депрессивных состояний В.А.Жмурова». Анализ данных показал, что в подгруппе дезадаптированных респондентов с малым стажем проживания в РФ уровень депрессивных проявлений достаточно высок (табл. 1):

Таблица 1.

Показатели выраженности депрессивных состояний в группе иностранных студентов (дезадаптивный вариант)

Выраженность депрессивных состояний	Среднее значение выраженности депрессивных состояний	% респондентов
Умеренная	66	53%
Выраженная	86	39%
Сильная	20	8%

У испытуемых отмечается общая неудовлетворенность иностранных студентов различными сторонами собственной жизни – имеет место наличие эмоциональных затруднений (в форме пониженного настроения, чувства безысходности, печали, вины, обиды и т.д.); затруднений интеллектуального характера (в форме трудностей в рамках процесса принятия решений и общего изменения направленности умственной активности, выражающегося в снижении возможностей сосредоточения); поведенческих затруднений (в

форме переживания состояния усталости и невозможности соблюдать привычный режим жизни); а также затруднений физиологического характера (в форме нарушений аппетита, сна и появление ранее отсутствующих неприятных или болевых ощущений). В целом, в группе отмечается снижение интереса к окружающим людям, что приводит к ограничениям контактов с окружающими, в том числе и с представителями титульного этноса, а также замкнутости на себе. Все респонденты в данной группе отметили невозможность получать удовольствие от привычных вещей, которые доставляли его ранее. Таким образом, пребывание в другой стране сопровождается для иностранцев отрицательными эмоциональными переживаниями, которые достаточно устойчиво сохраняются во времени. Следовательно, проживание в чужой культурной системе выступает как фрустрирующая ситуация для личности.

В подгруппе адаптивных респондентов с малым стажем проживания в РФ уровни депрессивных состояний представлены следующим образом (табл. 2):

Таблица 2.

Показатели выраженности депрессивных состояний в группе иностранных студентов (адаптивный вариант)

Выраженность депрессивных состояний	Среднее значение выраженности депрессивных состояний	% респондентов
Нет депрессии	4	3%
Минимальная	10	10%
Легкая	25	14%
Умеренная	45	73%

Таким образом, даже при наличии определенного уровня адаптации депрессия все равно оказывается выраженной, но в меньшей степени и в более широком диапазоне, чем в группе дезадаптированных иностранных студентов. В данной группе испытуемых сохраняются признаки эмоциональных проблем,

а также проблем физиологического характера; наблюдаются незначительные изменения в интеллектуальной деятельности, а также возможности выработки более или менее приемлемого режима жизни. Таким образом, адаптация достигается во многом задействованием механизмов интеллектуальной деятельности, а также поведенческим приспособлением к новым условиям проживания. Для иностранных студентов в данной группе также характерно переживания аффективной подавленности, но без переживания чувства вины; кроме этого, не наблюдается снижение интереса к окружающим людям, следовательно, нет очевидных причин для ограничений контактов с окружающими, в том числе и с представителями титульного этноса; при этом, фиксируется возможность получать удовольствие от привычных для испытуемых вещей. Также в этой группе нет ни одного респондента, для которого оказались бы типичными настолько сильные проявления депрессии, что это бы привело к возникновению суицидальных мыслей.

Достоверность различий по уровню выраженности депрессивных состояний в группе дезадаптированных и адаптированных иностранных студентов оценивалась с помощью t-критерия Стьюдента ($p \leq 0,01$).

Полученные результаты подтверждаются и данными шкалы самооценки депрессии В. Цунга.

В подгруппе дезадаптированных студентов наблюдается следующее распределение показателей (табл. 3):

Таблица 3.

Показатели выраженности депрессии у иностранных студентов
(дезадаптивный вариант)

Выраженность депрессии	Среднее значение выраженности депрессии	% респондентов
Легкая	58	33%
Маскированная	67	67%

На первый план в данной подгруппе опять же выступают признаки эмоциональной подавленности и угнетенности; обращает на себя внимание тот факт, что у испытуемых фиксируется отсутствие надежд на будущее. Пребывание в новой социокультурной среде зачастую сопровождается непониманием происходящей ситуации и неумением адекватно вести себя в ней. Кроме этого, у респондентов наблюдаются физиологические проблемы, проблемы в интеллектуальной деятельности и поведенческие проблемы. Испытуемые обращают внимание на отсутствие возможностей получать удовольствие, повышение ощущения беспокойства и постоянную усталость. В целом, для студентов данной группы типично непонимание своего пребывания в новой социокультурной среде; отсутствие представлений о положительных моментах подобного пребывания; невозможность выделения пользы для себя в результате смены страны пребывания, а также неумение видеть собственные возможности быть полезным окружающим людям.

В подгруппе адаптированных студентов основными вариантами депрессивных состояний являются следующие (табл. 4):

Таблица 4.

Показатели выраженности депрессии у иностранных студентов
(адаптивный вариант)

Выраженность депрессии	Среднее значение выраженности депрессии	% респондентов
Состояние без депрессии	20	46%
Легкая	51	54%

В данной подгруппе у респондентов уже выработана определенная стратегия поведения в новой культуре; но в непривычных, новых или стрессовых ситуациях, а также ситуациях, требующих значительного сосредоточения на новых поведенческих моделях, и, как следствие, создающих значительный уровень нервно-психического напряжения, можно говорить о

развитии депрессивных состояний и реакций. Основные признаки возникающих депрессивных состояний объединяются в эмоциональную и физиологическую группы. Из эмоциональных признаков для испытуемых наиболее распространенными являются проявления подавленности, угнетенности, отсутствие интереса и ощущение собственной недостаточности. Депрессивные признаки физиологической группы зачастую проявляются дисфункциями работы ЖКТ. Таким образом, можно отметить, что депрессивные реакции фиксируются у респондентов независимо от их уровня адаптации к новой социокультурной среде, поскольку не для всех ситуаций уже выработана определенная поведенческая стратегия. Однако, в группе адаптированных студентов проявления подобных реакций фиксируются значительно реже. Важным моментом для испытуемых данной группы является возможность определения перспектив на будущее для себя; таким образом временная перспектива не является ограниченной по сравнению с результатами группы дезадаптированных студентов. Кроме этого, обнаруживается видение собственной пользы для окружающих, что не позволяет испытуемым рассматривать свое пребывание в новой культуре как бессмысленное. Даже при том, что многие респонденты признаются в желании вернуться через некоторое время на родину, то есть у них нет необходимости полностью ассимилироваться с русской культурной системой, тем не менее, они в значительной степени способны усваивать и правильно использовать нормы новой страны пребывания, что и создает более высокий уровень адаптации. Такая жизнь оценивается самими респондентами как интересная и полная впечатлений. В целом, можно отметить, удовлетворенность студентов этой группы от пребывания в новой культуре, даже при наличии очевидных сложностей проживания и незначительного времени пребывания в ней, что определяет и влияет на процесс адаптации.

Достоверность различий по уровню выраженности стресса в группе дезадаптированных и адаптированных иностранных студентов оценивалась с помощью критерия χ^2 - критерия Пирсона ($p \leq 0,01$).

Проанализировав и обобщив все полученные данные, касающихся проявлений депрессивных реакций у иностранных студентов с малым стажем пребывания в России, можно сделать следующие выводы:

1) по параметру приспособления к новой социокультурной среде выявляется группа дезадаптированных лиц, которые не ориентированы на новую социокультурную среду и не готовы следовать ее требованиям; а также группа адаптированных лиц, которые стараются следовать ее правилам и нормам, но полностью адаптация к ней все же пока не наступила, вследствие чего также сохраняются свои национальные правила и нормы, но уже в значительно меньшем объеме;

2) в группе дезадаптированных студентов наблюдается умеренная выраженность депрессивных реакций по сравнению с группой адаптированных студентов, которая характеризуется легкой депрессией или ее полным отсутствием;

3) в группе дезадаптированных студентов наблюдается выраженный по сравнению с группой адаптированных студентов уровень физиологических проявлений депрессивных состояний.

Библиографический список:

1. Акарачкова Е. С., Котова О. В., Вершинина С. В., Рябоконь И. В. Стресс и расстройства адаптации// Лечащий врач. 2014. №6. Режим доступа: <http://www.lvrach.ru/2014/06/15435991/>
2. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. М., Медицина, 2002. 400 с.
3. Арсеньев Д. Г., Зинковский А.В., Иванова М.А. Социально-психологические и физиологические проблемы адаптации иностранных студентов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. 160 с.
4. Железнякова С.Н. Проблемы адаптации иностранных студентов, приезжающих учиться в Россию, и возможные пути решения этих проблем // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. №5-2. С. 60-62.

5. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология. СПб.: Питер, 2004. 553 с.
6. Комер Р.Д. Основы патопсихологии. СПб.: Нева, 2001. 579 с.
7. Мельникова Я. А. Трудности адаптации иностранных студентов и специалистов-иммигрантов к новому образу жизни // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2017. № 7. С. 56-61.
8. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. СПб.: Питер, 2012. 336 с.
9. Прохоров А. О. Практикум по психологии состояний. СПб: Речь, 2004. 480 с.
10. Фомина Ю.И. Особенности переживания стресса иностранными студентами. Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Том 8, №12-2, 2017. С. 266-277.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

Хотинец В. Ю., Медведева Д. С. (г. Ижевск, Россия)

Развитие представлений о билингвизме в современной науке переместилось от субтрактивного к аддитивной перспективе с расширением диапазона когнитивных возможностей его носителей. На сегодняшний день в науке явно заявляют о себе три разноплановых позиции в отношении эффектов билингвизма [2]:

– когнитивных преимуществ, в частности исполнительных функций (высокоуровневых когнитивных процессов, таких как рабочая память, восприятие, концентрация, контроль внимания и торможения (подавление несущественной информации), когнитивная децентрация, дивергентное мышление и др.), металингвистических (контроль лингвистических процессов как способность анализировать когнитивные и коммуникативные компоненты и др.), лингвистических способностей (В.П. Белянин, 2005; А.Н. Воронин, 2017,

2018; А.А. Залевская, 2007; И.В. Соколова, 2012; В.Я. Унарова, Е.А. Хамраева, 2019; Р.М. Фрумкина, 2001; Г.Н. Чиршева, 2012; О.О. Adesope, T. Lavin, T. Thompson, C. Ungerleider, 2010; E. Bialystok, F.I.M. Craik, R. Klein, M. Viswanathan, 2004; E. Bialystok, F. Craik, G. Luk, 2008; E. Bialystok, G. Poarch, L. Luo, F.I.M. Craik, 2014; A. Costa, M. Hernández, N. Sebastián-Gallés, 2008 и др.);

– трудностей и сложностей, касающихся лингвистической когнитивной обработки, в частности невысокой беглости речи, заниженной скорости лексического доступа и др. (Л.Б. Амирханова, 2005; Волкова Е.Л., 2002; А.А. Залевская, 2007; А.А. Константинова, 2009; П.Н. Осипов, Е.О. Шишова, 2014; А.В. Харенкова, 2013; М.Г. Хаскельберг, 2006; А.В. Цветков, С.Н. Цейтлин, 2009; М.А. Трубачева, 2005; С.Н. Цейтлин, 2009; Е.Ю. Протасова, Н.М. Родина, 2011; Ю.О. Филатова, 2002; E. Bialystok, F.I.M. Craik, 2010; E. Bialystok, G. Poarch, L. Luo, F.I.M. Craik, 2014; M. Mindt, A. Arentoft, K.K. Germano, E. D'Aquila, D. Scheiner, M. Pizzirusso, T. C. Sandoval, T. H. Gollan, 2008 и др.);

– когнитивного трансфера при паритетности в развитии обоих языков (J. Cummins, 2000; T. Skutnabb-Kangas, S. May, 2017; B. Trudell, 2005; L.A. Ricciardelli, 1992 и др.), который интенсифицируется при целенаправленно развивающем последовательном обучении с активизацией символьных кодов первого и второго языков.

Между тем ни одна из современных теорий билингвизма не обладает достаточностью в объяснении и полнотой в экспериментальной доказательности особенностей когнитивного развития детей-билингвов. Более того существуют серьезные разногласия в отношении того, как следует понимать результаты эмпирических исследований о когнитивных возможностях билингвов (М. Konnikova, 2018). В систематических обзорах и метаанализе не найдено убедительных доказательств о когнитивных преимуществах испытуемых в широком возрастном диапазоне (M. Lehtonen, A. Soveri, A. Laine, J. Järvenpää, A. de Bruin, J. Antfolk, 2018; S. Donnelly, J.B. Patricia, B.D. Homer, 2019). В современных обзорах полученных результатов 80 исследований о влиянии двуязычия на когнитивное развитие двуязычных

людей, в частности на исполнительные функции (253 эффекта), указывается, что они предвзяты и тем самым лишены достоверности. Стало быть, вопрос о высоких когнитивных возможностях билингвов остается спорным (S. Donnelly, J.B. Patricia, B.D. Homer, 2019).

Для решения данной проблемы необходимы новые методологические стратегии и методологические инструментари, позволяющие в новом ракурсе обратиться к решению данной проблемы [3;4]. На постнеклассическом этапе развития современной науки трандисциплинарность и полипарадигмальность диктуют необходимость построения обобщающих моделей развития, отражающих взаимовлияние, взаимодействие, взаимопроникновение различных наук (философии, биологии, психологии, социологии, истории, лингвистики, нейронауки и др.), усиливая креативность на стыках и пересечениях, содержательно обогащая целостное знания [1].

Остро назрел вопрос о наведении межпарадигмальных «мостов» в понимании движущих сил психического развития между разными школами в психологической науке (теорией деятельности А.Н. Леонтьева, субъектно-деятельностным подходом С.Л. Рубинштейна, культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, теорией интеллекта и стадий развития логического мышления Ж. Пиаже), что диктуется как самой логикой развития науки с ее межпарадигмальными ориентирами развития, так и содержательным пересечением современных понятий в разных психологических школах. На современном этапе в психологии детерминация психического развития представляется как сложный мультидетерминированный процесс, включающий множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных направляющих, в центре которых находится человек как саморазвивающаяся система [7].

На постнеклассической стадии развития науки активно начинают разрабатываться модели саморазвития нелинейных систем, компоненты которых взаимосвязаны между собой, подчиняются внутренним закономерностям организации и развития системы как целого, а их динамика

относительно независима от внешних воздействий (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, 1992; И.Н. Погожина, 2015, 2016; И. Пригожин, 1991; Ю.В. Сачков, 2001; В.С. Степин, 2012 и др.).

Научная идея заключается в объяснении особенностей когнитивного развития детей-билингвов по результатам построения модели развития когнитивных структур как самоорганизующейся нелинейной системы, отвечающей современным требованиям моделей самоорганизации (И.Н. Погожина [6]. Функционирование и развитие самоорганизующихся нелинейных систем, компоненты которых взаимосвязаны между собой, подчиняются, прежде всего, внутренним закономерностям организации и развития системы как целого, динамика которых относительно независима от внешних воздействий. В связи с этим разворачивается поиск самодетерминант (внутренних детерминант) развития систем, т.к. свойства нелинейной системы определяются, в первую очередь, ее состоянием. Вместе с тем системы связаны с окружающей их средой и находятся под внешним воздействием, оказывающим влияние на структуру и свойства системы. Изменения, вызываемые внешними воздействиями, носят не жесткий, а вероятностный характер и определяются структурой и характеристиками системы, на которую оказывается воздействие [5].

Решение заявленной проблемы осуществляется средствами современных методов математического моделирования с выявлением причин и факторов разворачивания когнитивных структур детей-билингвов с их потенциальностью, ресурсностью, предельной неопределенностью. Проводится экспериментальная верификация модели развития когнитивных структур детей-билингвов разных возрастов и доказываемая ее эффективность в условиях поликультурной социализации. Появляется возможность психологического сопровождения развития и формирования содержания когнитивных структур детей-билингвов в образовательной ситуации.

Библиографический список:

1. Гусельцева М.С. Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Отв.ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–51.
2. Медведева Д.С. Развитие речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов средствами культурного дискурса. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2019. –
3. Медведева Д.С., Хотинец В.Ю. Особенности развития речемыслительной деятельности детей-билингвов// Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». Ижевск: Изд-во УдГУ, 2018. Т. 28. № 1. С. 87-93. - Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=35288203>
4. Медведева Д.С., Хотинец В.Ю., Вяткин Б.А. Неравносность интеграции и дифференциации речемыслительных функций у детей-билингвов в период после дошкольного возраста// Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1354-1361. - Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=30670187>
5. Погожина И.Н. Детерминация развития познавательных структур: постнеклассическая теоретическая модель// Национальный психологический журнал. 2015, №3(19). С. 35–44.
6. Погожина И.Н. Детерминация формирования и развития познавательных структур в системе постнеклассической рациональности: дис. ...д-ра психол. наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2016.
7. Сергиенко Е.А. Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 5–18.

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ АВТОРСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

**Хухлаев О. Е., Гриценко В. В., Павлова О. С.,
Ткаченко Н. В., Усубян Ш. А., Шорохова В.А. (г. Москва, Россия)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 19-013-00892

В контексте интенсивного развития глобализационных процессов, расширения межкультурных контактов, особую актуальность приобретает изучение проблемы оптимизации межкультурного взаимодействия, что находит отражение в многочисленных исследованиях межкультурной компетентности (Arasaratnam 2015; Leung et al., 2014; Ramirez, 2016; Zhang & Zhou, 2019).

Межкультурную компетентность большинство авторов определяют как способность личности конструктивно взаимодействовать с представителями других культур и в различных культурных средах (Whaley, Davis, 2007). По мнению Леунга (Leung et al., 2014), на сегодняшний день в науке представлено более тридцати моделей межкультурной компетентности и более трехсот конструктов, относящихся к данной проблеме.

При этом, для модели межкультурной компетентности, как для прикладной теории, архиважным является вопрос допустимости ее измерения, только в этом случае есть возможность соотнести ее с практикой. В то же время, несмотря на имеющийся довольно широкий арсенал инструментов оценки межкультурной компетентности, далеко не все из них соответствуют критериям экологической валидности, то есть имеют веские аргументы как существования, так и измеряемости их компонентов в разных культурных средах (Matsumoto, Hwang, 2013).

В результате анализа и обобщения данных инструментов, мы выделили 14 эмпирических моделей межкультурной компетентности, которые прошли

проверку на надежность и валидность и широко используются в зарубежных исследованиях. Обобщение данных подходов легло в основу создания авторской модели межкультурной компетентности.

Подробный аналитический обзор данных моделей, аргументация их выбора и их доказательная база представлены в нашей статье (Гриценко и др., 2020). В итоге, анализ основан на обобщении эмпирического опыта, что компенсирует его изначальную теоретико-методологическую эклектичность. Основными общенаучными методами теоретического исследования выступили методы анализа и синтеза, а также индукции. При этом результаты исследования представляют собой неполную индукцию (Новиков, Новиков, 2010), так как не позволяют со 100% уверенностью заявлять, что только такой подход к интеграции моделей межкультурной компетентности может претендовать на достоверность.

Мы выделили все конструкты, которые авторы данных моделей включили в свои подходы и провели их содержательное соизмерение.

В результате были выделены все конструкты, которые авторы анализируемых нами 14 моделей включили в свои подходы, и проведено их содержательное соизмерение.

На первом этапе мы исключили компетенции, которые являются универсальными, т.е. не относятся к специфической ситуации межкультурного взаимодействия. Следующим шагом было удаление полностью совпадающих или повторяющихся конструктов. Часто такое дублирование отражалось в полной тождественности названия и содержания. Например, «Толерантность к неопределенности» была представлена в трех моделях: Глобальных компетенций (Bird et al., 2010), Межкультурной готовности (Van der Zee, Brinkmann, 2004) и Межкультурной коммуникативной компетентности (Matveev, Nelson, 2004).

В результате было выделено 52 конструкта.

Вторым этапом нашего анализа стало объединение под общим названием схожих и/или взаимодополняющих конструктов. В ряде случаев под разными

названиями скрывалось одно и то же содержание. Так, Космополитизм в модели Глобальных компетенций (Bird et al., 2010) понимается как интерес к различным странам и культурам. Шкала «Поиск информации» в интегративном тесте измерения межкультурной компетентности (Schnabel, 2015) означает установку на «целенаправленный сбор информации об иностранном государстве или другой культуре».

Основой другого варианта объединения стало то, что, несмотря на некоторые отличия конструкторов друг от друга, содержание их отчасти перекрывалось или было взаимодополняемым.

Так, например «Управление межкультурными конфликтами» (Van der Zee, Brinkmann, 2004) отлично от «Дипломатичности» (Bird et al., 2010), но может быть отнесено к похожей группе компетенций. При этом мы брали во внимание не только название каждого конструкта и его определение, но и его эмпирическое содержание, которое отражалось в конкретных, предназначенных для его изучения пунктах опросника. Для названия обобщенного конструкта мы выбирали тот термин, который в максимальной степени обобщал его содержание и уже был включен в названия интегрируемых компетенций. Например, конструкт «Межкультурная эмпатия» появился в результате обобщения таких компетенций, как «Культурная эмпатия», «Межкультурная эмпатия» и «Чувствительность в общении».

В заключение, все девять получившихся конструкторов были распределены по трем основополагающим компонентам межкультурной компетентности, предложенных К. Леунгом (K. Leung) и коллегами (Leung et al., 2014). Мы посчитали целесообразным использовать данный концептуальный подход, так как он пользуется авторитетом в научном мире и соответствует большинству имеющихся подходов к классификации межкультурной компетентности.

Он включает три составляющих: Межкультурные черты, Межкультурные установки и Межкультурные умения и навыки.

Межкультурные черты – это индивидуально-личностные особенности, способствующие или препятствующие эффективности межкультурного

взаимодействия. К таким чертам во многих моделях относят качества, позволяющие человеку проявить устойчивость в стрессогенных ситуациях межкультурного общения. Их можно объединить в группу под общим названием «межкультурная стабильность» (Matsumoto, et al., 2001; Bartel-Radic, Giannelloni, 2017; Bird et al., 2010). Другую группу черт личности можно обозначить как «межкультурная открытость», которая предполагает наличие индивидуальных особенностей личности, обеспечивающих непредвзятое взаимодействие с людьми из других культур. В эту группу входят такие особенности, как получение удовольствия от различий; принятие интересов других; стремление понять их ценности; сдерживание склонности к немедленной оценке незнакомцев; проявление умения видеть сходства культур (Matsumoto et al., 2001; Matveev, Nelson, 2004; Bird et al., 2010). Еще одна группа личностных черт – «межкультурная гибкость», которая позволяет человеку адаптироваться в новых ситуациях, успешно усваивать новый опыт, легко менять способ мышления и поведение в зависимости от условий межкультурного общения (Matsumoto, et al., 2001; Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000; Bird et al., 2010).

Так же как и межкультурные черты к базовым составляющим МКК относятся межкультурные установки: особенности мировосприятия, которые связаны с межкультурным общением и обеспечивают адекватную мотивацию межкультурного взаимодействия. В первую очередь, сюда относятся установки на этноцентризм/этнорелятивизм – это предрасположенность сознания индивида воспринимать и оценивать жизненные события в большей или меньшей степени сквозь призму норм, ценностей, традиций своей этнокультурной группы (Hammer, et al.; Bartel-Radic, Giannelloni, 2017). К межкультурным установкам следует отнести и такие индивидуальные особенности, которые условно можно назвать, как «межкультурный интерес» (Javidan, Teagarden, 2011; Bird et al., 2010; Van der Zee, Van Oudenhoven, 2004; Schnabel, et al., 2015). Данная компетенция была введена в данный конструкт (а не в соответствующий по названию), исходя из содержания измерительного

инструментария: данную шкалу составляют утверждения такого рода, как «Мне нравится общаться с людьми из других культур».

Известно, что межкультурные черты и межкультурные установки могут влиять на усилия, нацеленные на формирование межкультурных способностей и навыков (Leung et. al., 2014). В этой связи представляется целесообразным выделить еще одно базовое измерение МКК – это межкультурные навыки, в состав которых вошли такие конструкты, как межкультурная эмпатия, культурная сензитивность, управление межкультурными отношениями, толерантность к межкультурной неопределенности (Matveev, Nelson, 2004; Javidan, Teagarden, 2011; Bartel-Radic, Giannelloni, 2017; Schnabel et al., 2015). Межкультурная эмпатия рассматривается как способность ставить себя на место другого человека во время общения, идентифицировать себя с чувствами, мыслями, поведением людей из разных культур. С межкультурной эмпатией тесно связана культурная сензитивность, определяемая как способность улавливать различные точки зрения на событие, поведение и учитывать нормы и ценности другой культуры (Van der Zee, Brinkmann, 2004; Bird et al., 2010).

Последние два конструкта выглядят теоретически близкими, однако отражают неодинаковые реальности. Межкультурная эмпатия связана с вчувствованием в мир человека другой культуры, идентификацией с ним. Культурная сензитивность – более «дистантная» установка, предполагающая общий настрой на восприятие и осознание культурных различий в общении.

В структуру МКК следует включить также вербальные и невербальные способности к межкультурной коммуникации, способности к сотрудничеству, эффективному управлению конфликтами. Иными словами, так называемые посреднические способности, объединенные под общим названием управление межкультурными отношениями (Van der Zee, Brinkmann, 2004; Schnabel et al., 2015; Javidan, Teagarden, 2011).

Анализ рассматриваемых в данной статье эмпирических моделей позволил выделить еще один конструкт, который нередко представляет собой важный компонент моделей МКК – это толерантность к межкультурной

неопределенности. Толерантность к неопределенности понимается как способность проявлять терпение в сложных и непредсказуемых ситуациях межкультурной коммуникации (Matveev, Nelson, 2004; Van der Zee, Brinkmann, 2004; Bird et al., 2010; Javidan, Teagarden, 2011).

Отнесение последнего конструкта к способностям обусловлено существующей тенденцией определения толерантности к неопределенности (ТКН) как «способности человека принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности, противостоять несвязанности и противоречивости информации, принимать неизвестное, не чувствовать себя неуютно перед неопределенностью» (Hallman, 1967, p.189). При этом, однозначно, не ясно относится ли ТКН к личностным чертам или нет (Hillen et. al., 2017). В нашей модели мы склонны говорить не о личностной, генерализованной ТКН, а о ее конкретных проявлениях в межкультурном контексте, что в большей степени соответствует конкретным способностям.

Итак, на основе анализа существующих в зарубежной науке эмпирических моделей межкультурного взаимодействия теоретически обоснована авторская комплексная модель межкультурной компетентности. Она состоит из девяти базовых конструктов: межкультурная стабильность/устойчивость, межкультурная гибкость, межкультурная открытость, межкультурный интерес, отсутствие этноцентризма, культурная сензитивность, межкультурная эмпатия, управление межкультурными отношениями, толерантность к межкультурной неопределенности. Данные конструкты объединены в три группы характеристик: 1) межкультурные черты, 2) установки и особенности мировоззрения; 3) межкультурные навыки.

В качестве перспективного направления дальнейших исследований может стать разработка на основе авторской модели методического инструментария, направленного на оценку способности индивида к эффективной коммуникации с представителями разных культур и в разных культурных средах. Тем самым представленная нами авторская модель межкультурной компетентности может быть использована для диагностики, прогноза и решения широкого круга задач

в различных сферах человеческой жизнедеятельности: от образования до управления.

Библиографический список:

1. Гриценко В.В., Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Усубян Ш.А., Хухлаев О.Е., Шорохова В.А. Анализ зарубежных эмпирических моделей межкультурной компетентности и методик для ее оценки // Современная зарубежная психология. 2020. № 1 (принята к публикации).
2. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. М.: Либроком, 2010. 280 с.
3. Arasaratnam L.A. Research in Intercultural Communication: Reviewing the Past Decade // Journal of international and intercultural communication. 2015. Vol. 8. Vol. 4. Pp.290-310.
4. Bartel-Radic A., Giannelloni J.L. A Renewed Perspective on the Measurement of Cross-Cultural Competence: An Approach Through Personality Traits and Cross-Cultural Knowledge // European Management Journal. 2017. Vol. 35. No. 5. Pp. 632–644.
5. Bird A., Mendenhall M., Mendenhall, Stevens M. J., Oddo G. Defining the content domain of intercultural competence for global leaders // Journal of Managerial Psychology. 2010. Vol. 25. No. 8. Pp. 810–828.
6. Hallman R.J. The necessary and sufficient conditions of creativity // Creativity: Its Educational Implications / ed. By J.C. Gowanet, E.P. Torrance, J. Khatena. NY: Wiley, 1967. P. 19-30.
7. Hammer M.R., Bennett M.J., Wiseman R. The Intercultural Development Inventory: A measure of intercultural sensitivity // International Journal of Intercultural Relations. 2003. Vol. 27. No. 4. Pp. 421–443.
8. Hillen M., Gutheil C., Strout T., Smets E., Han P. Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications // Social Science & Medicine. 2017. Vol. 180. Pp. 62–75.
9. Javidan M., Teagarden M.B. Conceptualizing and measuring global mindset // Advances in Global Leadership. 2011. Vol. 6. Pp. 13–39.

10. Leung K., Ang S., Tan M.L. Intercultural Competence // Annual Review of Organizational Psychology & Organizational Behavior. 2014. Vol. 1. Pp. 489–519.
11. Matsumoto D., Hwang H.C. Assessing cross-cultural competence: a review of available tests // Journal of Cross Cultural Psychology. 2013. Vol. 44. No. 6. Pp. 849–873.
12. Matsumoto D., LeRoux J.A., Ratzlaff C., Tatani H., Uchida H., Kim C., Shoko A.S. Development and validation of a measure of intercultural adjustment potential in Japanese sojourners: The Intercultural Adjustment Potential Scale (ICAPS) // International Journal of Intercultural Relations. 2001. Vol. 25. No. 5. Pp. 483–510.
13. Matveev A.V., Nelson P.E. Cross cultural communication competence and multicultural team performance: Perceptions of American and Russian managers // International Journal of Cross Cultural Management. 2004. Vol. 4. Pp. 253–270.
14. Ramirez E. Impact on Intercultural competence when studying abroad and the moderating role of personality // Journal of teaching in international business. 2016. Vol. 27. No 2-3. Pp. 88-105.
15. Schnabel D., Kelava A., Vijver F., Seifert L. Examining psychometric properties, measurement invariance, and construct validity of a short version of the Test to Measure Intercultural Competence (TMIC-S) in Germany and Brazil // International Journal of Intercultural Relations. 2015a. Vol. 49. Pp. 137–155.
16. Van der Zee K., Brinkmann U. Construct Validity Evidence for the Intercultural Readiness Check against the Multicultural Personality Questionnaire // International Journal of Selection and Assessment. 2004. Vol. 12. No 3. P. 285–290.
17. Whaley A.L., Davis K.E. Cultural competence and evidence-based practice in mental health services: a complementary perspective // American Psychologist. 2007. Vol. 62. Pp. 563–574.
18. Zhang X.T., Zhou M.M. Interventions to promote learners' intercultural competence: A meta-analysis // International journal of intercultural relations. 2019. Vol. 71. Pp. 31-47.

К ВОПРОСУ О ПОЗИТИВНЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Шумилкина Е. А. (г. Пенза, Россия)

Межличностные отношения на рабочем месте являются неизбежной реальностью для всех, кто работает в организации. По мнению М. Джахода за пределами семейной ячейки именно за счет работы большинство людей приобретает социальное положение (социальный статус) и «ни один человек не является целостным в одиночку» и цели коллектива превосходят цели индивида» [1]. Именно в контексте трудовых отношений работники находят социальную цель. Однако, исследователи, как правило, сосредотачиваются на влиянии и последствиях негативных межличностных трудовых отношений на результаты работы организации в целом и ее отдельных сотрудников. По результатам исследований с точки зрения работника, когда сотрудники подвергаются негативным межличностным взаимодействиям (например, буллингу) обнаруживается, что уровень неудовлетворенности рабочим процессом намного выше, что влечет за собой желание уволиться, а также отрицательные последствия для физического и психического здоровья сотрудников [2,4, 6, 8].

Прежде чем обсуждать позитивные межличностные отношений на рабочем месте, необходимо кратко определить понятие «отношения». Так Neaphy и Dutton различали понятия «connection» (связь или взаимодействие) и «relationship» (отношения, взаимоотношения) на рабочем месте. Согласно этим авторам, взаимодействие предполагает взаимное осознание обеими сторонами того, что контакт имел место; однако оно может быть кратковременным и не влечет за собой тесной связи. Отношения же развиваются из повторения этих взаимодействий или связей. Поэтому как связи, так и отношения требуют осознания и участия двух личностей.

Однако чтобы простое взаимодействие на рабочем месте перешло во взаимоотношения субъективное переживание индивидами своих связей должно длительное время оказывать непосредственное воздействие на них. Поэтому для того, чтобы сотрудник испытал на себе последствия связи или отношений на рабочем месте, именно он должен оценить их как таковыми. Непосредственно человек определяет испытываемое на рабочем месте взаимодействие как отношения. По этой причине мы определяем «межличностные отношения» как субъективный опыт повторного взаимодействия или связи с другим человеком.

Е. Heaphy и J. Dutton отмечают, что позитивные межличностные взаимодействия непосредственно связаны с высокими индивидуальными и общими результатами [3]. Положительные взаимодействия могут способствовать позитивным межличностным отношениям, и именно благодаря развитию и поддержанию этих отношений многие работники находят удовлетворение рабочим процессом. В этом позитивном контексте отношений работники могут реализовать свою «потребность в принадлежности» о которой говорилось выше.

По словам R. Baumeister и M. Leary, необходимость принадлежать является фундаментальной мотивацией человека, определяющей как добровольное, так и непроизвольное поведение, мысли и эмоции. Удовлетворения потребности в принадлежности должно соответствовать двум критериям: во-первых, взаимодействия должны быть частыми и неагрессивными, во-вторых, отношения должны быть стабильными и прочными [8].

Результатами многочисленных исследований подтверждено, что благоприятные межличностные отношения приводят к положительным результатам, как для человека индивидуально, так и для коллектива и организации в целом. Прежде чем обсуждать, как положительные результаты могут быть достигнуты мы, кратко рассмотрим эти результаты.

В своем исследовании S. Cohen и T. Wills выяснили, что для некоторых сотрудников, на самом широком уровне, простое осознание себя (принадлежность) частью некоей социальной группы, действующей в организации, снижает уровень стресса. Более того, хотя этот вывод подчеркивает важность принадлежности коллективу в целом, данный эффект усиливается качествами членов группы и партнеров по отношениям [5].

В дополнение к формальным неформальные отношения (возникающие без участия организации) также связаны с позитивными профессиональными и личными результатами. Например, расположение коллег друг к другу повышает «командный дух», улучшает общение и желание сотрудничать. Дружба на рабочем месте способствует повышению удовлетворенности, вовлеченности в работу, производительности труда, сплоченности коллектива, приверженности организации и снижению текучести кадров. Наконец, помимо психологических преимуществ от позитивных межличностных отношений было выявлено улучшение состояния здоровья сотрудников организации (функционирования сердечно-сосудистой, иммунной и гормональной систем организма) [7].

Преимущества позитивных межличностных отношений для организаций также многообразны. Например, трудовая идентификация сотрудника (т. е. принятие в качестве определяющих характеристик для самого себя определяющих элементы организации) и совместимость сотрудников приводит к повышению мотивации к труду, удовлетворенности работой и сплоченности группы, а также снижению текучести кадров и внутригрупповых конфликтов. Кроме того, позитивные межличностные отношения являются ключевым предиктором организационной приверженности, и способствуют улучшению индивидуального поведения, которое направлено на повышение эффективности и результативности команды.

В целом, положительный эффект как для сотрудника (например, улучшенное физическое здоровье, удовлетворенность работой), так и для организации (например, улучшение внутриорганизационного климата,

производительность труда) подчеркивает важность развития позитивных межличностных отношений на рабочем месте.

Основываясь на многоуровневом подходе к изучению рабочих отношений с организационной, групповой и диадической точек зрения, в данной статье мы подробно рассмотрим организационный уровень таких отношений с позиции того, как он может помочь удовлетворить потребность человека в принадлежности и как факторы организационного уровня поддерживают позитивные отношения [5].

В рамках данной публикации мы представляем результаты нашего исследования, которое было проведено на предприятиях ООО «Торговый дом «Петелино Поволжье» и ООО «Черкизово-Пенза» в Пензенском регионе. В исследовании приняло участие 300 человек. Мы выдвинули предположение, что на специфику коммуникации влияют этнические и конфессиональные регулятивы по трем направлениям: конфессиональному, этническому и социокультурному, под которым мы понимаем установки, знания, традиции, стереотипы, характерные для того или иного общества, разделяемые всеми членами коллектива - носителями данной культуры.

В анкетировании в качестве центрального рассматривался вопрос об отношении к национальной и религиозной инаковости коллег. Большинство респондентов указали на безразличие к национальной и религиозной идентичности своих коллег (62 и 70%), отметив, что они готовы к сотрудничеству на паритетных и демократических началах с представителями любых наций и религий, но при конкретизации вопросов, спектр ответов резко изменился. Так, только 18% согласились бы работать в этнически смешанном коллективе, более 30% высказались против; 44% затруднились с ответом на этот вопрос вообще (подозреваем, что за этими цифрами также стоит скрытое нежелание работать в полиэтническом коллективе). Картина оказалась зеркально противоположной декларируемым идеологическим установкам на толерантность и отразила неготовность жить и работать в смешанном сообществе.

Оценивая уровень осмысления респондентами этноконфессиональной проблематики, следует отметить, что лишь для 15% имеет значение национальный статус коллег и для 10% религиозный. Для 3% отношение к «другим» негативное, для 12% позитивное, для 78% не имеет значения; остальные с ответом затруднились. Можно назвать ряд причин столь высокой степени безразличия к проблеме этноконфессиональной идентичности. Первая — социокультурная: российские традиции и менталитет формировались в течение исторически длительного времени и выработали толерантное приятие всех религий и этносов в Российской империи и, благодаря политике уравнивания всех союзных республик и народностей, в Советском Союзе. Вторая — восприятие духовно-религиозной сферы жизни — вероисповедания — как чего-то второстепенного и не существенного либо не играющего принципиально важной роли в трудовой деятельности; третья — отсутствие связи (для респондентов) между этноконфессиональной самоидентификацией и моральным климатом в коллективе.

Проблема взаимосвязи трудовых отношений (трудовой этики) и религиозных традиций при рассмотрении этноконфессиональной идентичности представляется одной из важнейших. Следует учитывать ряд таких параметров, как ценностно-ориентированные действия, специфика менталитета, национально-религиозные традиции, духовно-нравственные черты работника, его участие в жизни коллектива, современные стереотипы в отношении к труду и трудовой этике разных народов/религий.

Половина респондентов прямой связи между трудом и религией не усматривала; 21% не смогли дать ответ на этот вопрос. Однако то, что треть опрошенных (30%) на эту связь указывает, говорит о потенциальной значимости религиозных традиций для формирования или развития трудовых отношений. Таким образом, в ходе коммуникации этноконфессиональная идентичность для абсолютного большинства респондентов не имеет принципиального значения при оценке организационно-трудовых показателей (76%) и характера корпоративных отношений в коллективе (43%). Лишь

десятая часть испытуемых считает важным этноконфессиональный признак для улучшения показателей трудовой деятельности. При этом более трети (36%) респондентов связывают позитивные коммуникативные отношения с этнической и религиозной идентичностью коллег, что подтверждает важность этноконфессиональных регулятивов для положительного развития и функционирования корпоративных отношений..

По результатам исследования, нами были разработан ряд практических рекомендаций для создания организационной атмосферы, в которой могут развиваться позитивные взаимодействия между сотрудниками-представителями различных этнических общностей.

Библиографический список:

1. Jahoda, M. (1982). Employment and unemployment: A social-psychological analysis. Cambridge, UK: Cambridge University Press, с. 24
2. Reich, T. C., & Herscovis, M. S. (2011). Interpersonal relationships at work. In S. Zedeck (Ed.), APA handbooks in psychology®. APA handbook of industrial and organizational psychology, Vol. 3. Maintaining, expanding, and contracting the organization, American Psychological Association, p. 223–248.
3. Heaphy, E. D., & Dutton, J. E. (2008). Positive social interactions and the human body at work: Linking organizations and physiology. Academy of Management Review, 33, 137-162.
4. Baumeister, R. M., & Leary, M. R. (1995). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. Psychological Bulletin, 117, 497-529.
5. Cohen, S., & Wills, T. A. (1985). Stress, social support, and the buffering hypothesis. Psychological Bulletin, 98, 310-357.
6. Wallace, J. C., Edwards, B. D., Arnold, T., Frazier, M. L., & Finch, D. M. (2009). Work stressors, role-based performance, and the moderating influence of organizational support. Journal of Applied Psychology, 94, 254-262
7. Kristof-Brown, A. L., Zimmerman, R. D., & Johnson, E. C. (2005). Consequences of individuals' fit at work: A meta-analysis of person-job, person-

organization, persongroup, and person-supervisor fit. *Personnel Psychology*, 58, 281-342.

8. Baker, W., & Dutton, J. E. (2007). Enabling positive social capital in organizations. In J. E. Dutton & B. R. Ragins (Eds.). *Exploring positive relationships at work: Building a theoretical and research foundation* (pp. 325-345). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.

EVALUATION METHOD FOR UNIAXIAL HULL STRENGTH OF REINFORCED KNOCKDOWN PONTOONS

Doya Y., Sawada T. (Yokohama, Japan)

1. Introduction

Very large floating structures (VLFS) are used for several purposes on floating bodies and will continue to be used in the future (e.g. Watanabe 2004). These structures comprise multiple modules that are joined together using connectors.

Several studies have investigated the strength of these connectors under the action of waves. The characteristics of bending moments, shear forces, and stresses at the unit connections of the VLFSs were examined under wave loads (Kim 2007). Tandem and side-by-side arranged VLFSs were investigated using multi-body and hydroelastic analysis.

The connection design for a two-floating beam system was considered for a minimum hydroelastic response (Riyansyah 2010). They proposed the optimum location and rotational stiffness of the connection for the two-floating beam system from the viewpoint of minimizing the compliance.

A numerical analysis framework was developed for the evaluation of the connectors' internal loads on a pontoon-type floating structure (Michailides 2013).

Several practical investigations have also been conducted. The static work of floating closed monolithic rectangular tanks was analyzed (Tryapkin 2019). They

demonstrated that it was possible to design closed reinforced pontoons that could be implemented as monolithic structures in one production cycle.

Practical experiments were conducted for an ice crossing using reinforced metal pontoon structures made from double-seat ferries across the Ussuri river (Szymczak-Graczyk 2018). The author offered a methodology for determining the combined crossing's dynamic coefficient that had experimental confirmation.

The proposed study focuses on the hull strength of knockdown pontoons, as shown in Fig. 1. The hull comprises some floating bodies (hereafter, “FBs”) connected by pin-type upper and hook-type lower couplers, as shown in Fig. 2. First, the lower coupler is fitted to connect the FBs. Then, the upper coupler is aligned and the pin is inserted (Hathrell 1966).

(a) Single unit pontoon (b) Hull assembled by 28 FBs

Figure 1: Shape of knockdown pontoons

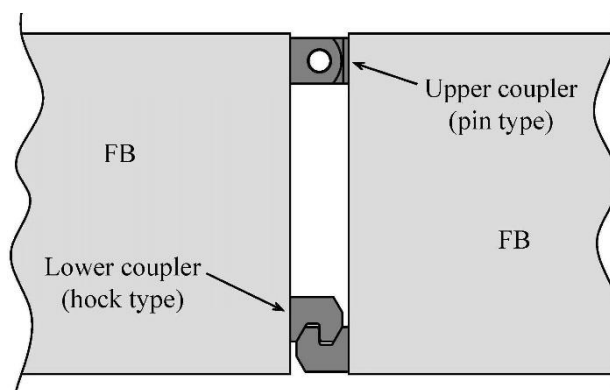

Figure 2: Details of one pair of couplers

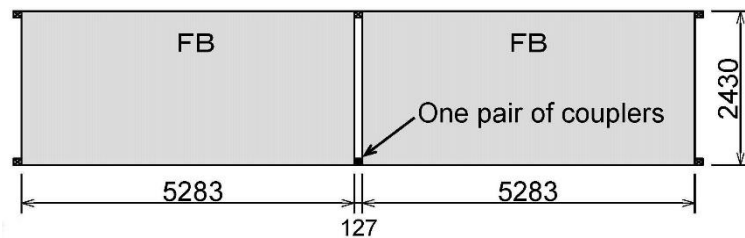
Generally, the strength of the hulls is calculated by considering the distribution of equipment, such as cranes, back hoes, and soil and sand. If the results of the strength calculations indicate that the stress acting on the components of the hull

exceeds its tolerance value, the hull must be reinforced. The strength of the hull is evaluated based on two indices, namely the bending moment and shear force. Since, in marine engineering, the bending moment has a lower safety factor than the shear force, most previous studies have used the bending moment acting on the couplers as an index to evaluate the strength of the hull. The direction in which the hull bends depends upon the direction of the bending moment, and the mechanism by which the reinforcement acts changes accordingly.

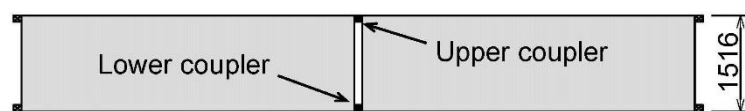
Herein, we propose a simple and practical method for the reinforcement of a hull with multiple FBs. The reinforcement specifications are analyzed in a step-by-step manner along the longitudinal direction of the hull (Doya 2013, 2017, 2019). The specifications of the reinforcements are analyzed by considering the buoyancy distribution, which changes depending upon the deflection of the hull.

2. Load model and reconstruction of loads

Figure 3 shows the tandem arrangement of two FBs, which are connected by two pair of couplers, as shown in Fig. 2. The direction of the bending moment will be such that a tensile force is generated either in the upper or lower part of the coupler. These types of tensile force are differentiated using positive and negative signs. The allowable bending moment M_{allo} acting on one pair of couples, and the allowable bending moment M_{all} acting on one connection position of two FBs are indicated in Table 1 (Hathrell 1966). These bending moments are considerably smaller than the allowable bending moment of the body of the FB. If the bending moment at one connection position of FBs exceeds M_{all} in a hull with multiple connected FBs, reinforcements become necessary.

(a) Top view

(b) Front view

Figure 3: Hull assembled by two FBs

Table 1: Bending moment acting on one connection position of FBs

Coupler acting tensile force	M_{allo}	n	M_{all}
	kN•m	pair/position	kN•m
Upper	238	2	476
Lower	-238		-476

Herein, we propose a two-point divided-load model (hereafter, “divided-load model”) and a one-point concentrated-load model (hereafter, “concentrated-load model”) to obtain the practical reinforcement specifications. In a crane barge, the crane is usually mounted on the stem, and the ballast water is loaded in the stern. Figure 4(a) shows the divided-load model of the hull with four FBs. A soil pontoon has soil loaded on the center of the hull. Figure 4(b) shows the concentrated-load model of the hull with five FBs. W is the cargo load, P is the load of the hull with appendages, and B is the buoyancy.

M_a and M_b are the bending moments acting on the couplers. In the divided-load model, the cargo load is divided between both ends of the hull, whereas the buoyancy force of the hull is evenly divided. Therefore, owing to the bending moment, tensile and compressive forces are generated on the upper and lower parts of the hull, respectively. In the concentrated-load model, the cargo load is concentrated on the center of the hull. Therefore, on the contrary, compressive and tensile forces are generated on the upper and lower parts of the hull, respectively. This maximizes the bending moment at the center. The uniform load, $P/4$, and the buoyancy, $B/4$, act in opposite directions.

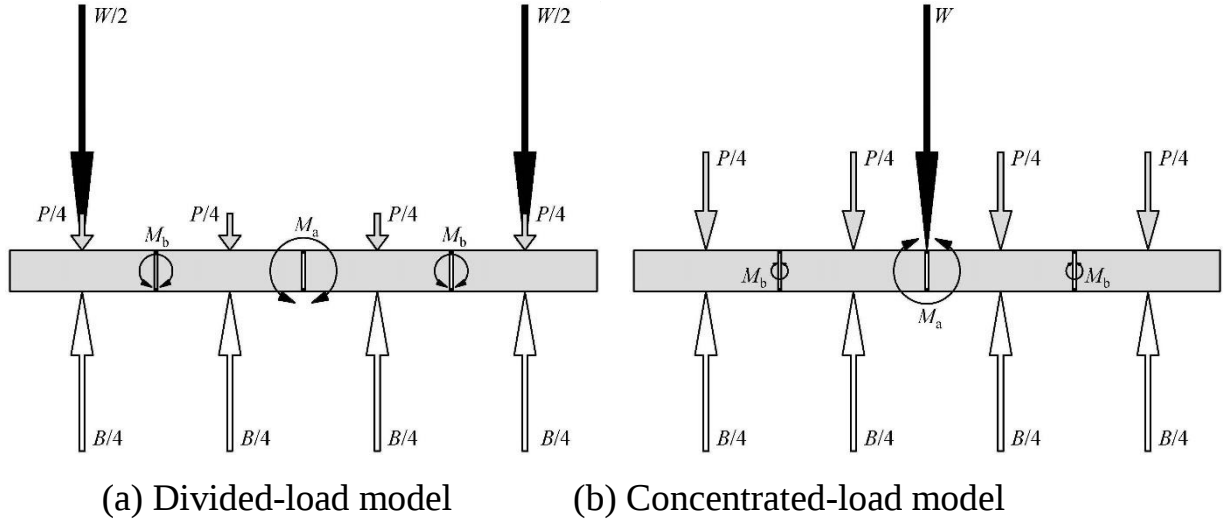

Fig. 4 Schematic diagram of loads and moments acting on the hull with 4 units

The dimensions of the rectangular FB are $5283 \times 2430 \times 1516$ mm, as shown in Fig. 3, and the weight of the FB is 33.9 kN. We assume that the hull draws 909.6 mm of water, which corresponds to 60 % of the height of FB. Therefore, the buoyancy of a single FB is 114.5kN ($=5.283 \text{ m} \times 2.430 \text{ m} \times 0.906 \text{ m} \times 9.807 \text{ m/s}^2 \times 1.000 \text{ kg/m}^3$). The buoyancy equals the sum of the cargo load and the load of the hull with appendages, $B=W+P$. Now, we divide B into two parts, which correspond to W and P .

Introducing the division factor λ , we propose the following equation.

$$W = \lambda B \quad (1)$$

$$P = (1 - \lambda)B \quad (2)$$

where W and P are unknown but B is fixed because of the constant draft.

In the divided-load model, tensile force at the upper coupler is crucial for the hull strength. In the concentrated-load model, on the contrary, tensile force at the lower coupler is crucial for the hull strength. Using Eqs. (1) and (2), we obtain the value of λ when the bending moment caused by B , W , and P equals M_{all} acting on the couple.

We used the hull assembled with four FBs as a standard in the calculation. The divided load and the concentrated load are denoted by λ in Table 2 as B_0 , W_0 and P_0 per individual FB. Though calculated from the connection of four FBs, λ is used for the hull with multiple connected FBs for future calculations. If a number of connected FBs is smaller than 4, the bending moment at a pair of couplers does not

exceed M_{all} . On the other side, if a number of them is larger than 4, the moment exceeds M_{all} , so reinforcements become necessary.

Table 2 Forces, divided by λ , acting on one unit

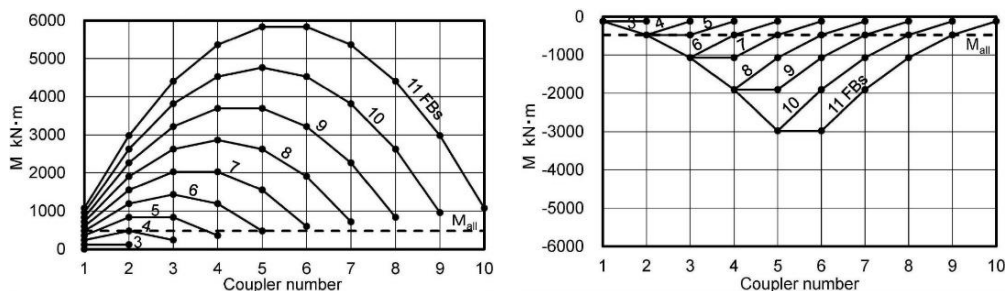
Model type	λ	B_0	W_0	P_0
		kN	kN	kN
Divided-load	0.769	114.5	88.1	26.4
Concentrated-load	0.385		44.1	70.4

3. Calculating the bending moment acting on the couplers

Figure 5 shows the bending moment acting on the connection position on connected FBs. The FBs and connection positions in the hull are ordered from the left to the right. The maximum bending moment M_a occurs at the center of the hull. In four FBs, M_a is in agreement with the allowable bending moment M_{all} due to the consideration outlined in Sec. 2.

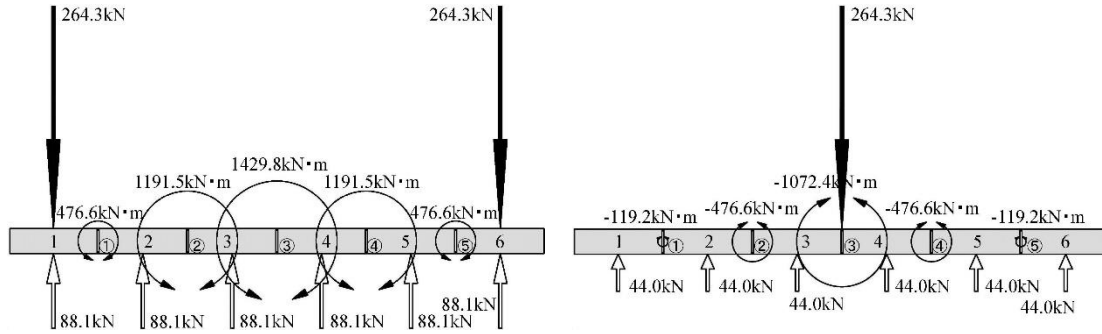
In six FBs, Figure 6 shows the bending moments acting on the five connection positions and all the loads acting on the six FBs. In the divided-load model, the divided load is 528.6 kN ($=264.3 \times 2 = 88.1 \times 6$) and maximum bending moment that acts on the connection position at the center is 1429.8 kN•m. In the concentrated-load model, the concentrated load is 264.3 kN ($=44.1 \times 6$) and maximum bending moment that acts on the connection position at the center is -1072.4 kN•m.

When the number of connected FBs increases, the bending moment acting on the connection position increases and almost all the bending moments exceed M_{all} . Therefore, some reinforcement is necessary to prevent a fracture from occurring at the coupler.

(a) Divided-load model (b) Concentrated-load model

Fig. 5 Bending moment acting on the connection position of the hull

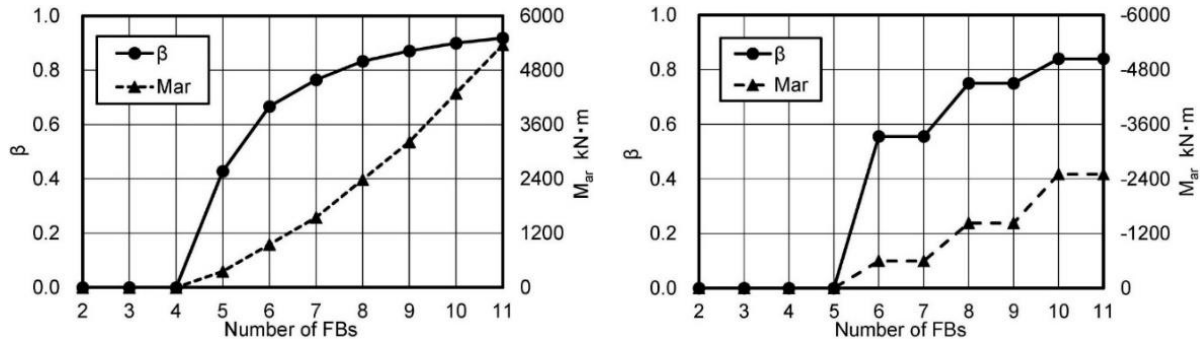
(a) Divided-load model (b) Concentrated-load model

Fig. 6 Loads and moments acting on the hull with 6 units

The reinforcement factor β is introduced to estimate the reinforcement bending moment. We divide all moments including the maximum bending moment using β ;

$$M_{max} = (1 - \beta)M_{max} + \beta M_{max} \quad (3)$$

where M_{max} is the maximum bending moment acting on the coupler's position. $(1 - \beta) M_{max} = M_{ah}$ corresponds to the allowable bending moment of the hull M_{all} and $\beta M_{max} = M_{ar}$ takes the reinforcement. β and M_{ar} are calculated and is shown in Fig. 7. β remains zero when four or fewer FBs are connected due to the absence of any reinforcement. However, when the number of FBs becomes large, β and M_{ar} increase.

(a) Divided-load model (b) Concentrated-load model

Fig. 7 β and M_{ar} with the number of FBs

4. Analyzing reinforcement in divided-load model

When the hull is subjected to a two-point divided load, it undergoes deflection upward. In addition to the stiffness of the hull, the following factors affect the deflection characteristics of the hull:

- Deformation of the coupler
- Distortion in the body caused by the welded parts of the body and couplers
- Gap between the connecting pin and pin hole of the upper coupler

The deflection of the hull caused by these factors has an influence on the bending moment acting on the hull.

To determine the degree of deflection, an in-land deflection test was conducted using two actual FBs. Using the results of the test, the clearance angle θ between two FBs is given by the bending moment M .

Figure 8 shows the deflection δ at the center of the hull for the following reinforced cases:

Case 1 The hull is treated as a rectangular solid and there is no coupler.

The hull is deflected by the divided cargo loads, but it remains having uniform buoyancy.

Case 2 Elongation of the couplers according to the bending moment is considered.

The uniform buoyancy is applied to the hull, similar to that in Case 1.

Case 3 Although the draft seems to be almost constant, it becomes slightly larger near both ends of the hull.

Then, the divided buoyancies are considered according to the deflection of the hull.

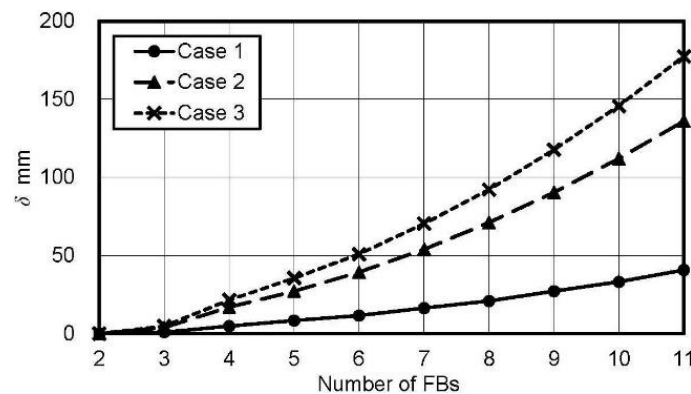

Figure 8: Deflections by connected number of FBs

The deflection of the hull increases with the number of FBs. For 11 FBs, y is 40.7, 136.0, and 177.1 mm in Case 1, 2, 3, respectively, as obtained from Fig. 8. The deflection due to elongation of the couplers is relatively large; therefore, the deflection in Cases 2 and 3 are large in comparison to that in Case 1.

Now, we present an example of hull reinforcement. The mass of the reinforcement is ignored. The hull and the reinforcements are not unified using welds or any other material that can ensure high strength. Therefore, it is assumed that these elements slide along the contact surface. Hence, the sliding resistance is ignored. The reinforcement material was the H-beam ISO 657/16-1980 (100×100×6×10 mm, cross section area: 25.5 cm²). The reinforcement bending moment βM_{max} was easily calculated from Fig. 7. The calculation results in all cases were indicated together with the necessary cross section area A_r and the necessary number of H-beams N_r in Fig. 9. There was no difference between the calculation results for Cases 1 and 2. βM_{max} was not considerably different in every case. Although the deflection of the hull related to the divided buoyancies was considered in Case 3, it did not a significant influence on the reinforcement specifications.

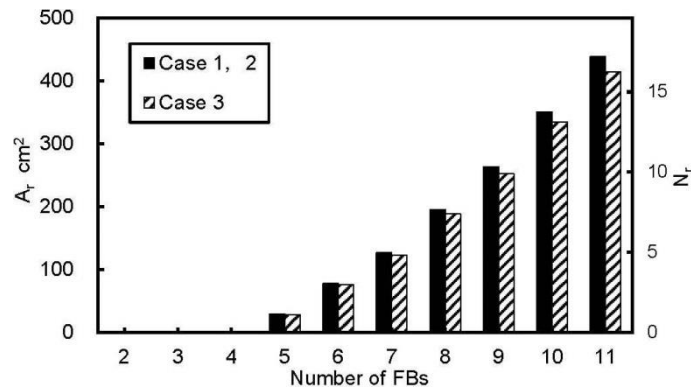

Figure 9: Reinforcement example using H-beams

5. Analyzing reinforcement in concentrated-load model

When the hull is subjected to a concentrated load, as shown in Fig. 4(b), it undergoes deflection downward as shown in Fig. 10(a). In this case, the bending moment acts on the hull as per the positional relationship between the concentrated load and the buoyancy forces. As is the case for the divided-load model, it is critical that the bending moment generated not exceed the allowable bending moment of the hull M_{all} . However, unlike the case for the divided-load model, the tension generated

by the bending moment acts on the lower part of the hull that is underwater. Thus, adding reinforcements can be an extremely challenging task. For this reason, the upper part of the hull is reinforced, as illustrated in Fig. 10(b). Thus, unlike the case for the divided-load model, wherein the parameter of interest is the tension, the property that needs to be improved in this case is the stiffness.

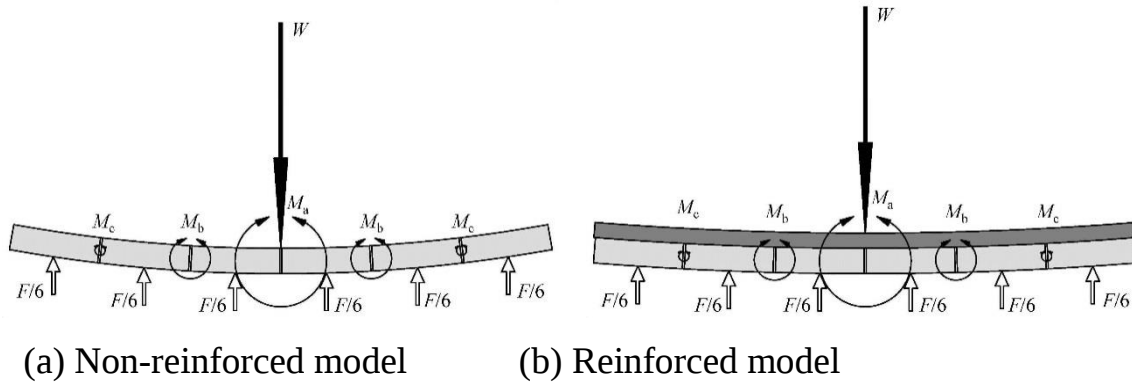

Fig. 10 Schematic diagram of reinforcement in a concentrated-load model

As shown in Fig. 11(a) and (b), the extents of deflection of the hull and the reinforcements caused by the respective shared loads W_h and W_r are the same. Since the concentrated load, W_h shared by the body is limited by the allowable bending moment of the hull M_{all} , the deflection of the hull δ can be calculated from the buoyancy forces $F_h/6$ that are distributed. Therefore, the specifications of the reinforcements can be determined in terms of the sectional secondary moment that causes the same deflection as in the body for a concentrated load of W_r that is shared by the reinforcements and the buoyancy forces $F_r/6$ that are distributed.

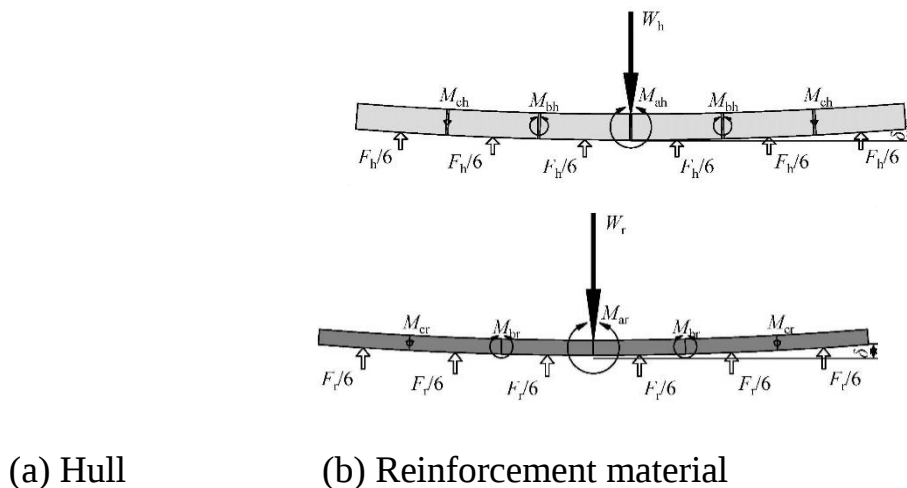

Fig. 11 Loads and moments acting on hull and reinforcement material

The reinforcement of the concentrated-load model, as well as the divided-load mode, was analyzed as per the steps shown in Fig. 12.

As shown in Fig. 12(a), in Case 0, the buoyancy, $F/6$, is distributed evenly, and the deflection of the hull or the reinforcements is not considered, as was also the case for the divided-load model. Therefore, the results of the analysis indicate that there are couplers whose bending moment exceeds the allowable bending moment of the hull M_{all} , as shown previously in Fig. 5(b).

In Case 1, the buoyancy $F/6$ is distributed evenly, as shown in Fig. 12(b). In addition, the extents of deflection of the hull and the reinforcements are the same. The reinforcement factor β needs to be calculated as indicated in Fig. 7(b), so that the bending moment does not exceed the strength. Next, based on the reinforcement factor β the bending moment that is shared by the reinforcements as well as the specifications for the reinforcements are calculated. It is necessary to determine the cross-sectional secondary moment, which is a specification of the reinforcements, so that the extents of the deflection of the hull and the reinforcements are the same. Hence, if the bending moment shared by the reinforcements is constant, the smaller the deflection of the hull is, the larger will be the cross-sectional secondary moment for the reinforcements.

In Case 2, the buoyancy $F/6$ is distributed evenly, as shown in Fig. 12(c). Here, only the reinforcement made in response to the deflection caused by the elongation of the couplers is shown, while the deflection caused by the hardness of the body is not. The reinforcement specifications were calculated in the same way as in Case 1.

In Case 3, the buoyancy force is distributed as F_a , F_b , and F_c based on the deflection of the hull, as shown in Fig. 12(d). The cross-sectional secondary moment of the reinforcement is based on the distribution of the buoyancy force owing to deflection, which is the sum of the deflection caused by the stiffness of the hull from Case 1 and the deflection caused by the elongation of the couplers from Case 2. Therefore, it is smaller than those in Case 1 and 2.

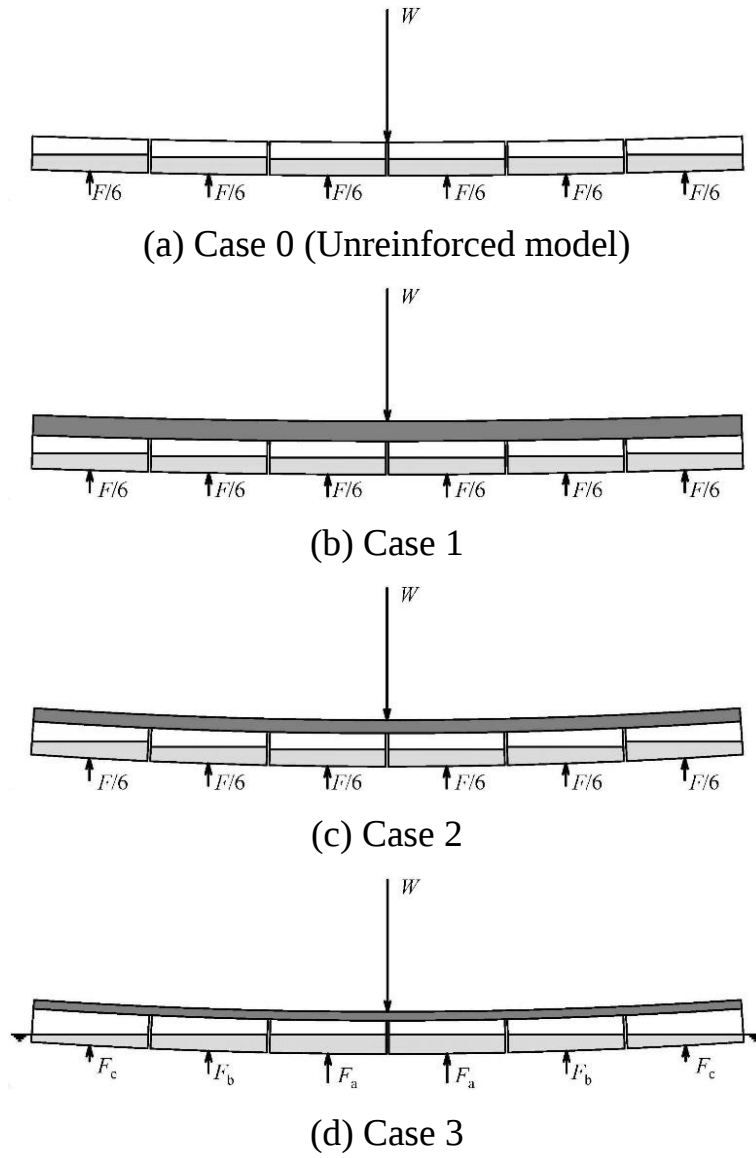

Fig. 12 Analysis of reinforcements for concentrated load

The deflection δ of the hull increases with the number of connected units, as shown in Fig. 13. While in Case 1, with six connected units, the deflection δ caused by the hardness of the hull is 7.34 mm, the deflection δ caused by the elongation of the couplers in Case 2 is 30.09 mm, which is 4.10 times larger. Moreover, as shown in Fig. 14, the cross-sectional secondary moment I_r of the reinforcements is $2.416 \times 10^6 \text{ cm}^4$ in Case 1 and $0.582 \times 10^6 \text{ cm}^4$ in Case 2; this represents a decrease of 0.243 times smaller. This result indicates that the elongation of the couplers can effectively lower the reinforcement specifications. In Case 3, the deflection δ is 37.25 mm, and the cross-sectional secondary moment I_r of the reinforcements is $0.376 \times 10^6 \text{ cm}^4$.

The reinforcement specifications gradually increase when more than five units are connected, as shown in Fig. 14. Further, when converted to those corresponding N_r to the H-beam ISO 657/15-1980 (600×210×13.0×22.1 mm, cross-sectional secondary moment: 97500 cm⁴), they become extraordinarily heavy and unrealistic: 4.81 bars for six connected units and 11.79 bars for eight connected units. Based on these results, it is possible to conclude that, for the concentrated-load model and the analysis conditions used in this study, reinforcements are not required when up to five units are connected. However, unlike the case for the divided-load model, it is impossible to connect six units, even if it were possible to use reinforcements.

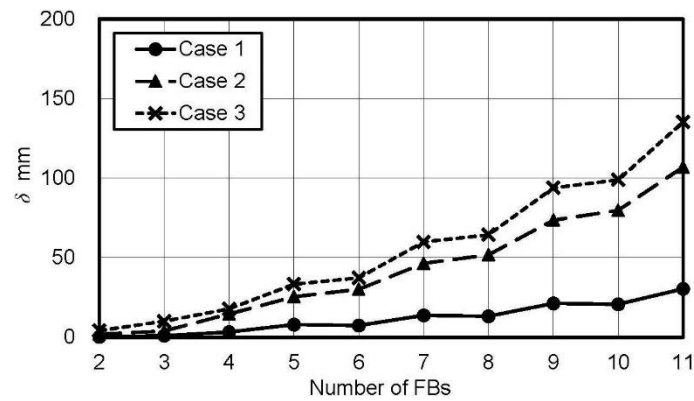

Fig. 13 Deflections with the number of units

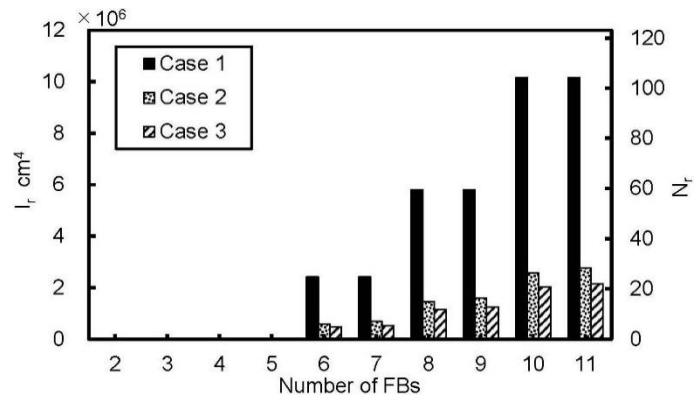

Fig. 14 Reinforcement example using H-beams in a concentrated-load model

6. Conclusion

Herein, a simple and easy method was proposed to evaluate the reinforced hull strength of a hull assembled by multiple FBs.

The bending moment that acted on the couplers of knockdown pontoons was analyzed. During the analysis, the distributions of the buoyancy generated by the deflection caused by the elongation of the couplers and that by the stiffness of the hull were considered. A divided-load model and a concentrated-load model were used to separate the buoyancy and introduced the division factor λ . Contributions of the buoyancy to the equally divided load (i.e., the cargo load and the load of the hull with appendages) and the divided load, or the concentrated load, were obtained by λ . The bending moment acting on the hull was calculated. By introducing the reinforcement factor β , the reinforcement bending moment was estimated.

Based on the results of an analysis performed using the divided-load model, a feasible numerical value for the cross-sectional area was calculated even for harsh conditions wherein the divided load is experienced only by the units at the two ends of the hull. In addition, for the concentrated-load model, under harsh conditions wherein the entire concentrated load is experienced by the center of the hull, the numerical value calculated for the cross-sectional secondary moment was too large to be practical.

These differences in the reinforcement specifications (i.e., in the feasibility of realization) corresponding to divided and concentrated loads indicated that the direction in which the hull deflects, that is, the direction of the bending moment, for the load distribution patterns experienced in real-world situations is an extremely important factor for evaluating the hull strength of reinforced knockdown pontoons.

Further, based on the proposed method, it is possible to evaluate the uniaxial hull strength of reinforced knockdown pontoons.

Acknowledgments

Yuji Doya was partially supported by the KLL Ph.D. Program Research Grant and the Research Encouragement Scholarship for Graduate Students of Keio University.

References:

1. Doya, Y., Tsutsumi, S. (2013): “Consideration about the evaluation method of the strength of the reinforced assembling-type hull” In: The Japan Society of Naval Architects and Ocean Engineers, Conference Proceedings 17: 381-384.
2. Doya, Y., Sawada, T., Iseda, Y. (2017): “Suggestion about the hull strength evaluation method for the reinforced knockdown pontoon” In: The Japan Society of Naval Architects and Ocean Engineers, Conference Proceedings 25: 405-409.
3. Doya, Y., Sawada, T., Morikawa, T., Iseda, Y. (2019): “Application of knockdown pontoons to the emergency measures for volcanic hazards of Mount Fuji” In: Japan Society of Fujiology, Journal of Fujiology 16: 1-15.
4. Hathrell, J. A. E. (1966): The bailey and uniflote handbook: second ed. MA: Acrow Press.
5. Kim, B. E., Hong, S. Y., Kyoung, J. H., Cho, S. K. (2007): “Evaluation of bending moments and shear forces at unit connections of very large floating structures using hydroelastic and rigid body analysis” In: Ocean Engineering 34: 1668-1679.
6. Michailides, C., Loukogeorgaki, E., Angelides, D. C. (2013): “Response analysis and optimum configuration of a modular floating structure with flexible connectors” In: Applied Ocean Research 43: 112-130.
7. Riyansyah, M., Wang, C. M., Choo, Y. S. (2010): “Connection design for two-floating beam system for minimum hydroelastic response” In: Marine Structure 23: 67-87.
8. Szymczak-Graczyk, A. (2018): “Floating platforms made of monolithic closed rectangular tanks” In: Bulletin of the Polish Academy of Sciences, Technical Sciences 66: 209-216.
9. Tryapkin, D., Tryapitsin, Y. (2019): “Examination of combined ferry on the dynamic work” In: MATEC Web of Conference 265: 02008 (5pp).
10. Watanabe, E., Utsunomiya, T., Wang, C. M. (2004): “Hydroelastic analysis of pontoon-type VLFS: a literature survey” In: Engineering Structure 26: 245-256.

THE INITIAL STAGE OF TEACHING READING A YOUNG STUDENT WITH A MIGRANT BACKGROUND

Kigel T. (Petah Tikva Israel)

Introduction.

According to the European program document *Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe (2019)*, due to population displacement, 10% of the EU population lives not in a country from where they were born, and migrant children (first, second or higher generation) under the age of 15 make up 5 % of this group. At the same time, knowledge of the language of instruction is a prerequisite for the success of any student, and migrant students usually need more linguistic support than their peers (*Janta & Harte, 201*). The relationship between language and school readiness is a close one. The combination of thinking skills (cognition), language (ability to understand and express thoughts), and learning in school are tightly linked (*The Relationship Between Language and School Readiness, 2018*).

There work questions: What is the pedagogical intervention in teaching reading a young student with a migrant background and a difference between L1 and L2 competence? What materials are more effective - a classroom textbook or adapted materials? How many long is the initial stage of teaching reading for a young student with a migrant background?

De Feyter & Winsler (2009) define school readiness as a combination of physical, emotional, social, linguistic, behavioral and cognitive skills that allow a child to succeed in school learning. Following the UN document *School Readiness: a conceptual framework (2012)*, language proficiency is a key component of school success. However, "language learning is a lengthy process", and migrant children need systematic support to become experienced users of the host country's languages, including the "academic" school language (*Nouche, 2009*).

In addition, school readiness is the readiness of the child, family (psychological support and stimulating home environment) and also of the school (*School Readiness: a conceptual framework*, 2012).

Methods In the work were used methods of Phonological Awareness Pre-test (rhyme, breaking sentences into words, words into syllables and syllables into sounds, recognition of the initial and final sounds in words), Pre-test and Post-test of lexical, grammatical and syntax competence), school performance documents, as well as personal and parents' interviews and conversations.

Process The paper describes the initial stage of teaching reading to the daughter of 30-year-old repatriates who repatriated after receiving a certificate of matriculation and have been for 13 years in the country. They did not serve in the army, as customary in Israel, and currently are the owners of small businesses. Russian was a student family home language and the language of songs, fairy tales and watches television scientific programs for children.

A 6-year-old student, a native of Israel, was the sister 1.5 years twins, and she had no experience of speaking Hebrew in the family.

The student has been visited a Russian-speaking kindergarten, with the morning preparatory classes in Hebrew, and the afternoon classes on Russian. The parents provided for the child a rich L1 environment, experiences with books, storytelling, and conversations to build the strong foundation of language, cognitive, and pre-literacy skills required for school achievement (*The Relationship Between Language and School Readiness*, 2018). They believed that L2 acquisition is an easy and fast process for the child.

It was very important to keep the connection with families and a positive cultural identity for the migrant family, (Nusche, 2009). They also have been convinced that bilingual children featured by better flexibility thinking, and deeper language understanding of two languages (*De Paola and Brunello*, 2016).

According to the school teacher, in the first month in the Israeli school 1st grade, the girl could not communicate with the teacher and have been spoken only with Russian-speaking children and the teaching staff members. She did some

mathematics tasks, but couldn't learn reading and writing with class peers on Hebrew lessons, and has been playing alone with toys.

Parents asked to a Russian-speaking bilingualism specialist who was a learning problems tester and a teacher of students with learning problems to get professional help. Some researchers suggest that migrant teachers could serve as a model, and give effectively help in situation the gap between migrants and non-migrant children (Nusche, 2009).

Parents feared that the child would study in the 1st grade the second time or would be transferred to a special class for children with learning difficulties. There were tensions between parents and the teacher related to difficulties in oral and written Hebrew communication with the teacher and the school staff, difficulties in understanding the Israeli education system, that different from the Ukrainian education systems, etc.

The first stage of the pedagogical intervention included the testing of the school readiness, phonological awareness and L1 and L2 language competence. The tests proved that the student had appropriated physical, emotional, social, behavioral and cognitive skills for school learning. According to the Phonological Awareness Pre-test (rhyme, breaking sentences into words, words into syllables and syllables into sounds, recognition of the initial and final sounds in words as recommended in *The Relationship Between Language and School Readiness*, 2018), language competence on L1 exceeded the lexical competence of L2 2.75-0.5 times (table No. 1), and grammatical and syntactic competence 9-3 times (table No. 2).

The test results were reported to parents and an individual training program was created with an emphasis on expanding phonological literacy and L2 language competence as the main conditions in reading.

Additional reading and writing classes took place after the school 2-3 times a week for 45 minutes. The student studied reading in the classroom textbook to reduce the existing gap, and the teacher used adapted materials as necessary as an addition. The development of L2 speaking competence as an important communication tool with a teacher, teaching staff and other students was emphasized.

When teaching L2, the teacher spoke L2 and used L1 only for translating new words, voicing words under illustrations, writing words under pictures in a textbook, explaining assignments instructions, answering questions, and retelling content. When teaching reading, systematic work was carried out at all three stages of text reading: pre-reading, reading and post-reading Translation.

At the pre-reading stage, the student had been examined illustrations, wrote text words under them and made assumptions about the text content. Such repeating text words as the name of the hero of the text (mom, dad) and or circumstances verbs (in the garden, in the house) were highlighted by multi-colored ink. Thereby, the reading process has been facilitated and accelerated, fatigue decreased, and the satisfaction increased.

The reading comprehension was based on the student previous experience. In the end, the text had been read no more than 2-3 times, to achieve automation of reading, and maintain motivation to learn, while the interesting texts for the student had been read more times. After the retelling of the text in Russian, the student was offered to retell in L2.

In addition to the textbook tasks, teaching focused on the Hebrew phonological awareness, and the linguistic and sociocultural competence about Israeli holidays, and listening to children's songs on YouTube. The vocabulary enrichment and the oral speech development concluded a number of didactic games (association game, recognition and memorizing cards with images of the furniture, clothes, animals, desserts, cars, musical instruments, toys, fruits and vegetables, flowers and numbers), that based the words groups classification.

The student received moral encouragement (words and stickers) for each successful learning action.

As recommended in the European program document *Integrating Students from Migrant Backgrounds* (2018), the prevention of confrontation with the school and formation of parents - school cooperation was an integral part of the pedagogical intervention. The parents have got an explanation that the Israeli education system does not practice 2-years studying in the same grade, and instead of this, it provides

professional assistance for children with difficulties, and the student could not to be transferred to the special class without the parents' consent. The individual learning program with strengths and weaknesses diagnosis of learning activities, and with the approximate dates have been presented to the student parents. In the meeting, the optimistic teacher's attitude contributed to the reduction of parent's tension, and concerns. After explaining the psychological aspects of the teacher's work with children with difficulties, the teacher suggested that parents should participate in the class and school events, such as Family Day, invite Hebrew speaking students at home and visit them, and also introduce Israeli life elements into the home life with accompanying words (Hanukkah, Purim, etc.).

Findings / Results At the beginning of classes, according to the Pre-test results, L1 phonological awareness (table No. 1), lexical competence (animals, wear, plants, cars, colors, numbers, letters), grammatical and syntactic competence (matching a noun and a verb, adjectives and nouns, number of words in a simple sentence - table No. 2) significantly exceeded phonological awareness on L2 and the teacher translated almost every word in the textbook. After 1.5 months of afterschool studies, the student began to reading on L2, and after 3 months, the student read the small classroom texts (all the consonants and the vowel A) with a small number of errors, but slowly. The results of the Post-test presented the decreasing of the lexical, grammatical and syntactic competencies as a result of studying L2 (table No. 2). Also, the school performance documents proved some learning achievements, and the class teacher informed the parents about student participation in-class learning. After achieving the individual learning program's initial goals, the student continued to learn the written letters and other vowels with special attention to the development of linguistic, linguocultural and sociocultural competence.

Conclusion The diagnostic test of strengths and weaknesses in learning activities is necessary for forming an individual learning program for teaching reading a young student with a migrant background and L1 and L2 language competence gap in order to advance problem areas when relying on the strengths of the student's learning activities. After school lessons narrowed the gap with other

class students. The phonological awareness, linguocultural and sociocultural competence development is necessary for reading and understanding texts on L2. The parents - school cooperation contributed to the school integration of young student with a migrant background in the 1st grade of Israeli school. The initial stage of reading competence required about 50 hours of intensive classes within 3 months for the student.

Recommendations It is recommended to investigate a large number of participants with different linguistic competence on L1 and L2, ages, classes and time in the country of study, to promote effective teaching reading methods for a 1st-grade child with a migrant background. Developing the linguistic competence of 2-3 years old child would help to school readiness of a student from a migrant family and avoid a stressful situation for him, the parents and the school.

References:

1. School Readiness: a conceptual framework. (2012). United Nations Children's Fund UNICEF, United Nations Children's Fund. Education Section, Program Division. New York.
2. Integrating Students from Migrant Backgrounds into Schools in Europe: National Policies and Measures. (2018). European Commission/EACEA/Eurydice.
3. Janta B., Harte E. (2016). Education of migrant children. Education policy responses for the inclusion of migrant children in Europe. European Union. RAND Corporation.
4. The Relationship Between Language and School Readiness. (2018). News You Can Use: Foundations of School Readiness: Language and Literacy.
5. Nusche, Deborah. (2016). 'What Works in Migrant Education? A Review of Evidence and Policy Options.' OECD Education Working Papers 22, OECD Publishing.

**Материалы регионального научно-практического
симпозиума «Современные проблемы эволюции свободы:
философский и социокультурный аспекты»**

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ
ЭВОЛЮЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Мясников А. Г. (ПГУ, Пенза, Россия)

Мясникова Т. А. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00137 «Эволюция свободы в постсоветском обществе: социально-философский анализ и практическое моделирование» («The evolution of freedom in post-Soviet society: socio-philosophical analysis and practical modeling»).

По мнению многих российских политологов, социальных философов и социологов, 2020 год станет годом решающих перемен в постсоветской России, так как действующий президент и его команда выполнили переходную историческую задачу – сохранили российскую государственность и укрепили суверенитет, – и теперь перед обществом и государством стоят другие задачи – преимущественно социально-экономического и политико-правового характера. Подтверждением этого являются новые поправки в Конституцию.

Решение этих новых задач – жизненно важных для большинства россиян, – требует ясного понимания общей стратегии развития страны, ее формационной и цивилизационной перспективы. По этому поводу в последние годы развернулись научные дискуссии, которые представляют особый интерес для нашего социально-философского исследования эволюции свободы, которая

является тем интегративным феноменом, показывающим уровень развития современного общества, включая качество жизни самих граждан [1;3;4;8;13].

Мы проанализируем наиболее существенные социально-философские проекты, претендующие на научную обоснованность и практическое применение в современных условиях.

С позиции современного системно-эволюционного подхода моделирование эволюции постсоветского общества представляет собой рационально-критическое проектирование будущего с учетом идеальных желаний и реальных возможностей их достижения. При этом идеальные желания не должны быть пустыми мечтами или утопическими фикциями, хотя к ним очень склонно российское самосознание, которое, по словам Ф. Достоевского, имеет большую тягу «к фантастическому, к беспорядочному»⁴. Поэтому научная трезвость, опирающаяся на знания, а не только на личные убеждения и верования, должна приземлять эти идеальные желания, превращая их в конкретные цели личного и общественного развития, прежде всего, в материальные цели, понятные большинству россиян.

Одну из новейших попыток социально-философского моделирования будущего российского общества представил доктор философских наук, академик, директор ИФ РАН А.В. Смирнов, в докладе на научной сессии РАН от 13 ноября 2019 года под названием «Самосознание российского общества» [12]. В этом программном выступлении академик Смирнов рассуждает о необходимости некоторой объединяющей современных россиян системы ценностей или оснований для национально-государственной идентичности. Что может объединять такое разнообразное и большое российское общество?

Академик Смирнов предлагает общую 3-х уровневую модель социокультурной идентичности. На первом уровне – *этническом* – человек

⁴ См.: Достоевский Ф. Преступление и наказание / «Русские люди вообще широкие люди.. широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному; но беда быть широким без особенной гениальности».

сознает себя членом конкретной семьи, рода, своего народа, и «с молоком матери» впитывает особенности родного языка, специфику быта, народного общения, культуры, например, русской, татарской, мордовской, бурятской и др. [11: 188-190]. На втором уровне – *регионально-цивилизационном* – человек сознает свою принадлежность к государственной общности и соответствующему культурно-историческому типу, например, мы -европейцы, китайцы, россияне. А на третьем уровне – *общечеловеческом* – человек сознает свою принадлежность к человечеству, к мировому сообществу разумных личностей, к мировому культурному и научно-техническому наследию.

По мнению академика А.В. Смирнова, современное российское общество до сих пор не решило вопрос со своей «культурно-цивилизационной принадлежностью», т.е. как бы застряло на 2 уровне самоидентификации. Такое утверждение вызывает у меня большое сомнение, тем более, что уважаемый ученый предлагает нам искать некоторую новую форму для такой культурно-цивилизационной самоидентификации. Зачем «умножать сущности», если уже большинство жителей нашей страны привыкли считать и называть себя россиянами? Даже если полагать, что это лишь название, но для нового российского демократического государства, которое появилось в 1991 году, важно сохранять эти устоявшиеся культурно-языковые формы и наполнять их конкретным содержанием. Если же ученые начнут придумывать какие-то новые идеи, например, «мы – евразийцы» или «мы – наследники Киевской Руси или Византии» и т.п., то такого рода нововведения будут лишь еще больше разделять наше сложное и очень раздробленное общество. А практическая задача философии заключается в том, чтобы консолидировать наше общество и тем самым придать ему больший энергетический импульс для развития.

С 2012 года по инициативе президента В.Путина российскому обществу была предложена концепция «духовных скреп», т.е. базовых традиционных ценностей, которая оказалась вполне уместной и даже эффективной в период активного военно-политического противостояния с Украиной (2014-2018 гг.). Доминирующая в этой концепции ценность «военного патриотизма» позволила

сплотить и мобилизовать общество вокруг «лидера нации», противостоящего «Западу». В условиях масштабных экономических санкций и международной политической изоляции российское общество начало взрослеть, становиться более самостоятельным. При этом мощная внутригосударственная пропаганда позволила многим гражданам лучше разобраться с экономическими и политическими основаниями современной жизни. Так, по данным социологических опросов Левада-центра и ВЦИОМа за последние 5 лет в России увеличилось число ежедневных пользователей интернета с 30 % до 65%, а число доверяющих телевизионным новостям снизилось с 80% до 50%. А за 2018-2019 годы число тех россиян, которые хотели бы влиять на происходящее в стране выросло с 15% до 38%. В январе 2020 года только 3% опрошенных россиян считали, что «Запад» – это наш враг.

По мнению многих независимых российских обществоведов, «военный патриотизм» постепенно уступает ведущее место так называемому «культурному патриотизму». Многие россияне начинают сравнивать достижения русской культуры с мировыми и все больше осознают величие и мировую значимость национальной литературы, живописи, музыки, театра и др. Эти исторические и современные достижения русской культуры являются действительным источником для национальной гордости и самоуважения, и существенным вкладом в развитие мировой культуры.

Таким образом, мы можем сделать первое заключение: именно русская национальная культура, основанная на русском языке, исторически была и остается объединяющей российское государство и создающей наш культурно-цивилизационный тип идентичности. Русский язык по праву является объединяющим государственным языком, который обеспечивает нормальную социо-культурную коммуникацию между разными этносами, проживающими на российской территории, и имеет мировое значение. Именно русский язык имеет большой потенциал для дальнейшего творческого и созидательного развития российского социума. Важно отметить, что это основание вошло в новые поправки к действующей Конституции РФ.

Отвечая на вопрос академика Смирнова о нашей культурно-цивилизационной идентичности, нужно сказать: «мы - россияне!», а для всего остального человечества – «мы - русские!». Не упрекнут ли нас в великорусском шовинизме? Чтобы избежать такого упрека перейдем ко второму объединяющему основанию – к Конституции РФ, т.е. правовому основанию современного российского федеративного государства.

Действующая Конституция РФ является в полной мере демократической и соответствующей высочайшим гуманистическим ценностям современности. Она представляет собой объективное основание мирного, свободного и взаимовыгодного сосуществования разных людей, групп и народов в российском государстве. Конституция гарантирует достойную жизнь всем гражданам России: это значит, что она предполагает материально-экономические условия для достойной жизни каждого гражданина, а также гарантирует право на реализацию высших степеней свободы-самостоятельности, т.е. политической, нравственно-религиозной и творческой. Как отмечают известные российские юристы, гуманистический потенциал действующей Конституции способен открыть путь к реальной федерализации России, к свободному и достойному сосуществованию разных народов, а прежнее имперское понятие о России как «тюрьме народов» окончательно уйдет в прошлое.

Третьим объединяющим основанием современной российской цивилизации является **общая победоносная и героическая история**. Именно на это основание обращает особое внимание нынешнее правительство страны, объявившее 2020 год - «Годом памяти и славы». Действительно, Великая Победа 1945 года над фашизмом является объединяющим историческим событием, которое формирует положительное чувство гордости за свою недавнюю историю и страну в целом, и чувство самоуважения.

Но, по мнению многих независимых исследователей (А. Оболонский, А. Рубцов, В. Рыжков и др.), чрезмерное возвеличивание прошлых побед, которые, как известно, очень дорого стоили советскому народу, может

порождать иллюзорное сознание национального превосходства, и просто отвлекать от насущных проблем общества и государства [8; 10]. При этом культ Великой Победы очень опасно связывается с культом личности Джугашвили-Сталина и его репрессивно-мобилизационной системной власти. Пробуждение исторической ностальгии по сталинским временам чревато возвратом к очень затратной и неправовой системе командно-административного управления [13]. Такой исторический возврат может стать губительным для страны, так как может привести к новой гражданской войне и распаду страны. Поэтому «заигрывания» с коммунистами и новыми левыми в принципе бесперспективны, их идеология должна быть трансформирована в современное социал-демократическое направление, имеющее конституционную, демократическую основу (признание первенства прав и свобод человека, частной собственности на средства производства и др.). Тем более, что опыт 90-х годов наглядно показал большую способность россиян к рыночной экономике, но ради сохранения целостности огромной территории правительству Путина пришлось пойти на сворачивание рыночных реформ в пользу государственного регулирования экономики. И теперь в 2020 году, когда шестой год не растет экономика, в связи с чем некоторые специалисты говорят о необходимости продолжения гайдаровских реформ и демократизации политических институтов власти.

Четвертое объединяющее основание - **экономическое**, т.е. рыночная экономика с элементами государственного контроля и распределения. Нужно признать, что многие современные российские обществоведы скептически относятся к перспективам рыночной экономики в России. Так, об этом публично недавно заявил академик РАН А.Смирнов в своем интервью газете «Московский комсомолец», при этом называя современных бизнесменов «хищниками» и «космополитами». И вслед за ним главный научный сотрудник ИФ РАН, профессор Ю.М. Резник утверждает, что проект либерально-рыночной экономики в России провалился, и более того, по его мнению, капитализм изжил себя в западном мире [9]. В тоже время указанные авторы не

дают конкретного ответа на вопрос: а какая же экономика должна быть в России? По их мнению, и капитализм, и социализм себя не оправдали, и нужно что-то новое ... Что именно? Им не известно. Пока в ученых умах сохраняется такая неопределенность, сама жизнь показывает, что рыночная экономика позволяет большинству граждан России жить более благополучно, комфортнее и интереснее, чем в советское время. И мировой опыт также подтверждает, что в наиболее развитых и богатых странах (США, Германия, Великобритания, Япония и др.) доминирует рыночная, капиталистическая экономика.

Стоит ли нам вновь экспериментировать в надежде на чудо? Здравый смысл подсказывает, что в материальных, жизненно важных вопросах экономики лучше опираться на проверенные институты и практики, которые имеют общечеловеческое значение. При этом наша задача – адаптировать их к российским условиям, к нашему культурно-цивилизационному типу общественных отношений, ведь с научной точки зрения человеческая материальная природа едина, а не множественна.

В связи с этим особого внимания заслуживает позиция известного российского правоведа В. Нерсисянца, которая поддерживается и другими современными юристами, например, В. Лапаевой [7; 2]. Суть этой позиции также заключается в скептическом отношении к институту частной собственности как основе рыночной экономики. Эти известные юристы предлагают для будущей российской экономики некую «индивидуальную гражданскую собственность», которая будет создаваться в результате якобы справедливого (равного) распределения между гражданами России доли бывшей государственной социалистической собственности. Такая позиция свидетельствует о серьезной морально-психологической травме, которая осталась после быстрой и полукриминальной приватизации государственной собственности в 90-е годы прошлого века. Потребность в восстановлении социально-экономической справедливости непосредственно связывается с равным распределением сырьевых и других доходов страны через некие общие фонды. Продолжающийся с 2014 года внутренний экономический кризис и

увеличение роли государства в экономике усиливают социально-экономическое неравенство в обществе и ведут к активизации протестных настроений. Эти процессы почти автоматически относят к негативным последствиям рыночной экономики, а не к недостаткам сложившейся гибридной (по словам, В. Нерсисянца, полуфеодальной) административно-командной системы, с ее массовой коррупцией, воровством и неадекватным использованием бюджетных средств.

Возвращаясь к идее «индивидуальной гражданской собственности» выдающего российского правоведа В. Нерсисянца (одного из первых разоблачителей бесправия тоталитарной советской системы), мы должны отметить, что он предлагает очередной, очень рискованный социальный эксперимент, который вроде бы созвучен традиционным общинно-уравнительным представлениям россиян о справедливости. При этом сам возможный механизм такого перераспределения бывшей социалистической собственности остается не ясным, не понятным, и, по всей видимости, утопическим. Остается не понятным: кто будет руководить общественными фондами, в которых будет находиться доля общей собственности каждого гражданина РФ? Как будет работать экономика, состоящая из одних гражданских собственников, и какова будет роль наемного труда? Этот проект имел некоторую актуальность накануне масштабной приватизации в России начала 90-х годов XX века, но по прошествии почти 30 лет, он все более обнаруживает свою утопичность⁵.

Действительно актуальной для российского государства остается проблема общественного и политического контроля за органами

⁵ При этом мы можем также указать на теоретическую ошибку В. Нерсисянца, которая заключается в абстрактном постулировании *неразрывной связи свободы и равенства*. Суть ошибки в том, что реальные люди не равны между собой физически и интеллектуально, и в конкретной исторической ситуации находятся на разных степенях свободы, в том числе имеют разную степень ответственности. Реальное неравенство людей создает основу для социальной конкуренции и развития человеческих способностей, а также требует постоянного совершенствования рациональных правовых норм и гарантий, т.е. механизмов равноправия

государственной и муниципальной власти, за распределением бюджетных средств, и ее решение во многом зависит от заинтересованности политической активной части российского общества и от формирования прозрачных механизмов рационального распределения общественных благ.

Пятое объединяющее основание – **эффективные политические институты**, которые предназначены обеспечить политическую самостоятельность большинства граждан России, а, следовательно, возможность собственного осмысленного выбора будущей модели общественно-государственного устройства.

Это основание является серьезной проблемой для постсоветской системы государственного управления, которая сохраняет преимущественно командно-административный характер. Применительно к гражданам России эта установка означает, что традиционно все главные государственные вопросы решаются в Кремле и Администрации Президента, и на эти решения большинство граждан повлиять не может, потому что у нас, якобы, до сих пор живет так называемый «глубинный народ», которому «всё равно»...[5; 6].

До 2019 года, действительно, только 10-20% россиян (по разным подсчетам) считали, что от них что-то зависит в стране, но к осени 2019 года число таких граждан выросло до 40 %, и, скорее всего, будет расти и дальше. Политическое взросление россиян ускоряется под действием объективных и субъективных факторов. Многолетняя патерналистская политика строилась на прагматической лояльности большинства жителей страны, которую они проявляли в обмен на безопасность и материальное благополучие. К 2020 году ресурс этой политики и соответственно лояльности начал заканчиваться, а эффективные политические институты пока не созданы. Как показывает мировой исторический опыт, именно политические институты дают мощный возвратный эффект в экономику и социальную сферу, так как они либо усиливают созидательную энергию для будущего, когда люди сознают себя творцами своей жизни и уверены в своих силах и поддержке со стороны государства и общественных институтов (живут с удовольствием), либо,

наоборот, люди опасаются за свое будущее и будущее своих детей, ограничивают свой жизненный горизонт, экономят свои силы в надежде на последующее улучшение ситуации. В итоге – демографический спад, снижение производительности труда, массовая халтура и морально-психологическая деградация бедных слоев населения: у общества и государства нет ясной и понятной перспективы развития, а по точному выражению В.Нерсисянца, создается «сверхновая феодальная туманность».

Многие авторитетные и независимые экономисты (Ф.Хайек, А.Аузан, Г.Ясин, В.Иноземцев и др.) настаивают на том, что именно от развития политических институтов зависит экономический рост в стране. В этой связи предложенные президентом В.Путиным в январе 2020 года поправки в Конституцию РФ имеют вполне логичный замысел: «обеспечить развитие России как правового, социального государства, укрепить роль гражданского общества, партий и регионов в выработке важнейших решений»⁶. Действительно, для дальнейшего интенсивного развития российского государства и общества необходима, *во-первых*, реальная политическая (партийная) конкуренция, основанная на разных программах возможного будущего страны, *во-вторых*, независимые профсоюзы, реально отстаивающие социально-экономические интересы наемных работников, *в-третьих*, независимые от государства НКО и правозащитные организации, содействующие реализации прав и свобод каждого гражданина РФ, *в-четвертых*, независимая судебная система, *в-пятых*, честные конкурентные выборы всех уровней власти, *в-шестых*, ограничение политической и экономической деятельности спецслужб и других силовых структур.

Шестое объединяющее основание – нравственно-религиозное самоопределение россиян должно происходить в конституционном поле, которое устанавливает светский характер российской государственности и отделенность церковных организаций от государства и равенство между ними

⁶ Встреча с членами рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию.01.2020 // Режим доступа/ <http://special.kremlin.ru/events/president/news/62592>

(согласно ст. 14. Конституции РФ). Это значит, что в светском государстве признается равноправие самых разных религиозных верований и убеждений, которые носят глубоко личный, приватный характер. При этом государственная и публичная жизнь должна опираться на научные знания, имеющие объективный и всеобщий характер. Именно научные знания и основанные на них технологии позволяют, во-первых, удовлетворять необходимые материальные потребности всех людей, во-вторых, создавать условия для реализации самых разных человеческих интересов, в том числе и духовных, и в-третьих, позволяют осуществлять общее благо.

Как показывают социально-философские исследования, нравственно-религиозное самоопределение современных россиян происходит в двух основных направлениях – *неотрадиционалистском* (со стороны консервативной части общества и государственных институтов) и *постмодернистском* (со стороны либеральной элиты, образованных и экономически самостоятельных слоев гражданского общества).

У разных социальных групп есть потребность в этих двух направлениях духовно-нравственного развития, и скорее всего, они будут сосуществовать еще очень долго. Но в условиях продолжающегося экономического спада, дальнейшего расслоения общества и «суверенизации» внутренней и внешней политики, будет усиливаться противостояние неотрадиционалистских и постмодернистских настроений, и скорее всего, в этом будет заинтересовано само государство, чтобы смещать внимание общества на ценностно-нормативные вопросы, связанные с различными верованиями, убеждениями, а не знаниями о происходящем. Этот возможный негативный сценарий, ведущий страну к стагнации и очередному застою, по всей видимости, будет доминирующим в ближайшую пятилетку.

Мы должны предложить и позитивный, т.е. желательный сценарий будущего российского общества. Этот сценарий возможен на основе выработки объединяющих, т.е. общих ценностно-нормативных ориентиров, т.е. общенациональных идей, которые должны быть общеразумными,

общеполезными, гуманными и созидательными. Поиск таких объединяющих идей, принципов является необходимым условием формирования российской гражданской нации. Прежде всего, должна быть задана формально-правовая основа для свободного самовыражения разных субъектов. Она уже есть, это действующая Конституция РФ.

Содержательный аспект общих ценностно-нормативных ориентиров сейчас масштабно представлен в идее «патриотизма», которая призвана мобилизовать разрозненное (атомизированное) российское общество вокруг лидера государства – президента В.Путина. Но доминирующая с 2013 года военно-историческая трактовка «патриотизма», оказывается эффективной только в ситуации военного противостояния с внешними и внутренними врагами «народа» и «государственных интересов». При этом военно-историческая трактовка патриотизма нацеливает общество и государство не на будущее, понятное для всех граждан, а в прошлое, искусно превращая историческую память о прошлых победах как бы в «наше настоящее» [13]. Конечно, прошлые великие победы важны для формирования национальной идентичности россиян в аспекте «какими мы были?», но для развития общества более важен современный аспект «кто мы сейчас?», ведь он описывает и объясняет наше актуальное состояние, от которого непосредственно зависят возможности нашего общего будущего.

Современные российские неотрадиционалисты (например, А. Щипков, Н. Михалков, Сулакшин и др.) во многом опираются на религиозно-мистические идеи позднего Павла Новгородцева, и пытаются их синтезировать с идеями социализма, т.е. вынужденного тотального государственного контроля, уравнительной справедливости и всеобщего братства. Так, например, в новой теории российского традиционализма А.В. Щипкова задается идеальный ориентир в России в виде формирования гражданской нации как добровольного сообщества свободных лиц и групп [14; 15]. Но так как в настоящее время такой нации еще нет, и в ближайшее время не предвидится, то, его словам, никак не обойтись без принуждающей и тотальной

контролирующей роли государства, которое должно удерживать население на определенной территории и создавать условия для формирования будущего национального единства. Решающую роль в этом процессе, по его мнению, и других неотрадиционалистов, должны играть общие религиозные ценности, которые должны дополняться и некоторыми материально-прагматическими интересами.

Первичная значимость общих религиозных интересов в процессе формирования единой российской нации вызывает серьезные сомнения, так как в 21 веке, в эпоху массовой секуляризации и индивидуализации ценностной сферы надежды на общую религию и мораль являются утопичными. К тому же мировой исторический опыт показывает, что именно общие материально-прагматические интересы являются надежным основанием для сближения разных людей, и общее складывается из совокупности частных интересов, т.е. личной прагматической заинтересованности граждан. Если же только государство берет на себя функцию определения «общих интересов», то чаще всего это приводит к коррупции и узурпации власти, когда обществу навязываются интересы правящего класса, а не большинства граждан.

Заключение

Подводя итог нашему социально-философскому рассмотрению проблемы моделирования оснований эволюции постсоветского общества мы должны также проанализировать возможные риски при реализации обозначенных оснований. Этот анализ приобретает важное практическое значение в силу того, что большинство из представленных оснований нашли отражение в новых поправках в действующую Конституцию РФ.

Во-первых, *активизация роли русского языка и русской культуры* в сложном постсоветском обществе может вызвать усиление антирусских и сепаратистских настроений в национальных республиках.

Во-вторых, *политическая идеологизация исторической памяти* может привести к очередной военно-патриотической цензуре и идеологическому

контролю за социально-гуманитарными науками, непосредственно связанных с анализом и интерпретацией исторических событий.

В-третьих, *непоследовательная реализация принципов рыночной экономики* в постсоветский период создает угрозу отставания и экономического коллапса, подобного конца 80-х годов прошлого века.

В-четвертых, *усиление института президентской власти* может способствовать активизации патерналистских, верноподданических настроений, не способствующих дальнейшему формированию гражданского общества.

В-пятых, *дальнейшее распространение неотрадиционалистских установок и общественных практик* создает риски догматизации и клерикализации общественной жизни, и дальнейшего мировоззренческого раскола.

Перечисленные риски необходимо учитывать в ходе последующей системной модернизации постсоветского общества, которая должна в среднесрочной перспективе привести к созданию современной российской гражданской нации, способной к динамичному и конкурентоспособному развитию в постиндустриальную эпоху.

Библиографический список:

1. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. – М., СПб.: Нестор-История, 2014.
2. Лапаева В.В. Постсоциалистическое будущее как предмет исследований социологии (с позиций теории цивилизма В.С. Нерсисянца) // Социологические исследования 2019. № 3. С. 3-12.
3. Мясников А.Г. Избыточная духовность как проблема современной практической философии // CREDO new. Теоретический журнал. С-Петербург: СпГУ – 2018. № 3. – С. 113-129.
4. Мясников А.Г., Мясникова Т.А. О методологии социально-философского изучения эволюции свободы в постсоветском обществе // Актуальные

- проблемы исследования массового сознания: Материалы V Международной научно-практической конференции (22-23 марта 2019 г., Пенза, ПГУ) / отв. ред. В. В. Константинов. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – С. 223-228.
5. Мясников А.Г. Право на ложь как ловушка для свободы // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. – С. 174-186.
6. Мясников А.Г. Философия свободы А. Радищева: современный комментарий к оде «Вольность» // CREDO new. Теоретический журнал. С-Петербург: СпГУ – 2016. № 2. – С.91-94.
7. Нерсисянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М. Норма, 2001.
8. Оболонский А.В. Коллизии морального сознания времен перестройки и ранних девяностых, их политические последствия и новые перспективы (к вопросу о судьбах российского либерализма) // Политический строй России: вчера, сегодня, завтра/ под общ. Ред. В.Л. Шейниса. – М.: Мысль, 2019. С. 84-108.
9. Резник Ю.М. «Новая гражданская общественность России как социально-этический проект межчеловечности» // Вестник РФО. Вып.1-2. 2019. С. 20-30.
10. Рыжков В.А. Будущее свободы и оппозиции в России // Выступление на семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы, Стокгольм, 27 апреля 2019 - С. 86-101.
11. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019.
12. Смирнов А.В. Самосознание российского общества // Режим доступа/ <https://iphras.ru/page31049315.htm>
13. Тульчинский Г.Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. СПб.: Алетейя, 2018.
14. Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе. Специальность 23.00.03 – Политическая культура и идеологии. Диссертация на соискание уч. степени докт. полит.н.. М., 2016.;

15. Щипков А.В. Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода // Вопросы философии. 2018. № 7. С.
16. Шевченко В.В., Спиридонова В.И., Соколова Р.И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН. 2016. 122 с.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ЧАСТЬ КАРТИНЫ МИРА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Мешкова Л. Н. (ПГУ, Пенза, Россия)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00137 «Эволюция свободы в постсоветском обществе: социально-философский анализ и практическое моделирование» («The evolution of freedom in post-Soviet society: socio-philosophical analysis and practical modeling»).

Мы живем в эпоху, где главной чертой становится цифровизация всех сфер деятельности человека. Новые информационные технологии изменили характер социальной коммуникации, влияют на систему социальных взаимоотношений и экономические процессы, стали частью повседневной жизни людей. Можно утверждать, что цифровые процессы становятся частью картины мира современного человека.

Под картиной мира принято понимать «целостную, многоуровневую систему представлений о мире и его взаимосвязях, о др. людях, о себе и своей деятельности, о пространственной и временной последовательности событий, их причинах, значении и целях» [7: 904]. Картина мира является сложно структурированной целостностью, которая в качестве главных компонентов включает в себя мировоззрение как концептуальную часть, мировосприятие как

чувственно-образную часть и мироощущение как особый склад мышления [3: 70]. Картина мира, с одной стороны, характеризуется устойчивостью, что обеспечивает преемственность между поколениями представителей одной культуры. С другой стороны, она динамична, подвижна и на ее содержание оказывают влияние исторические и социальные факторы, развитие научного знания и т.д.

Одним из самых показательных изменений в картине мира современного человека может служить понимание пространства. Мы теперь, помимо пространства реального, или, иными словами, пространства физического присутствия, выделяем пространство, создаваемое цифровыми технологиями. К последнему относятся интернет-пространство, дополненная реальность (когда цифровое графическое изображение накладывается на окружающее физическое пространство) и виртуальная реальность, конструирующая новый искусственный мир. В настоящее время интернет-пространство не менее значимо, чем реальное физическое. Оно является не только полем информационно-коммуникативного взаимодействия, но и служит для решения различных социальных задач. Пользователи интернета обращаются к онлайн-услугам банков и социальных учреждений, совершают покупки, заканчивают дистанционные онлайн курсы. По замечанию Г. Бехманна, онтологический вопрос «Что является действительным?» в культуре, основанной на аудиовизуальных возможностях симуляции, оказывается весьма трудным для ответа. «Виртуальные реальности становятся в один ряд с эмпирически подтверждаемыми действительностями, самые различные модусы подтверждения реальности и контроля истинности приходят на смену наивной вере в изображение и слово» [1: 130].

В результате распространения цифровых средств связи социальное пространство все больше приобретает независимость от пространства физического. Местоположение становится все менее значимым для нашей деятельности. Интернет и мобильная связь позволяют обмениваться сообщениями в любом месте и в любое время. В связи с этим происходит

уплотнение социального пространства, изменяется его структура, стираются привычные границы между публичным и приватным пространством, пространством для отдыха и работы. Благодаря интернету меняются способы организации рабочего процесса. «Для многих людей исчезли понятия “рабочий день” и “рабочее место” – время, посвященное заработку, определяется самостоятельно, а местом может быть и загородный домик, и кафе и даже парк» [8: 17]. Проявлением новых форм трудового участия с использованием цифровых средств стали фрилансерство, удаленная работа, практика аутсорсинга. Интернет предоставляет средства для самореализации пользователей в процессе соучастия в производственном процессе, является инструментом для самостоятельного решения разного рода проблем в трудовой деятельности.

Одним из важнейших компонентов картины мира является самоощущение человека. В цифровую эпоху это, прежде всего, проявляется в проблеме идентичности личности. Одним из аспектов идентичности становится так называемая сетевая идентичность. Социальные сети не только создают условия для открытой и свободной коммуникации, но и предоставляют человеку возможности для формирования своей особой сетевой идентичности, которая выступает как способ самопрезентации. Сетевая идентичность стала объектом пристального исследования специалистов из разных областей: психологов, социологов, культурологов и др. Отмечается, что в сети Интернет идентичность человека «не просто множественна, но с необходимостью расфокусирована», а «идентификация становится своего рода акционизмом – высказыванием, личностным перформансом или демонстрацией себя» [5: 55]. В тоже время указывается и проектный характер идентичности, связанный с жизненными стратегиями личности. «Механизмы сетевой коммуникации дают возможность личности через осмысление ценностных ориентиров индивидуальной деятельности формировать себя как активного субъекта, способного развивать собственную систему социальной идентичности, встраиваясь на основе приоритетных идентификаций в солидарные сообщества

социального пространства» [6: 687]. В силу отсутствия границ внутри глобального интернет-пространства человек получает возможность знакомиться с другими культурами, системами ценностей, моделями поведения и включать их в свое личное пространство. Безусловно, это становится одним из важнейших факторов изменения культурной картины мира личности.

Одним из проявлений самопрезентации личности в цифровом пространстве стало увеличение возможностей для свободы слова, для выражения собственной позиции по интересующим вопросам. В свободе высказывания выделяют четыре важных компонента, которые актуализируются благодаря цифровым технологиям: (1) право публиковать, распространять и расширять аудиторию; (2) право взаимодействовать с другими и обмениваться идеями с ними, включая право влиять и подвергаться влиянию, передавать культуру и воспринимать ее; (3) право присваивать культурные материалы для инноваций, комментирования, комбинирования, а затем делиться результатами с другими; и (4) право участвовать в культуре и создавать ее, и, следовательно, право влиять на развитие культурных и коммуникативных возможностей, которые формируют личность [9: 43]. Таким образом, цифровые технологии делают возможным широкое культурное участие и взаимодействие, которое раньше в таком масштабе не могло осуществиться.

Однако возрастание свободы личности благодаря новым технологиям одновременно сопровождается ростом разного рода ограничений и контроля.

Во-первых, свобода высказывания в интернете неотделима от ответственности за размещаемый контент — ответственности не только моральной, но и правовой.

Однако речь идет не только о правовых ограничениях.

Целый ряд исследований показывают, что цифровые коммуникативные средства обладают огромной силой внушения, оказывают сильное влияние на эмоциональное состояние человека, его когнитивные способности, что позволяет их использовать уже как средство манипуляции сознанием и поведением адресата сообщения. Более того, речь идет и о возрастании

контроля над личностью человека с помощью новых технологий. В.А. Емелин обращает внимание, что «увеличение возможностей доступа к новым ресурсам приводит к росту доступности в сети самого пользователя» [2: 21]. Данная «доступность» понимается как буквально – человек всегда находится «на связи», он открыт для коммуникации, так и в ином смысле – информация о нас доступна другим пользователям, а также различными компаниями, например, рекламным. Последствием наших действий с использованием цифровых технических средств является так называемая «цифровая тень», та информация, которую мы оставляем о себе в интернете и которая во многом от нас не зависит. В результате происходит «деприватизация личности», которая «имплицитно создает угрозу тотального контроля» [2: 22]. Поэтому встает задача осознанного использования новых технологий, развитие навыков внутреннего контроля над своими действиями в интернет-пространстве. Следует в этой связи отметить еще одно мнение, принадлежащее Я. Кальбитцеру. Он указывает, что опасность интернета состоит «не в слежке со стороны кого бы то ни было, а в том, что он постоянно расширяет нашу зону комфорта, где мы прячемся от проблем» [4: 178].

Таким образом, актуальной становится проблема безопасности в интернете. Одним из способов ее решения является повышение цифровой культуры пользователей. В России проводится ряд исследований и программ, направленных на развитие цифровой грамотности пользователей. Примером тому служит проект «Цифровая грамотность.РФ», направленный на повышение уровня знаний и умений населения, необходимых для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета. К таким умениям можно отнести такие когнитивные и практические навыки, как умение различать истинную и ложную информацию, анализировать высказанные в интернете позиции других людей, самоцензура, защита своих персональных данных и др.

Итак, мы видим, что вхождение цифровых технологий в повседневную жизнь человека влияют на процессы культурной и социальной идентификации,

на осознании своей роли в трудовых и социальных процессах, на социокультурное взаимодействие, а также на ощущение собственной безопасности и защищенности. Происходит изменения в восприятии собственных возможностей и места их реализации. Поэтому мы в полной мере можем утверждать, что цифровая среда стала неотъемлемой частью картины мира современного человека.

Библиографический список:

1. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. – М: Логос, 2010. – 248 с.
2. Емелин В. А. Утрата приватности: идентичность в условиях технологического контроля // Национальный психологический журнал. 2014. № 2. С. 19–26.
3. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. – СПб.: Алетейя, 2003. – 464 с.
4. Кальбитцер Я. Цифровая паранойя: Оставайтесь онлайн, не теряя рассудка. – Минск: Дискурс, 2018. – 192 с.
5. Конева А.В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. № 1. С. 50–60.
6. Мирошниченко И.В. Сетевые механизмы формирования идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – С. 685–694.
7. Осокин Ю.В., Соколов К.Б. Картина мира // Культурология. Энциклопедия. В 2х тт. Т.1. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 904–908.
8. Цифровая жизнь российских мегаполисов. Модель. Динамика. Примеры. / Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО, 2016. [Электронный ресурс] – URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Repo

rts/SKOLKOVO_IEMS_Research_2016-11-30_ru.pdf (дата обращения: 10.01.2019)

9. Balkin J. M. (2004) Digital Speech and Democratic Culture: A Theory of Freedom of Expression for the Information Society. *Faculty Scholarship Series*. 240. – URL: https://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/240 (дата обращения: 10.01.2019)

К ВОПРОСУ О ДОСТИЖИМОСТИ НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Чернецов М. А. (ПГУ, Пенза, Россия)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00137 «Эволюция свободы в постсоветском обществе: социально-философский анализ и практическое моделирование» («The evolution of freedom in post-Soviet society: socio-philosophical analysis and practical modeling»).

Свобода религиозная в иерархии уровней свобод

Вопрос религиозной свободы человека и общества имеет принципиально важное значение для сегодняшнего современной России.

Чтобы очертить предмет нашего исследования, обратимся к концепции степеней (уровней) свободы, последовательно разрабатываемой в публикациях доктора философских наук профессора А.Г.Мясникова. В статье «Происхождение, структура и функции ловушек для свободы» он указывает на то, что для современного социально-философского анализа актуально сближение понятий «свободы» и «самостоятельности». Автор отмечает, что «самостоятельность требует от человека постоянных интеллектуальных и волевых усилий, иначе ее можно легко потерять, попасть в самые разные зависимости, начиная с физических ограничений и заканчивая

интеллектуальными «ловушками», делающими человека не вполне свободным существом. Такая необходимость постоянных усилий и решений налагает на человека тяжелое бремя свободы». [5, с.165]

В соответствии с этой установкой выделяются десять степеней свободы-самостоятельности. В настоящей работе мы не будем подробно описывать каждый уровень, но приведем их последовательность:

- 1) Физическая самостоятельность
- 2) Психоэмоциональная самостоятельность
- 3) Интеллектуально-волевая самостоятельность
- 4) Правовая самостоятельность
- 5) Экономическая самостоятельность
- 6) Социальная самостоятельность
- 7) Политическая самостоятельность
- 8) Нравственно-религиозная самостоятельность
- 9) Творческая самостоятельность
- 10) Гениальность

А.Г.Мясников указывает, что нравственно-религиозная самостоятельность обычно достигается в зрелом возрасте, когда у человека складывается личная система выстраданных нравственных ценностей и религиозных убеждений. Такого рода самостоятельность проявляется прежде всего в моральной автономии личности. [5, с.166]

Характерной чертой данной модели является то, что она может описывать эволюцию как индивидуальной свободы, так и степени свободы в большой социальной группе, обществе, государстве. Конкретное общество соответствует той степени свободы/самостоятельности, к достижению которой в личном аспекте оно предрасполагает большинство своих членов.

При этом очевидно, что в каждый человек развивается в меру своих личных особенностей, ближайшего окружения, полученного образования, харизматических черт и т.д., и даже в экономически и социально несвободном

обществе могут рождаться люди, чьё личное развитие соответствует десятой степени эволюции свободы. Более того, можно говорить о том, что в отдельных случаях степени могут меняться местами. Однако в целом закономерность развития свободы как личности, так и социума соответствует обозначенной траектории.

Содержание понятия религиозной свободы

Говоря о религиозной свободе, не следует сводить это понятие к юридически закреплённой свободен совести. Последняя является лишь одним (и в сегодняшних реалиях далеко не определяющим) аспектом религиозной свободы.

Свобода совести является юридической нормой. Она зафиксирована в законодательных актах многих стран, в том числе, в конституции Российской Федерации 1993 года. [1, ст.28] При этом история нашей страны наглядно демонстрирует, что декларируемая свобода может быть облечена в практически любую содержательную форму.

В качестве примера можно привести статью 4 Конституции РСФСР 1925 года: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», формулировка которой впоследствии транслировалась в Конституции СССР 1936 и 1977 годов. Явный дисбаланс заявленных «свобод» нашёл в последствии своё гораздо более конкретизированное воплощение в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», практически полностью вытеснившим церковь религию практически из общественной жизни. [8, с.16]

Однако свобода совести соотносима в большей мере с седьмым, политическим уровнем свободы. Более того, приведенная нами модель говорит о свободе и самостоятельности как об уровне развития личности. Каким же характеристикам соответствует восьмая, нравственно-религиозная степень самостоятельности?

На наш взгляд, она проявляется в следующих аспектах:

1) Возможность формирования своего мировоззрения вне императивного влияния доминирующих религиозных и идеологических авторитетов.

2) Уровень нравственного развития, при котором человек совершает поступки преимущественно в соответствии со своими убеждениями. Последнее утверждение также раскладывается на две составляющие: а) действия ритуального, символического, культового характера (Следует оговориться, что выполнение формальных предписаний религии далеко не всегда составляет нравственный портрет индивида. Однако она является показателем того, насколько уверен человек в истинности своих убеждений); б) ситуации нравственного выбора.

Действительно, если говорить, например, о Российской Империи, где православие являлось государственной религией и, более того, частью геополитической доктрины, мы не встретим массовых примеров проблем, связанных со сменой религии. Отдельные ситуации, разумеется, возникали — и встречали жесткое противодействие системы, если речь шла о переходе из православия в другую конфессию. Но абсолютное большинство населения страны (в основной массе своей — крестьянство) воспринимало православие как данность и даже на категориальном уровне не осмысляло ситуацию возможного изменения вероисповедания.

Такая ситуация была связана с уровнем образования, с системой государственных институтов, где церковные учреждения сплетались с административной машиной, и в целом традиционным, патриархальным складом общества. Таким образом, бесконфликтная с точки зрения статистики ситуация в стране была связана с фактически безальтернативно транслируемым от поколения к поколению (при поддержке государственной системы) мировоззренческими установками — что ни коим образом не может соотноситься с представлениями о нравственно-религиозной свободе как степени достигнутой самостоятельности личности и общества.

Достигло ли современное российское общество рассматриваемой нами восьмой степени свободы?

В современной отечественной социологии сложилась традиция говорить о постперестроечном времени как об эпохе религиозного бума, когда доля россиян, определяющих себя православными выросла с 20-30% до 65-75%. Акцент делается на приобщении новых последователей к Русской православной церкви. Однако сегодня, когда с условного начала «бума» — тысячелетнего юбилея крещения Руси в 1988 году — прошло уже более трёх десятков лет было бы уместно говорить о межпоколенной трансляции религиозных традиций и убеждений. [9, с.353]

В монографии «25 лет социальных трансформаций» приводятся данные социологических опросов, согласно которым доля православных по возрастным группам имеет следующие показатели (данные на осень 2017 года):

18-30 лет — 70%, 31-40 лет — 76%, 41-50 лет — 72%, 51-60 лет — 82%

Старше 60 лет — 77%. В целом среди всех россиян — 75% [3, с.223]

Первую возрастную группу (18-30 лет) составляют как раз те россияне, чьи взгляды формировались уже значительно позже периода изменения положения церкви и религии в обществе. Они уже не испытывали того влияния «ветра перемен», который определял эволюцию религиозно-метафизических представлений на стыке 80-х и 90-х. «Поколение Y» приобщалось к религиозной традиции в значительно большей степени под влиянием семьи и религиозной пропаганды. И хотя религиозность этой возрастной группы несколько ниже, чем у остальных, разрыв составляет всего несколько процентных пунктов. С учётом того, что с возрастом человек как правило становится склонен к более традиционным взглядам, мы вправе ожидать, что со временем процент верующих в этом поколении увеличится.

Эти цифры свидетельствуют о высокой степени межпоколенной трансляции самоидентификации россиян по религиозному признаку. Но соответствует ли самоидентификация внутренней.

В то же время, статистические данные о соблюдении религиозных предписаний свидетельствуют, что самоидентификация россиян как православных носит скорее конформистский, формальный характер. Так, лишь 5% верующих (то есть 3,5% россиян) принимают причастие чаще, чем раз в месяц. 54% не причащаются никогда или почти никогда, 17% — реже, чем раз в год. [9, с.353]

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что религиозно-метафизические установки не являются на сегодняшний день предметом массовой рефлексии россиян и не оказывают решающего влияния на и социальное поведение. При этом, помня о 65-75%, называющих себя православными, мы не можем утверждать и что неверие (атеизм) стал основой мировоззрения граждан нашей страны.

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что на сегодняшний день россияне в основной массе своей не достигли нравственно-религиозного уровня свободы.

Нравственно-религиозная самостоятельность и посттрадиционное общество

Говоря о нравственно-религиозной степени свободы (самостоятельности), следует подчеркнуть тот факт, что, судя по всему, именно по нему проходит демаркационная линия между типами личности, характерными для традиционных и модернизированных и обществ. Ценностно-мировоззренческие различия между этими двумя типами могут быть представлены в виде таблицы:

Таблица 1 — Ценностно-мировоззренческие различия между модернизированным и традиционным типами личности [3, с.265]

Критерий различий		Модернизированный тип личности	Традиционный тип личности
Отношение индивидуальной активности	к	Человек должен надеяться в первую очередь на собственные силы	Человек должен опираться на поддержку государства
Отношение инновациям	к	Необходимо стремиться	Необходимо сохранять традиции

	к новизне	
Представления о жизненном успехе	Личная самореализация	Соответствие требованиям общества
Самоидентификация	По достигаемому статусу («я есть то, чего добился»)	По приписанному статусу («я есть то, кем родился»)
Объекты гордости	Личные достижения	Достижения сообщества, к которому принадлежишь

Для российского общества сегодня характерна неопределённость, причудливые комбинации этих критериев, которые в итоге соответствуют понятию «посттрадиционного общества». Подробно этот вопрос рассматривался в публикации автора «О методологических проблемах использования понятия “посттрадиционное общество”». [10, с.229-234]

Исследователи отмечают, что сохранение такого посттрадиционного состояния может быть продуктом полусознательного или даже полностью сознательного культурного воздействия: «Такую «промежуточность» можно трактовать как проявление имманентной специфики российской цивилизации, которая, как и другие неевропейские цивилизации, культивирует некоторые (в том числе тормозящие развитие) традиции в качестве доказательства своей самостоятельности». [3, с.265]

Поэтому вопрос о принципиальной возможности преодоления очередной степени свободы является открытым и во многом будет определяться информационной и идеологической повесткой, которую будет предлагать государственная власть.

Библиографический список:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993)
[http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/69de606a34754e42f0767090ca6c640885cdf63d/] Дата обращения: 01.03.2020 г.

2. Бызов Л. Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы // Общественные науки и современность. – 2015. – № 4. – С. 26–40.
3. Горшков М.К. и др. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа /отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. – М.: Весь Мир, 2018. – 384 с.
4. Задорин И.В., Хомякова А.П. Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2019. – №3(94). – С. 161-184.
5. Мясников А.Г., Константинов В.В., Чернецов М.А., Мясникова Т.А. Происхождение, структура и функции ловушек для свободы: социально-философский анализ» // Философский журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке». – 2019.– Том 8. – №2А. – С.158-170.
6. Мясников А.Г. Мешкова Л.Н. Матрица традиционного сознания как предмет социально-этического исследования // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27. – С.101-106.
7. Самарина Т.С. Феноменология, ноуменология, постфеноменология религии / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2019. – 296 с.
8. Туманов Д.Ю. Конституционное регулирование свободы совести в советском государстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – №4 (14) С.15-19.
9. Чернецов М. А. К вопросу о неоднородности религиозно-метафизических представлений православных россиян: социально-философский аспект // Государство, Общество и Церковь: российская нация и национальное единство: материалы науч.-практ. конф. с международным участием, г. Новосибирск, 29—30 октября 2019 г. : в 2 ч. Ч. 2 / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сиб. ин-т упр.; под науч. ред. Л. В. Савинова. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2019. – С.353-356

10. Чернецов М.А. О методологических проблемах использования понятия «посттрадиционного общества» // «Актуальные проблемы исследования массового сознания: материалы V Междунар. науч.-практ. конф.» / отв. ред. В. В. Константинов. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – С.229-234.
11. Froese P. Religion and American Politics from a Global Perspective // Current Studies in the Sociology of Religion / Ed. by K.R. Kerley. University of Alabama at Birmingham. 2015. – С. 255-269.
12. Inglehart, R. Development, freedom, and rising happiness / R. Inglehart, R. Foa, C. Peterson, C. Welzel // Perspective on Psychological Science. – 2008. – № 3. – Р. 264–285.

ПОНИМАНИЕ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ОСУЖДЕННЫМИ КАК СПОСОБ ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Петропавловский А. Е. (г. Пенза, Россия)

Основной целью пенитенциарной системы является ресоциализация правонарушителей, то есть их подготовка к жизни на свободе. В данном контексте слово «свобода» является юридическим термином и означает пребывание человека за пределами мест содержания заключённых. Именно так обычно понимают его и осуждённые. При этом жизнь на свободе представляется им как возможность почти неограниченной деятельности. Такова точка зрения и обывательского мировоззрения, и криминального сознания, формируемого в среде криминальной субкультуры. Причем криминальное сознание у многих индивидов имеет такие прочные мировоззренческие основания, что его можно сравнить с философскими или религиозными убеждениями. Поэтому, решая вопрос ресоциализации, необходимо, прежде всего, изменить криминальное сознание осуждённого.

Традиционным средством перевоспитания в пенитенциарной системе всегда были трудовая деятельность и образование. Последнее играет определяющую роль в формировании личностного мировоззрения. Особенно это касается среднего образования. Через образовательные дисциплины гуманитарного цикла обучающийся имеет возможность формировать и корректировать свои личные понятия, убеждения, представления.

Важной задачей для педагогов пенитенциарной системы видится формирование у осуждённых представления о свободе как о социально-философской категории. Такой подход позволит сформировать у осуждённых определённое отношение к свободе, при котором они будут не только желать её, но и задумываться над её целями и путями её достижения. В свою очередь, подобные размышления будут способствовать корректировке поведения в обществе, и задача ресоциализации, таким образом, может быть решена. Кроме того, философское понимание отсутствия полной детерминированности и осознание себя свободной личностью будет способствовать созданию благоприятного психологического климата в условиях заключения.

В философии существует много определений понятия «свобода». Разные философы даже понимают её сущность не одинаково. Для нас думается логичным рассматривать свободу как философскую категорию, которая открывается перед мыслящим субъектом в ходе рационального философского осмысления. В ином случае, как мы уже выяснили, есть риск, что свобода может быть истолкована в рамках нефилософского мировоззрения и вводить в заблуждение.

О важности именно рационального понимания принципа свободы говорили многие известные философы. Например, Спиноза считал, что человек находится в рабском положении, пока не научится управлению своими внутренними порывами. По его мнению, только человека, руководствующегося разумом, можно считать свободным и могущественным [3, с. 93].

Похожую мысль высказывал и Лейбниц, отводивший главную роль так называемой фактической свободе, под которой он подразумевал наличие

средств для реализации воли, в том числе способность пользоваться собственным телом. По его мнению, для истинной свободы индивида недостаточно только отсутствия внешних преград, ведь тогда, получается, что свобода имеет спонтанный характер. Истинная свобода, согласно Лейбницу, зависит только от всесторонней продуманной деятельности индивида [1, с. 74].

Проблема свободы получила широкое освещение в философии марксизма. Его сторонники, как и сторонники диалектического материализма связывали эволюцию свободы непосредственно с уровнем познания законов, по которым функционирует общество. По их мнению, учение о свободе логически вытекает из исследований социальной сферы. Для достижения истинной свободы марксизм предполагает активное изучение принципов физического мира и общественной жизни как его уникальной части. При этом марксизм сумел избежать крайностей и детерминизма механистической картины мира, и роли мыслящего субъекта немецкого идеализма.

Марксизм признаёт необходимую зависимость индивида от физической природы, однако приписывает этому индивиду способность освободиться от ее тотального влияния с помощью познавательной деятельности. В ходе этой деятельности происходит постоянное совершенствование орудий труда и продуктов производства. Так что свобода индивида обуславливается характером организации труда на определённой стадии общественного развития, но при этом в выборе путей развития индивид свободен. Получается, свобода носит относительный характер, однако полностью зависит от осознания на личностном и общественном уровнях.

Именно уровень познания, согласно марксистским представлениям, допускает и определяет варианты развития деятельности индивидов, находящейся в детерминированности от социального развития. При этом уровень свободы конкретного человека напрямую зависит от уровня свободы общества в целом [2, С. 447]. Потому классики марксизма говорят о необходимости осуществления осознанной деятельности на общественном уровне, что в дальнейшем приведёт к истинной свободе на уровне личностном.

Философия постмарксизма в соединении с другими научными сферами (экономикой, социологией, психологией и др.) обозначила серьёзные трудности в осмыслении свободы конкретным индивидом, присущие современному обществу. Однако рациональная деятельность до сих пор осталась важнейшим средством обретения свободы.

Так, К. Ясперс связывал обретение фактической свободы с познанием возможности её достижения. По его мнению, характер свободы полностью зависит от того, как индивидом воспринимается окружающая его действительность. И рациональное понимание свободы позволяет человеку преодолевать опасность, адекватно относиться к собственным успехам и неудачам. Такое осознание приводит к обретению индивидом истинного «Я» [4, с. 75]. Таким образом, осознанность свободы становится ещё и важнейшей проблемой психологии.

Именно такое осознанное понимание свободы необходимо формировать и у осуждённых, чтобы после заключения они смогли легко встроиться в практическую сферу общественной жизни: устроиться на работу, а также позитивно проводить свой досуг.

Таких практических целей можно достигнуть только благодаря рациональному, а не моральному, пониманию свободы. Поэтому роль религиозных организаций в трактовке понятия «свободы» кажется менее значительной, чем роль образования.

Образование формирует и укрепляет у индивида внутренний нематериальный мир, именуемый духовным миром или сферой сознания. Его важность заключается в его сущности. Поскольку это область теоретических идей и абстрактных образов, то в ней человек может чувствовать себя гораздо увереннее и свободнее. Но необходимо развивать её и использовать правильно. Так у индивида развивается свободное мировоззрение, которого человеку часто бывает достаточно, чтобы ощущать себя свободным.

Можно выделить несколько принципов, руководствуясь которыми формируется это свободное мировоззрение:

1. Регулярное пополнение сознательной сферы разнообразной информацией для постоянного обогащения внутреннего мира.
2. Освоение основных логических методов (анализа, синтеза, индукции, дедукции) для осуществления необходимых логических операций с получаемой информацией.
3. Приобщение к культуре толерантности для формирования разнообразия внутреннего мира, не ограничивающегося рамками определенной модели мышления.

Перечисленные принципы являются обязательными задачами современного образовательного процесса. Однако в науке до сих пор нет достаточного количества методологических исследований, касающихся образовательных технологий в условиях пенитенциарной системы. Так что разработка педагогических методов и приёмов, формирующих понимание личной свободы, остаётся перспективной задачей современной науки.

Между тем это очень важная задача, которая позволит достигнуть не только практических результатов, касающихся подготовки осуждённых к ресоциализации, но и поможет сформировать теоретико-методологическую базу для процесса социализации во всех образовательных организациях.

Библиографический список:

1. Лейбниц, Г. В. Сочинения: в 4 т. – Т. 4 / Г. В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1989. – 487 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. В 50 т. Т. 4. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – 616 с.
3. Спиноза, Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза. – Минск: Литература, 1998. – 548 с.
4. Ясперс, К. Всемирная история философии / К. Ясперс. – М.; СПб.: Наука, 2000. – 272 с.

ОПАСЕНИЯ И СТРАХИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ СТУДЕНТОВ

Муращенкова Н. В. (г. Смоленск, Россия),

Гриценко В. В., Ефременкова М. Н. (г. Москва, Россия)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ»

Эмиграция – это явление, характерное для различных стран. Можно сказать, что это закономерный процесс, отражающий особенности современного мира и человека, а также специфику современных миграционных потоков в целом. Однако, неконтролируемая, молодеющая, увеличивающаяся год от года эмиграция, проявляющаяся в условиях социально-экономической нестабильности общества, принимает масштабы бедствия, становится серьезной проблемой для будущего любой страны и требует рассмотрения в контексте проблем безопасности, причем как на макро-, так и на микроуровне (уровне личности).

Современная российская действительность подтверждает особую значимость проблемы сохранения человеческого капитала и ставит проблему эмиграции в разряд ведущих в политике безопасности страны. По официальной статистике [1] только в 2018 году из России эмигрировали 440831 человек, из которых более 41% – это лица в возрасте от 20 до 34 лет. При этом, вероятнее всего, реальная цифра значительно выше, так как официальная статистика не включает информацию о тех, кто переезжает за границу, но не снимается с регистрационного учета по месту жительства. В свою очередь большой процент эмигрировавшей молодежи вызывает особую обеспокоенность. Социологами в последние 4 года фиксируется тенденция роста эмиграционных настроений в среде молодых россиян [2]. Данная тенденция подтверждает необходимость и актуальность изучения эмиграционной активности российской молодежи, в

частности ее эмиграционных намерений, как компонента этапа планирования будущей эмиграции. В рамках изучения эмиграционной активности молодежи, в свою очередь, особого внимания требует анализ эмиграционных намерений студенчества, как специфической группы, отличающейся высоким образовательным уровнем, выраженной познавательной мотивацией, мобильностью, социальной активностью, сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости [3].

Рассмотрение эмиграции в контексте проблемы безопасности на микроуровне (уровне личности) предполагает обращение к теме мотивации эмиграции. Психологи отмечают, что значимым фактором эмиграционного поведения вообще и формирования эмиграционных намерений в частности выступают опасения и страхи, ощущение небезопасности окружающей среды, высокий уровень тревоги, связанный с этим ощущением [4]. Актуализация страхов, увеличение их количества наблюдается как в периоды кризисного развития страны и общества, так и в кризисные (нормативные и ненормативные) периоды развития самой личности. В свою очередь, сопряженность, совпадение кризисных этапов на макро- и микроуровне может иметь кумулятивный эффект. В связи с этим изучение эмиграционной активности студенчества должно быть сопряжено с пониманием истоков мотивации потенциальной эмиграции, которыми являются не только сложная ситуация в стране, но и ситуация нормативного кризиса идентичности, в котором находятся многие студенты [5]. Данный кризис связан с периодом социального становления личности, формированием жизненных перспектив и планов, определением отношения к миру и своего места в нем, расширением ролевого репертуара, формированием идентичности и т.д.

Целью данного исследования стало выявление характера связи актуальных страхов и опасений современных студентов с их эмиграционными намерениями (на выборке студентов-смолян).

Выборку исследования составили студенты четырех крупнейших ВУЗов Смоленска: 255 человек от 17 до 24 лет, из них 136 девушек (53%) и 119

юношей (47%) (медиана и средний возраст - 19 лет). Распределение по уровню дохода на одного члена семьи: менее 2500 – 3,53% респондентов, 2500-7500 – 16,86%, 7501-15000 – 33,33%, 15001-25000 – 22,35%, 25001-40000 – 13,33%, 40001-60000 – 5,49%, 60001-80000 – 1,18%, 80001-100000 – 2,75% и более 100000 – 1,18%. Большинство студентов считают себя русскими (86,27%). Выбранная региональная принадлежность респондентов обусловлена географическим положением области и низкими показателями ее социально-экономического развития [6], как потенциальными факторами развития эмиграционных намерений у жителей.

Исследование проводилось в форме очного анонимного анкетирования. В анкету были включены вопросы/утверждения, выявляющие эмиграционные намерения и актуальные страхи и опасения студентов, а также вопросы для выявления социально-демографических параметров (пол, возраст, национальность, доход, место обучения).

Эмиграционные намерения рассматривались с позиции теории планируемого поведения А. Айзена [7]. По А. Айзену, намерение – это фактор готовности личности к определенному поведению. Чем сильнее намерение – тем больше вероятность того, что человек реализует поведение. Эмиграционные намерения оценивались с помощью 3 сформулированных вопросов/утверждений (α -Кронбаха=0,861) (табл. 1).

Таблица 1

Дескриптивные статистики эмиграционных намерений студентов

№	Переменные	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение
A1	«Насколько вероятно, что Вы эмигрируете из России в течение пяти ближайших лет?» (от 1 – «абсолютно не согласен» до 6 – «абсолютно согласен»)	1,00	6,00	2,00	2,21	1,17
A2	«Я хотел(а) бы	1,00	6,00	3,00	2,98	1,57

	начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет» (от 1 - «совершенно невероятно» до 6 - «очень вероятно»)					
A3	«Я собираюсь начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет» (от 1 - «совершенно невероятно» до 6 - «очень вероятно»)	1,00	6,00	2,00	2,60	1,40

Для выявления актуальных страхов и опасений студентов были организованы 2 независимые фокус-группы. В результате обобщения полученных в ходе дискуссий данных сформулированы 13 переменных-утверждений, которые были включены в исследовательскую анкету (шкала от 1 – «абсолютно не согласен» до 6 – «абсолютно согласен») (табл. 2).

Таблица 2

Дескриптивные статистики опасений и страхов студентов

(опасения и страхи представлены в порядке убывания значимости по средним)

№	Переменные	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение
B1	Я беспокоюсь о своем здоровье	1	6	4	4,07	1,41
B2	Я опасаюсь войны	1	6	4	3,88	1,66
B3	Я боюсь стать жертвой теракта	1	6	3	3,21	1,57
B4	Я понимаю, что не хочу думать о будущем	1	6	3	3,02	1,45
B5	Я боюсь, что у меня не сложится личная жизнь	1	6	3	2,92	1,50
B6	Я боюсь смерти	1	6	3	2,81	1,48
B7	Я думаю, что не обладаю внешней привлекательностью	1	6	3	2,80	1,44
B8	Я не уверен(а), что найду достойную работу в России	1	6	4	2,56	1,35

B9	Я не уверен(а), что смогу жить самостоятельно	1	6	2	2,47	1,32
B10	Я боюсь стать жертвой национализма	1	6	2	2,46	1,20
B11	Я не уверен(а), что смогу обеспечить материально свою семью	1	6	3	2,13	1,22
B12	Я не уверен(а), что выбрал профессию правильно	1	6	3	1,76	1,28
B13	Я не знаю, чего я хочу от жизни	1	6	3	1,67	1,24

Наиболее выраженными страхами в среде студенческой молодежи г. Смоленска (средние значения более 3-х) являются опасения относительно собственного здоровья, вероятности войны, страх стать жертвой теракта, а также опасения относительно собственного будущего, что выражено в сопротивлении и нежелании думать о нем. Наименьшая выраженность в студенческой среде характерна для опасений, связанных с осуществленным выбором профессии и текущим осознанием собственных жизненных целей и планов (средние значения менее 2-х). Условно срединное положение (средние значения от 2-х до 3-х) занимает страх смерти, страхи относительно устройства личной жизни, собственной внешности, успешного трудоустройства в России, приобретения самостоятельности, самодостаточности и независимости, в том числе и материальной. Выявлены половые различия в выраженности страхов в студенческой среде: страх смерти ($p=0,035$) и страх стать жертвой теракта ($p=0,000$) в большей степени характерны для девушек, нежели для юношей (двухвыборочный критерий Колмогорова-Смирнова).

Для оценки характера связи страхов и опасений студентов с эмиграционными намерениями использовался метод моделирования структурными уравнениями (SEM). В качестве зависимой переменной выступило эмиграционное намерение, которое моделировалось как латентный фактор, представленный тремя измеренными на выборке переменными. Предикторами в модели выступили 13 переменных, отражающих студенческие

опасения и страхи. При тестировании модели осуществлялся контроль социально-демографических переменных (возраст, пол, доход).

Построенная модель имеет хорошие индексы пригодности: $\chi^2=29,266$, $df=26$, $CMIN/DF=1,126$, $p=0,299$, $CFI=0,997$, $RMSEA=0,022$, $PCLOSE=0,899$. Все вопросы/утверждения, оценивающие эмиграционные намерения, входят в латентный конструкт со статистически значимыми нагрузками (рис.).

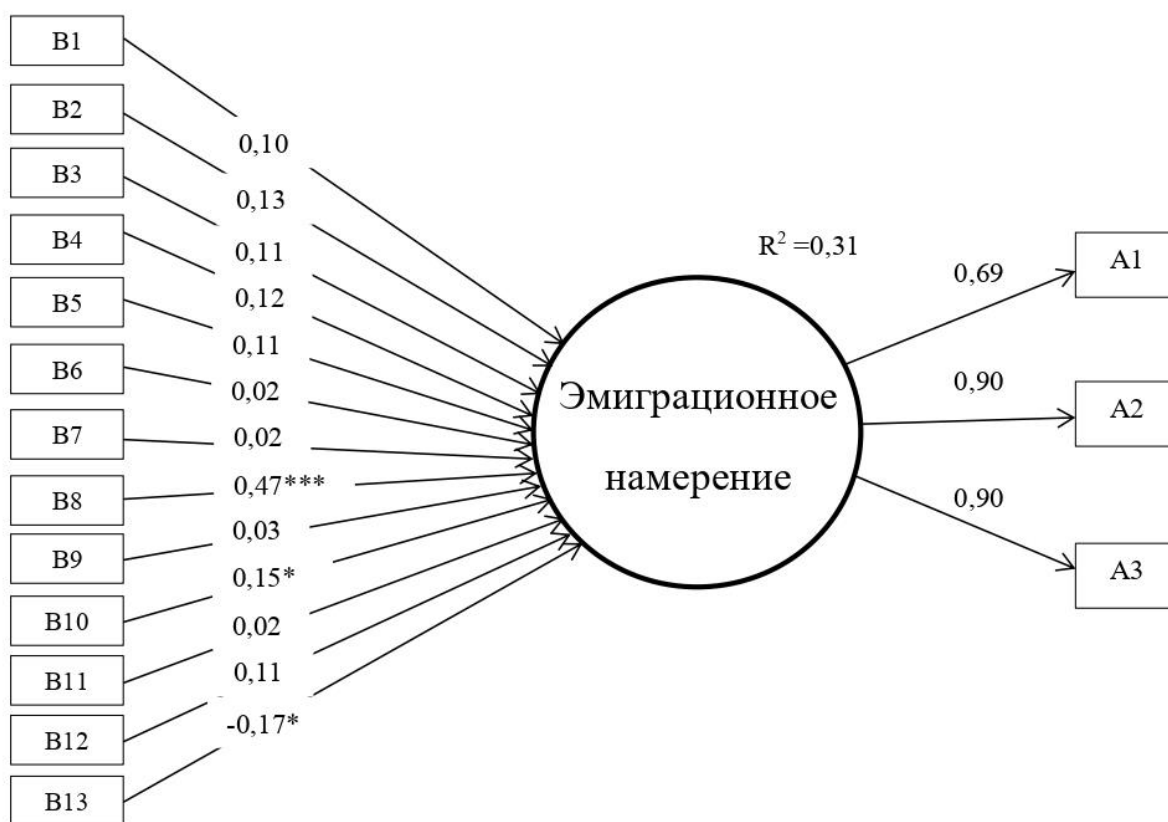

Рис. Модель связи опасений и страхов студентов с эмиграционными намерениями при контроле социально-демографических переменных (пол, возраст, уровень дохода): A1, A2, A3 – измеренные переменные эмиграционного намерения (табл.1), B1-B13 – страхи и опасения студентов (табл.2).

Из 13-и предполагаемых предикторов, включенных в модель, статистически значимые связи с эмиграционными намерениями имеют лишь 3.

Выявлено, что чем выше опасения студентов относительно возможности эффективного трудоустройства в России («не уверен(а), что найду хорошую работу в России» ($\beta=0,470$, $p=0,000$)), относительно вероятности расовой и этнической дискриминации («боюсь стать жертвой национализма» ($\beta=0,150$, $p=0,026$)), а также, чем больше понимания и уверенности в том, чего они хотят от жизни («не знаю, чего хочу от жизни» ($\beta=-0,170$, $p=0,012$)), тем выше их эмиграционные намерения.

Тот факт, что выборка преимущественно состоит из студентов, причисливших себя к русской национальности (86,27%), позволяет предположить, что обнаруженная положительная связь между эмиграционными намерениями и вероятностью расовой и этнической дискриминации («боюсь стать жертвой национализма» ($\beta=0,150$, $p=0,026$)) отражает скорее не конкретный индивидуальный страх респондентов с выраженными эмиграционными намерениями, а общую тревогу относительно небезопасности среды проживания, проявляющуюся, в том числе, и в представлениях о высокой вероятности проявления национализма в ней.

Таким образом, согласно полученным результатам, на эмиграцию скорее будут ориентированы студенты, не испытывающие затруднений с осознанием своих желаний, целей и намерений, но проявляющие опасения относительно возможности эффективного, благоприятного для себя трудоустройства в России, а также относительно небезопасности среды существования в стране, в частности в плане проявления расовой и этнической дискриминации.

Ограничением исследования являются особенности выборки и невозможность экстраполировать полученные результаты на всех российских студентов, в связи с чем, сделанные выводы имеют отношение лишь к студенческой молодежи смоленского региона.

Библиографический список:

1. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году» (0,9 Мб) — выпуск 2019 г. (опубликовано 28.06.2019) [Электронный ресурс] // URL:

http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 15.01.2020).

2. Гончаров С., Волков Д. Эмиграционные настроения (опубликовано 26.11.2019) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 02.01.2020).

3. Шарипов Ф.В. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие. М.: Логос. 2012. 448 с.

4. Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю. Эмиграционные намерения и безопасность личности // Национальный психологический журнал. 2013. №2 (10). С. 17–24.

5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 86 с.

6. О социально-экономическом положении Смоленской области в январе-ноябре 2019 года. 2019: Доклад/Смоленскстат. – С., 2019. 51 с. [Электронный ресурс] // URL: https://sml.gks.ru/storage/mediabank/dokl_11sayt.pdf (дата обращения: 05.01.2020).

7. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50 (2). P. 179–211; Fishbein M., Ajzen I. Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.

Сведения об авторах

Агилар Онья Карен Юссара, аспирант кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия)

Бабаева Марина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Батхина Анастасия Александровна, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ (г. Москва, Россия)

Бедрина Елена Борисовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики и менеджмента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)

Берденова Сауле Жалгасовна, кандидат педагогических наук, профессор Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (г.Костанай, Казахстан)

Бузыкина Юлия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Бушина Екатерина Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ (г. Москва, Россия)

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, Институт социально-политических исследований (ИСПИ) ФНИСЦ РАН, главный научный сотрудник, МГУ им. М.В Ломоносова, кафедра демографии ВШССН, профессор (г. Москва, Россия)

Вукчевич Немани, аспирант кафедры социологии управления Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова (г. Белгород, Россия)

Гавронова Юлия Дмитриевна, кандидат психологических наук, ассистент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», (г. Смоленск, Россия)

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Демин Игорь Владиславович, старший преподаватель кафедры теории и методики физической культуры ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (г. Курск, Россия)

Ефременкова М. Н., аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Жуина Диана Валериевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и прикладной психологии ФГБОУ ВО «Мордовский

государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева» (г. Саранск, Россия)

Карина Ольга Витальевна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского» (г. Балашов, Россия)

Кирдяшова Евгения Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» (г. Саранск, Россия)

Климова Екатерина Александровна, аспирант кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Константинов Всеволод Валентинович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Ковалева Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН (г. Москва, Россия)

Котлярова Любовь Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (Российской правовой академии Минюста России) (г. Москва, Россия)

Красильников Игорь Александрович, кандидат психологических наук, доцент, независимый исследователь (г. Полтава, Украина)

Макадей Людмила Ильинична, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии института образования и социальных наук ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь, Россия)

Малышев Иван Викторович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет им. Н. Г.Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Маслова Ольга Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов; доцент кафедры педагогики и медицинской психологии Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М Сеченова (г. Москва, Россия)

Мартьянова Галина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии ИППО ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Махаринская Елена Александровна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Медведева Дарья Сергеевна, старший преподаватель кафедры специальной психологии и коррекционной педагогики ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Мельничук Марина Геннадиевна, старший преподаватель кафедры философии Харьковский национальный университет радиоэлектроники (г. Харьков, Украина)

Мешкова Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Изобразительное искусство и культурология» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Муращенкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (г. Смоленск, Россия)

Мясников Андрей Геннадьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Методологии науки, социальных теорий и технологий» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Мясникова Татьяна Андреевна, студент Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Оникова Татьяна Николаевна, магистрант направления подготовки 44.04.02 «Психолого-педагогическое образование» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» г. Пенза, Россия

Осин Роман Викторович, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Осипова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии института образования и социальных наук ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь, Россия)

Пайчадзе Светлана, доцент Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония)

Павлова Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Петропавловский Андрей Евгеньевич, старший преподаватель «Вечерней (сменной) общеобразовательной школы» г. Пензы (г. Пенза, Россия)

Путилова Наталья Викторовна, аспирант кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Сарычев Сергей Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (г. Курск, Россия)

Смирнова Елена Олеговна, директор по развитию НКО «Шанс» (г. Москва, Россия)

Смирнов Виктор Михайлович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Гжельского государственного университета (п. Электроизолятор, Россия)

Терещенко Элеонора Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии института образования и социальных наук ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь, Россия)

Ткаченко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Коповой Андрей Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент, начальник центра практической психологии образования Института педагогической рискологии ВГБОУ ВО МО «Академия социального управления» (г. Москва, Россия)

Краснянская Татьяна Максимовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета (г. Москва, Россия)

Романовская Ольга Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Государственно-правовые дисциплины» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовное право» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Романовский Владислав Георгиевич, ассистент кафедры «Уголовное право» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Ромашева Жанагуль Жумабековна, аспирантка 1 курса специальности «Социальная психология» Московского государственного психолого-педагогического университета (г. Москва, Россия)

Тылец Валерий Геннадьевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий международной кафедрой «Ватель-РМАТ» Российской международной академии туризма; профессор кафедры психологии и педагогической антропологии Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия)

Усубян Шушаник Араевна, аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Фомина Юлия Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (г. Тула, Россия)

Хотинец Вера Юрьевна, доктор психологических наук, профессор, зав.кафедрой общей психологии ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чернецов Михаил Андреевич, аспирант кафедры «Методологии науки, социальных теорий и технологий» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный

университет» (г. Пенза, Россия)

Шорохова Валерия Альбертовна, старший преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Шумилкина Евгения Александровна, начальник научно-исследовательского отдела ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Doya Yuji, Ph.D., Faculty of Science and Technology, Keio University (Yokohama, Japan)

Kigel Tali., researcher, Bilingual Education Center «Behazlaha» (Petah Tikva, Israel)

Sawada Tatsuo, Ph.D., Professor, Department of Mechanical Engineering, Keio University (Yokohama, Japan)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
МЕХАНИЗМЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СИТУАЦИЯХ КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА Бабаева М. В. (г. Пенза, Россия).....	5
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ГЛАЗАМИ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА Бедрина Е. Б. (г. Екатеринбург, Россия).....	11
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОГО ДВУ- И МНОГОЯЗЫЧИЯ Берденова С. Ж. (г. Костанай, Казахстан).....	18
СТЕРЕОТИПЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ Бузыкина Ю. С. (г. Пенза, Россия).....	25
ПРЕИМУЩЕСТВА И ТРУДНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ШКОЛАХ ГЛАЗАМИ УЧИТЕЛЕЙ Бушина Е. В., Батхина А. А. (г. Москва, Россия).....	30
ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ МИГРАНТОВ Воробьева О. Д. (г. Москва, Россия).....	36
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МНОГОМЕРНОГО ПРОЦЕССА ИНТЕГРАЦИИ КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ Вукчевич Н. (г. Белгород, Россия).....	44
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И МИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ) Гавронова Ю. Д. (г. Смоленск, Россия).....	50
РОЛЬ ЭМПАТИИ В АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ОБЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ Гайдаренко С. М. (г. Лесосибирск, Россия).....	57
РОЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НОВОМ ДОМЕ В ПРОЦЕССЕ	

РЕАЛИЗАЦИИ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ: ПРАКТИКА ОСОЗНАНИЯ Гриценко В. В., Махаринская Е. А. (г. Москва, Россия), Муращенкова Н. В. (г. Смоленск, Россия).....	63
СОЦИАЛЬНО-ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ СУБЪЕКТА, ПРИНЯВШЕГО РЕШЕНИЕ О МИГРАЦИИ Ефременкова М. Н. (г. Москва, Россия).....	73
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ Жуина Д. В. (г. Саранск, Россия).....	79
ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СВОЙСТВАХ ТЕМПЕРАМЕНТА Калугин А. Ю. (г. Пермь, Россия).....	83
СОЦИАЛЬНО -ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ ШКОЛ Кокина П. О. (г. Москва, Россия).....	91
СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ, В УСЛОВИЯХ ПРЕКАРИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА Карина О. В. (г. Балашов, Россия).....	97
СПЕЦИФИКА ОБРАЗА Я ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ Климова Е. А., Константинов В. В. (г. Пенза, Россия).....	103
СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ, ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ОПТИМИЗМ МИГРАНТОВ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЙ ИЗ АРМЕНИИ И АРМЯН, ПРОЖИВАЮЩИХ НА РОДИНЕ Ковалева Ю. В. (г. Москва, Россия).....	108
АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Котлярова Л. Н., Смирнова Е. О. (г. Москва, Россия).....	116
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНЦЕПЦИИ А. РЭНД Красильников И. А. (г. Полтава, Украина).....	123

СВЯЗЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И УРОВНЯ АККУЛЬТУРАЦИИ К РОССИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ Маслова О. В., Агилар Ю. (г. Москва, Россия).....	131
РОЛЬ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В СОВЛАДАЮЩЕМ ПОВЕДЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ Макадей Л. И., Осипова Н. В., Терещенко Э. В. (г. Ставрополь, Россия)...	134
ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ-МИГРАНТОВ Малышев И. В. (г. Саратов, Россия).....	138
АДАПТАЦИЯ К ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ И СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ Мартьянова Г. Ю. (г. Москва, Россия).....	146
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ВРЕМЕННЫХ МИГРАНТОВ: ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД Мельничук М. Г. (г. Харьков, Украина).....	151
К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИЯХ СТРАХОВ У ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ Оникова Т. Н. (г. Пенза, Россия).....	155
НУЖНЫ ЛИ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ, РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА? Осин Р. В. (г. Пенза, Россия).....	160
ЯПОНСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И ДЕТИ-МИГРАНТЫ В Г. САППОРО Пайчадзе С. (г. Саппоро, Япония).....	165
ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ПЕРИОДА, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО МИГРАЦИИ Путилова Н. В. (г. Пенза, Россия).....	175
ЛИБЕРТАРИАНСКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Романовская О. В. (г. Пенза, Россия).....	179

НЕКОНТРОЛИРУЕМАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФОРМА ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ Романовский Г. Б. (г. Пенза, Россия).....	185
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ Романовский В. Г. (г. Пенза, Россия).....	190
РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ Ромашева Ж. Ж. (г. Москва, Россия).....	196
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАДЕЖНОСТИ СПОРТИВНЫХ ГРУПП В НАПРЯЖЕННЫХ УСЛОВИЯХ Сарычев С. В., Демин И. В. (г. Курск, Россия).....	202
ДИСТАНТНАЯ СЕМЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРОЦЕССА ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ Смирнов В. М., (п. Электроизолятор, Россия) Коповой А. С., (г. Москва, Россия).....	210
ПЕРСОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ АДАПТАЦИИ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ Тылец В. Г., Краснянская Т. М. (г. Москва, Россия).....	217
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ Фомина Ю. И. (г. Тула, Россия).....	225
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ Хотинец В. Ю., Медведева Д. С. (г. Ижевск, Россия).....	233
ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ АВТОРСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ Хухлаев О. Е., Гриценко В. В., Павлова О. С., Ткаченко Н. В., Усубян Ш. А., Шорохова В.А. (г. Москва, Россия).....	238
К ВОПРОСУ О ПОЗИТИВНЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ	

Шумилкина Е. А. (г. Пенза, Россия).....	246
EVALUATION METHOD FOR UNIAXIAL HULL STRENGTH OF REINFORCED KNOCKDOWN PONTOONS Doya Y., Sawada T. (Yokohama, Japan).....	252
THE INITIAL STAGE OF TEACHING READING A YOUNG STUDENT WITH A MIGRANT BACKGROUND Kigel T. (Petah Tikva Israel).....	267
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА Мясников А. Г. (ПГУ, Пенза, Россия) Мясникова Т. А. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия).....	273
ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ЧАСТЬ КАРТИНЫ МИРА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА Мешкова Л. Н. (ПГУ, Пенза, Россия).....	288
К ВОПРОСУ О ДОСТИЖИМОСТИ НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ Чернецов М. А. (ПГУ, Пенза, Россия).....	294
ПОНИМАНИЕ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ОСУЖДЕННЫМИ КАК СПОСОБ ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ Петропавловский А. Е. (г. Пенза, Россия).....	302
ОПАСЕНИЯ И СТРАХИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ СТУДЕНТОВ Муращенкова Н. В. (г. Смоленск, Россия), Гриценко В. В., Ефременкова М. Н. (г. Москва, Россия).....	307
Сведения об авторах.....	315

**Социально-психологическая адаптация мигрантов
в современном мире**

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано к использованию 03.03.2020.

Объем 2089 Кб. Электрон. текстовые данные. Заказ 145.

